

ИСКАТЕЛЪ

ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ

4

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

1988

ИСКАТЕЛЬ 4

ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ **СВЕТА**
1988

В ВЫПУСКЕ:

Леонид ПАНАСЕНКО

2

СТАТИСТЫ
Повесть

Андре РЮЭЛЛАН

26

МЕМО
Фантастический роман

ОСНОВАН В 1961 ГОДУ

№ 166

Выходит 6 раз в год. Распространяется только в розницу

Леонид ПАНАСЕНКО

‘СТАТИСТЫ’

ПОВЕСТЬ

Воздух вдруг как бы сгустился — дышать стало нечем. К кисло-пресному привкусу металла и пыли прибавился острый неприятный запах.

Тони брезгливо поморщился.

Сидят... Или стоят, уцепившись за что-нибудь... Вжимаются в спинки сидений, в стенки вагонов, притискиваются к закрытым дверям. Лучше всего тем, кто сидит. Они обезопасили себе спину. По крайней мере хотя сзади тебя не ударят, не пырнут ножом, не вцепятся в горло... Замерли, сжались, затаились, будто гусеницы в коконе. Их всех душит страх. За себя, за родных и близких, которые остались на поверхности и, по-видимому, погибли. В лучшем случае — отделались ранениями или просто потерялись во взорванном мире. Эти выжили. Но все они раздавлены отчаянием. Сидят и стоят, вжимаются в стены вагонов и надеются: вот зажжется свет, появятся полицейские или солдаты. Их найдут, выведут, спасут...

Кому они нужны?! Они не видят друг друга, но слышат чужое дыхание, и оно кажется им дыханием хищного зверя. Они боятся промолвить слово, заговорить с попутчиком. Как камень в горах вызывает лавину, так слово во мраке вагона, стон или крик открывают тайную запруду, и оттуда выхлестывает волна ужаса, гонит несчастных неведомо куда. Они натыкаются во тьме на стены, сиденья, бегут, сбивая друг друга с ног. Те, кто решился выскочить из поезда, тут же пропадают в лабиринте тоннелей. Большинство же предпочитает сидеть в вагонах. Страх не дает им отлепиться от стенки, оторваться от поручня, выйти из поезда. Они задыхаются от нехватки и зловония и все-таки тайком мочатся под себя...

Тони по-прежнему ничего не видел, но по сгустившемуся воздуху и острым запахам определил: впереди очередной поезд. Снова придется объяснять этим полоумным, что помощи ждать неоткуда, что единственный путь к спасению — пробираться к станциям на окраине города. Они могли уцелеть. Придется командовать этим стадом, объяснять, а они будут молча, пугливо шуриться в свете фонарика, не понимая, чего от них хотят.

— Слушай, Беспалый, — толкнул его Арчибальд. — Кто-то кричит.

Тони оторвался от своих грустных мыслей, прислушался.

— ...Помо... помоги-и-ите...

Звук был глухой, невнятный, словно из-за стены или перегородки. Кричала, кажется, женщина.

Это в вагоне, определил Тони.

— За мной! — скомандовал он Арчибальду и, выставив покалеченную руку вперед, побежал по шпалам.

Приоткрыв дверь хвостового вагона, Тони увидел тусклый свет фонарика и суетсяящиеся вокруг него тени.

— Еще раз крикнешь, мы тебя крысам скормим. По кусочку, — с угрозой сказал тот, что держал фонарик. — Серьги и кольца, быстро! Они тебе уже не понадобятся.

Голос грабителя показался Тони знакомым.

Неужели Флайт? — удивился он. Вот подлец.

— Пошевеливайтесь, леги и джентльмены, — подгонял тот. —

И не мешайте моим помощникам. Живо освобождайтесь от лишних вещей. Драгоценности, часы, деньги. Впрочем, — он засмеялся, — деньги можете оставить себе. Кому они теперь нужны... Поторапливайтесь!

Грабитель повернулся — луч света скользнул по бледным испуганным лицам пассажиров.

Флайт, убедился Тони. В правой руке давнишнего недруга он заметил пистолет.

— Возьми на себя его помощников, — шепнул он Арчибальду.

В несколько прыжков он пересек вагон, пересхватил пистолет и одновременно еще в армии отработанным ударом сбил Флайта с ног. Фонарик выпал из рук бандита и погас.

— Свет! — крикнул Тони.

Арчибальд зажег свой фонарик. Свободной рукой он, будто клещами, сжимал горло одного из «помощников».

Флайт вскочил. Не зная, кто нападающие и сколько их, он рванулся к двери, соединяющей вагоны. За ним поспешно ретировались его «помощники».

— Спасибо, сэр, — пролепетала смертельно перепуганная женщина. — Это... ужасно... Он дважды ударил меня по лицу и чуть не сломал палец, снимая кольцо...

— Послушайте, — сказал Тони, обращаясь сразу ко всем пассажирам. — Вы умрете здесь от голода или задохнетесь. Надо идти и искать выход из метро. Самим! Никто вас здесь не станет спасать. Мы не знаем даже, уцелел ли вообще кто наверху.

Женщина снова всхлипнула. Остальные продолжали сидеть и стоять, отводили глаза.

— Смелее, ну! — Тони понял, что эти люди боятся и его. Он спрятал в карман отобранный у Флайта пистолет, попытался улыбнуться. — Я неплохо знаю подземку и попробую вывести вас. По крайней мере, это шанс. Сидеть здесь и ничего не предпринимать — значит погибнуть. Кто хочет жить — за мной.

Он двинулся к двери, за которой перед тем исчезли Флайт и его дружки.

Один из пассажиров, рыжебородый мужчина в берете и клетчатом пальто, отлепился от поручня, ухватил Тони за рукав куртки.

— Сэр, — забормотал он. — Я дико опаздываю. Я не могу ждать, пока нас откапают. Возьмите меня с собой.

— Зачем лишние слова, — сказал Тони. — Мы с приятелем приглашаем всех желающих. Как тебя зовут?

— Ричард.

— Ты тоже ехал на съемки?

— Нет... Какие еще съемки?

— С тобой все ясно, — засмеялся Тони. — Пошли.

— Куда вы идете?! — вдруг выкрикнула женщина, которую только что пытались ограбить. Голос ее прерывали рыдания. — Зачем наверх? Там ничего нет. Там все мертвы! Все! Вы понимаете — все!

— А может, и не все, — спокойно возразил Тони. — Себя-то, пока живы, зачем хоронить?

Он открыл дверь в торце вагона, чтобы идти дальше. Обостренный слух уловил, как ожили и зашевелились люди за его спиной.

Тони прошел обе секции, все шесть вагонов, не замечая, что к его маленькому отряду присоединяются все новые и новые пассажиры. Он шел впереди, за ним Арчибальд и рыжебородый чудак, который куда-то опаздывал, еще дальше — остальные. Все, кто поверил в него, кого погнал в путь ужас бездействия.

Поезд кончился, и они осторожно спустились на шпалы.

Что-то мягкое и шустрое ткнулось Тони в ногу, метнулось в сторону.

— Посвети, — сказал он Арчибальду, который шел сзади.

В ярком луче, осветившем тоннель, мелькнуло несколько серых теней.

— Крысы! — взвизгнула одна из женщин.

Не обращая внимания ни на свет, ни на людей, крысы — по одной и небольшими группками — прошмыгивали мимо отряда Тони и убегали во мрак тоннеля.

— Вы поняли? — крикнул обрадованно Тони своим попутчикам. — Вы все поняли?! Мы правильно идем. Крысы всегда знают, где выход.

К нему подошел Ричард.

— Людям надо дать отдохнуть. — Он глянул на часы и добавил: — Они не спали ночь. Сейчас утро, без четверти одиннадцать. Людям валяться с ног от усталости.

— Дойдем до станции, — передохнем, — отрезал Тони.

Уже утро. Одиннадцать, подумал он. Значит, мы сидим здесь около полусуток. Несчастные статисты — в кино и в жизни, которые зачем-то уцелели во время всемирной бойни. Зачем?

Тони невольно вспомнил вчерашний вечер.

Часов в десять вечера в ночлежке сказали, что старина Пайпер — помощник продюсера утром будет набирать статистов для какого-то нового супербоевика и что ему, бывшему морскому пехотинцу, и карты в руки. Сказал один из старых знакомых, с которым они не раз вместе снимались в массовках, зарабатывая таким образом на пропитание.

Впервые в это сомнительное предприятие Тони Макфейл ввязался года три назад. Ему тогда даже понравилось играть толпу. Вокруг такие же обездоленные и равнодушные люди, как и ты. Но вот вспыхивают прожектора, звучит команда: «Мотор!», и начинается фальшивая жизнь фальшивых героев — римских легионеров, рабов или солдат, а то и просто прохожих с улицы или каких-нибудь подонков. Все равно, кого изображать, лишь бы платили. Это только сначала помнишь, что куплен, что ты герой на время. А потом штурмуешь, например, Бастилию и почти веришь, что все это происходит на самом деле.

Как бы там ни было, услышав новость, Тони решил ехать на студию немедленно. Ночь как-нибудь перекантуюсь, подумал он, зато утром буду в числе первых.

Он едва наскреб мелочи на метро, прихватил несколько бутербродов, чтобы, стоя утром в очереди, разом и позавтракать, и поспешил к станции подземки — время уже шло к полуночи. В метро он встретил Арчибальда.

— Куда ты так летишь? — спросил тот.

Тони замялся, придумывая, что бы ему солгать, но вдруг вспомнил об одолжении, которое сделал ему как-то этот хмурый парень.

— Слушай, — хлопнул он Арчибальда по плечу. — Поехали со мной. Утром будут набирать статистов для съемок какого-то нового супербоевика. Шесть или семь массовок. Представляешь?!

— Здорово! — обрадовался Арчибальд. — Я как раз на мели.

Они вместе спустились по эскалатору.

На платформе людей было мало — человек двадцать. Подошел сверкающий огнями поезд. Они сели в пустой вагон, стали вспоминать разные смешные случаи, которые происходили с ними на съемках.

— Пару лет назад я снимался в «Понтии Пилате», — скупой улыбнулся Арчибальд. — Таскался в толпе учеников Христа. Его знаменитый Гарди играл, да, тот самый Гарди. Так вот. Пришел я на заключительную массовку, а Христу учеников уже не требуется. Пайпер объясняет: его сейчас, мол, на Голгофу поведут, все ученики по сценарию разбежались. И еще говорит: если хочешь, бери «камни» и иди в толпу, оплата одинаковая... Что ты тут будешь делать?! Взял я пару бутафорских резиновых «камней» и пошел добывать Спасителя нашего...

Тони, в свою очередь, рассказал, как они однажды изображали оргию заводателей и Чарли...

— Да ты знаешь его. Проньера и ворюга первый сорт... Он притащил с собой бутылку вина и, пока мы лакали подкрашенную воду, хорошенько нализался. Тут тревога. Мы вмиг «протрезвели», а его по-настоящему повело: в сапожниках — и на скатерть, перевязь с мечами не может надеть. Мы к нему, а оператор орет: «Не трогайте его! Мне правда жизни нужна...»

Поезд подошел к какой-то станции. Свет в их полупустом вагоне вдруг погас, зажегся снова. Динамики системы оповещения захрипели, а затем испуганный голос диспетчера объявил:

— Воздушная тревога! Воздушная тревога! Через несколько минут город будет подвергнут атомной бомбардировке. Все в укрытия! Соблюдайте...

Что они должны соблюдать, друзья не дослушали. Они опрометью выскочили из вагона и вопреки призывам диспетчера бросились к бегущей вверх лестнице.

Вот тут-то и настиг их конец света.

Пол под ногами вздрогнул от могучего удара, из тоннеля, ведущего на поверхность, ядовитым клубком скатилось облако дыма и пыли. Там, наверху, что-то грохотало и рушилось, на остановившийся эскалатор посыпались камни, песок и куски штукатурки.

На станции около их поезда металось несколько десятков смертельно напуганных людей.

Свет замигал и погас, зажегся снова. Очевидно, сработала аварийная система.

Отовсюду — из обеих тоннелей, сверху и снизу, от эскалатора — шел низкий и мощный гул. Казалось, это стонет сама земля. Тони и Арчибальд прижались к колонне.

— Не рухнет? — спросил Тони, указывая глазами на потолок.

— Нет, здесь глубоко, — ответил Арчибальд.

В это время свет погас окончательно.

— Давай, приятель, держаться вместе, — предложил Арчибальд. — По одному отсюда не выбраться. Кроме того, у меня есть фонарик. По вечерам всегда таскаю с собой, чтобы не сломать голову, когда пробираюсь в свою дыру.

— О'кей! — согласился Тони. — Надо идти к станциям на окраине города. Какая-нибудь из них должна уцелеть.

И только тут до него наконец дошел смысл происходящего. Гул, идущий отовсюду, затих. Тони нашел в темноте плечо Арчибальда, изо всей силы сжал его.

— Ты... Ты... понимаешь, что произошло?! — запинаясь, спросил он. — Какой ужас! Все-таки это произошло!

— У тебя кто-нибудь остался? Там, наверху? — Голос у Арчибальда был тихим и спокойным.

— Нет... То есть несколько приятелей. Знакомые...

Арчибальд долго молчал.

Затем словно нехотя сказал:

— Я ничего не должен этому миру. А он мне задолжал. Много. И бессовестно обманывал... Будем считать, что мой должник умер... Пошли, приятель. Ты, говорят, приемы знаешь?

— Немного. Десантником был.

— Прекрасно. Иди тогда впереди и вправляй мозги всем сволочам. Их тут в ближайшие полчаса будет слишком много.

Они прыгнули на путь и, привыкая к сплошному мраку, двинулись вперед. Фонарик решили беречь — зажигать лишь в крайнем случае.

Из тоннеля навстречу бредущим по шпалам людям дохнуло свежим воздухом.

Станция, догадался Тони.

— Подождите здесь, — негромко сказал он Арчибальду. Взял у него фонарик и, держась ближе к краю платформы, осторожно двинулся вперед — на разведку.

На станции никого не было.

Тони направился к эскалатору и чуть было не ударился лбом о металлическую перегородку, перекрывшую входной тоннель.

Этого еще не хватало! Он растерянно поводил лучом фонарика. По-видимому, строители предусмотрели защиту на случай обвала или... атомной войны... Если эта штукавина сработала на всех станциях, крышка. Нет. Не паникуй! Не было еще случая, чтобы среди множества механизмов не нашелся хотя бы один неисправный. Да и автоматика у них там, наверху, вся дымом пошла. Точнее — ясным пламенем. Эта заслонка скорее исключение, чем правило.

На всякий случай Тони поискал вокруг металлического щита какой-нибудь пускатель, но ничего не нашел.

В разгромленной комнате диспетчера он обнаружил умывальник и, отвернув кран, с радостью убедился — вода поступает. Потыкал в кнопки мертвого селектора, поднял телефонную трубку. Она, как того и следовало ожидать, тоже молчала.

Тони вернулся к своим спутникам.

— Там, в комнате, можно попить воды и умыться, — сказал

он, указывая лучом фонарика на распахнутую дверь. — Собери-те все, что у кого есть из еды. Перекусим — и спать. Даю вам на отдых пять часов. Спать всем в комнате. Мужчины по очереди будут дежурить снаружи у входа. Я дежурю первым.

...В подземелье становилось душно, и Тони снял куртку, постелил ее под себя на каменный пол. Он сидел у двери и слушал беспокойную тишину, в которой то и дело возникали какие-то шорохи, что-то где-то просыпалось или падало, и звук этот далеко разносился по гулким тоннелям.

Несколько раз Тони слышал шаги и даже голоса. В таких случаях, сорентировавшись по звуку, он на секунду зажигал фонарь. Шаги и голоса тотчас пропадали — пленники подземелья то ли поворачивали обратно, то ли, крадучись, торопливо проскальзывали мимо опасного места.

Во мраке подземелья время от времени повторялся какой-то посторонний звук.

Собака? Откуда в метро собака? Точно. Где-то неподалеку скулит.

Макфейл встал и пошел к левому крылу платформы, откуда доносилось жалобное повизгивание.

На платформе никого не было.

Тони посветил вниз и вместо собаки увидел подростка в зеленом разорванном свитере и такого же цвета вязаной шапке. Парень, сгорбившись, сидел на рельсах спиной к станции и плакал, безнадежно всхлипывая и время от времени тихонько взвизгивая, точь-в-точь щенки.

— Эй, ты, — позвал его Тони. — Затопишь тоннель — не выберемся. Лезь сюда.

Парень вскочил, обернулся на свет. Лицо его было в крови, губы разбиты.

— Что с тобой? — хмуро спросил Макфейл.

— Упал... ударился... — пролепетал парнишка. — Потерялись очки... Но там, там... — рыдания не давали ему говорить. — Наверху... Там мама... Там... отец... Они погибли!

— С чего ты взял? Может, как ты, в метро или в бомбоубежище сидят.

Тони посветил по сторонам. Между шпалами, шагах в десяти от щенка (так он про себя окрестил подростка), блеснуло стекло. Он спрыгнул на путь, поднял очки.

— Ну вот. Одно стекло целое — носи. Правда, здесь все равно ни черта не видно. И перестань скулить — ты же мужчина. Как тебя зовут?

— Дэвид.

Парнишка поспешно нацепил полуразбитые очки. Его распухшие губы кривились в жалкой улыбке.

— Спасибо, сэр! Не знаю, как вас зовут.

— Энтони Макфейл. А проще — Тони. Я веду группу людей к окраинным станциям. Там будет легче выбраться. Если хочешь, пошли с нами... А там, — Тони ткнул пальцем вверх, — и родителей своих разыщешь. Может, им помощь какая нужна, а ты тут скулишь на рельсах.

— Спасибо, сэр! — повторил Дэвид, не скрывая радости. — Я пойду с вами. Я буду вам помогать. Вот увидите!

— Ничего я не увижу, — улыбнулся Тони и выключил фо-

нарик. — Батарейку надо беречь. А то будем тут, как кроты, ползать. Пошли со мной. Пару часов поспим — и в путь.

Утром, после подъема, обнаружилось, что плюгавенький старикашка, который за ужином больше всех ворчал и ругался, исчез, прихватив с собой остатки еды.

— Кто из вас прозевал эту сволочь? — набросился Тони на Арчибальда и Ричарда, которые дежурили после него.

— Не ори, Беспальный, — оборвал его Арчибальд. — Может, ты сам и прохлопал — почему не знаешь.

— Нет, нет, — вмешался в разговор Ричард. — По-видимому, это моя вина. Я слышал, что ночью кто-то выходил из комнаты. Подумал: по естественной надобности.

— Я сейчас сойду с ума! — воскликнул Тони. — Куда это ты, Борода, все время опаздываешь? Скажи, наконец.

Ричард пожал плечами.

— Раз в неделю я езжу в клуб. Мы играем в покер, курим, говорим о политике. Я пообещал жене, что вернусь сегодня не позже полуночи. Слово джентльмена есть слово джентльмена. — Ричард вздохнул и поправился: — То есть уже не сегодня, а вчера — ждала...

— Ведите же нас куда-нибудь, — слышался в темноте раздраженный женский голос. — Мы здесь все перемрем с голоду.

Тони осветил говорившую, присвистнул.

В луче света шурила глаза красивая полная блондинка лет тридцати пяти. Плащ ее был испачкан — судя по всему, она подстилала его под себя, когда спали на полу в комнате диспетчера.

— Мы тобой, крошка, закусим, — пошутил Арчибальд.

— Зубы поломаешь, — зло парировала женщина. — Это так же точно, как то, что меня зовут Филида.

— Вот и познакомились, — засмеялся Тони. — Я не дам вас в обиду, Филида. А еду мы найдем, не беспокойтесь. Через две-три остановки, помнится, на станции в переходе были закусовая и универсальный магазин.

В следующем прогоне тоннеля с потолка то и дело капало. Шпалы были мокрыми и скользкими, и Тони передал по цепочке: идти осторожно — оказывать медицинскую помощь, если кто упадет, некому.

На двух станциях, которые они вскоре прошли, людей не было. Входы и выходы на обеих оказались тоже перекрытыми.

Арчибальд и Ричард шли молча, а Дэвид, который чуть было не свалился в открытый колодец канализации, вдруг брякнул то, что, наверное, приходило на ум многим:

— Если бомбы разворотили наверху трубы водопровода, мы тут утонем, как котят.

— Чепуха, — ответил ему Арчибальд. — Метро строилось с учетом подземных вод... Тем более что подачи воды в городе, конечно же, нет. самого города нет, — жестко добавил он.

— Странно, но у меня такое ощущение, что меня все равно ждут, — откликнулся Ричард.

Голос его звучал в темноте тоннеля спокойно. словно в мире все осталось по-прежнему, и атомный ураган, пронесшийся над землей, — чья-то кошмарная выдумка.

Как бы не так! Выбраться отсюда — еще не значит выжить, подумал Тони. Да и здесь не лучше... Такие подонки, как Флайт, способны на все. Он постарается расквитаться с нами.

Арчибалд в это время тоже думал о Флайте. Он знал, что Беспалый и Флайт враждуют еще со дня знакомства. Раньше Флайт верховодил среди статистов и даже требовал комиссионные за посредничество с продюсерами и их помощниками. На Тони он обжегся. Сказал ему как-то про деньги, а тот сплюнул ему под ноги и посоветовал убираться вон. Флайт пригрозил: без моего поручительства тебя, мол, никто из продюсеров не возьмет. Тогда Тони демонстративно спрятал за спину покалеченную руку и стал молча и страшно пинать Флайта ногами. Говорят, у наемников есть такая игра. Как бы там ни было, за Флайта никто не вступился. Когда он закричал, не столько от боли, сколько от унижения, Тони еще раз плюнул ему под ноги и отошел в сторону. Флайт первенства Беспалому все равно не уступил, но потеснился...

Флайта и его дружков следует остерегаться. Они, по-видимому, тоже идут к окраинным станциям. И если уж выследят их в темноте и внезапно нападут...

Они дошли до следующей станции. Тони и его спутники оставались: из-за стеклянной стены с рекламными рисунками пробивался слабый свет.

— Магазин! — тревожно шепнул Арчибалд. — Там кто-то хозяйничает.

— Флайт, кто же еще, — сказал Тони, доставая пистолет. — Я его, подлеца, нутром чую. Ричард, передай остальным, чтобы посидели пока в тоннеле.

Пригибаясь и прячась за край платформы, они двинулись вперед.

— А ну попугай их, — обратился Тони к Арчибалду. — У тебя голос, как иерихонская труба. Возвести им конец света.

— Эй вы! — зычно крикнул тот. — Сдавайтесь! Вы окружены!

С платформы в ответ ударил выстрел.

— Флайт, — сказал Тони в темноту. — Если это ты там хозяйничаешь, берегись. Я раздавлю тебя, как крысу. Ты узнал мой голос?!

Зазвенело разбитое стекло. Хлопнула дверь. Затем послышался топот.

— Посвети, — шепнул Тони Арчибалду.

Тот включил фонарик.

Дымно-желтый луч до противоположного края платформы не достал, но мрак на миг отступил, и они увидели, как пять или шесть силуэтов нырнули в тоннель.

Они торопливо взобрались на платформу. Дэвид рванулся было вперед, но Тони молча отодвинул его плечом — знай, мол, свое место.

— Прикрой нас сзади, — на всякий случай приказал он Ричарду. — Я не думаю, чтобы эти мерзавцы рискнули вернуться, но ты все же покарауль. Мы вдвоем осмотрим станцию.

Возле распахнутой двери магазина лежал труп полицейского.

Тони перевернул его, посветил в лицо.

— Беднягу оглушили, а затем добили ножом, — хмуро заключил Арчибальд. — И все из-за пистолета. Флайту без него как без рук.

Тони выключил фонарик, задумался.

— Что-то мне не верится, чтобы Флайт, имея пистолет и несколько таких же негодяев, как он сам, так легко уступил. Сбежал, будто последний трус. Да еще откуда! Здесь же продукты, спиртное.

Тони говорил негромко, словно размышляя вслух.

— Может быть, те шустряки убежали для отвода глаз? А Флайт с дружками затаились? Где-нибудь здесь, рядом. И ждут. Надо проверить.

Стараясь ступать как можно тише, они заглянули в магазин и закусную, затем двинулись к эскалатору. Щита-перегородки возле них не оказалось.

— Стой внизу, — шепнул Тони Арчибальду. — Если они там, если я их оттуда выкурю, — поддай им хорошенько здесь.

— О'кэй. Смотри, осторожно там. Флайт церемониться не станет.

Тони стал подниматься по неподвижному эскалатору — крадучись, совершенно бесшумно, как учили в армии.

Он прошел уже около полусотни ступенек, когда какое-то шестое чувство подсказало: впереди притаился человек.

Тони остановился. Затем пригнул голову, чтобы попасть первым в живот, и ринулся вперед, нанося наугад удары рукоятью пистолета.

Он не ошибся. Врагов оказалось трое. Первый охнул и мгновенно свалился куда-то под ноги, на лестницу. Второго Тони рванул на себя, бросил через плечо вниз. Зато третий встретил его таким ударом в челюсть, что Тони сам едва не покатился по ступенькам эскалатора.

Противник, по-видимому, отскочил назад, наугад выстрелил — пуля чуть не обожгла щеку Тони.

Мгновенно сориентировавшись, он пригнулся и пробежал несколько ступенек вверх. Ноги противника. Захват. Рывок. Теперь получи, подлец, рукоятью пистолета по башке — и... вниз. Не хочешь, цепляешься за поручни? Получи еще разок...

— Свет! — крикнул он.

Арчибальд, провожая пинками убегающих бандитов, зажег внизу фонарик. В его тусклом свете Тони увидел на параллельной лестнице еще двоих дружков Флайта, которые стремглав бежали вниз. Он выстрелил им вслед, целясь в потолок тоннеля.

— Славно мы их шуганули, — засмеялся Тони, спускаясь к Арчибальду.

Они крикнули Ричарду, чтобы тот звал всех остальных, и направились к разграбленным магазинчику и закусной.

Первыми прибежали Дэвид-Щенок и Ричард.

— Мы все-все слышали, — захлебывался от восторга Щенок. Уцелевшее стекло его очков победно поблескивало в луче фонарика. — Как вы их метелили! Я только немного испугался, когда началась стрельба.

— Поднимись, старина, по эскалатору, — попросил Тони Арчибальда. — Посмотри, свободен ли выход.

Они стали осматривать магазин. Люди Флайта обчистили все полки и прилавки, однако унесли не все — посреди помещения валялся забытый мешок с продуктами.

— Берите его, — скомандовал Тони. — Там консервы, галеты, сыр, соки. Все, что готово к употреблению. Ричард, разделите весь груз поровну на каждого мужчину. Кроме Дэвида.

— Мистер Тони! — возмутился Щенок. — Я тоже мужчина. Кроме того, я очень выносливый.

— Ладно, возьми десять банок тушенки и немного галет, — засмеялся Тони. — Будешь хранителем НЗ. Без моего разрешения — никому. Понял?

— Есть, сэр, никому, — по-военному ответил парень. — У меня и сумка найдется, — обрадованно добавил он.

— Здесь газовая плита с баллоном, — крикнул из соседней закуской Арчибалд. Он успел уже вернуться — выход оказался заваленным. — Ни черта, правда, не видно, но кофе мы сварганим. Страсть как хочется горяченького.

— Посветите, пожалуйста, сюда, — попросил Ричард.

— Свечи! — ахнул любопытный Дэвид, подскочив к Ричарду. — И фонарики, батареек! Два, нет — три ящика.

— Вот это находка! — обрадовался Тони и взглянул на часы. — Зажигайте свечи — будем ужинать. Дэвид, выдай каждому по фонарику и пересчитай людей.

Минут через двадцать друзья по несчастью расселись кто на чем вокруг импровизированного стола из нескольких ящиков. В неверном, пляшущем от сквозняков свете свеч Тони впервые разглядел своих спутников. Семь женщин и одиннадцать мужчин. Землистые осунувшиеся лица, грязные руки и одежда... Особенно неприглядно выглядели мужчины — угрюмые, с двухдневной щетиной, поспешно и жадно расхватывающие еду. Все незнакомые, за исключением блондинки. Филда? Нет, Филида. Рядом с нею тоже ничего... Только перепуганная какая-то. То на него зыркнет, то по сторонам оглядывается. И вздрагивает, будто ей холодно. Между прочим, в подземелье становится все теплее. Душно, дышать нечем... Оно и понятно: вентиляция не работает, вся надежда на естественную. Вентиляционные стволы, очевидно, завалены. В тоннелях будет повышаться влажность, скапливаться углекислый газ... Как там их учили в армии? «Повышенное количество углекислого газа в замкнутом пространстве вызывает сердцебиение и головную боль, а концентрация в 10—12 процентов — обморок».

Очень даже хорошо, что я их не знаю, подумал Тони. Пусть остаются чужими. Ведь если мы не найдем выхода... Если начнем умирать от удушья... Нет! Не хочу никого знать. Достаточно с меня Арчибалда и этих двух, парнишки и рыжебородого. Также мне — джентльмен нашелся. Но парень он, по-видимому, надежный.

Тут Тони заметил: никто из его спутников по подземным ходам-переходам почему-то не ест. Все выжидающе смотрели на него, Тони стало неловко.

— Вы ждете, чтоб я молитву прочитал? — грубовато пошутил он. — Лопайте, лопайте. Кто знает, сколько нам еще идти.

И тут он понял, что люди ждут от него другого. Не молитвы, нет, а каких-то подбадривающих слов. Им нужна надежда. На облегчение своей участи, на спасение. Та самая надежда, на которой держатся все молитвы мира.

— Нам нужны силы, друзья, — сказал Тони уже другим голосом, уверенным и спокойным. — Много сил. Я набью рожу каждому, кто начнет ныть и плакать в пути. Но зато, леди и джентльмены, я выведу вас на поверхность. И не надо таких траурных лиц. Вам неизвестна судьба родственников — согласен. Однако это вовсе не значит, что они погибли. Быть может, они, наоборот, считают погибшими вас...

Люди зашевелились. Кто-то что-то сказал, кто-то спросил, куда все-таки они идут? На нескольких лицах промелькнуло подобие улыбки.

— Мы прошли уже кольцевую линию и движемся к окраине города. Еще пять-шесть станций — и мы у цели. — Тони понятия не имел, когда и где кончится их подземная одиссея, однако решил, что людей надо приободрить. — А сейчас за еду. Дэвид, подай мне кофе.

Уже в конце ужина Тони перехватил благодарный взгляд Филиды.

Ну вот, Беспалый, подумал он. Мир погиб в атомном огне, а тебя все равно к бабам тянет. Значит, не все еще потеряно.

И тут Тони увидел... ботинки. Обыкновенные мужские ботинки среднего размера, которые стояли за шторой и шевелились.

Он выхватил пистолет, прыгнул в сторону шторы и одним рывком искалеченной руки сорвал ее. Кто-то из женщин вскрикнул. Остальные замерли, как раньше в вагонах — снова полутрупы, а не люди.

За шторой стоял маленький человек с большим мешком, который он едва удерживал.

— Беспалый! — завопил коротышка, увидев перед собой Тони и пистолет. — Убери эту штуку! Слышишь! Она сейчас выстрелит...

Что-то очень знакомое было и в облике этого человека с лисьим прищуром глаз, и в его голосе.

Тони сделал шаг назад, продолжая держать коротышку на прицеле.

— Ты человек Флайта? — спросил он.

— При чем здесь Флайт?! — снова закричал коротышка. — Я Чарли! Твой давнишний друг Чарли. Статист! Мы вместе снимались — вспомни!

— Друг? Какой еще друг?! — возмутился Тони и тут же вспомнил: этот проныра тоже был среди первых христиан. Как-то вечером снимали трапезу в саду. И уже на втором дубле пришлось посылать машину за новой едой. Этот Чарли, как гусеница, выжрал все вокруг себя подчистую. — Что у тебя в мешке? Покажи.

Коротышка блеснул лисьими глазками и стал неохотно развязывать мешок.

Чего там только не было!

— Ну, ботинки, я понимаю, пригодятся. Еда. А зачем тебе чайный сервиз и женские духи? Да еще столько флаконов. Гос-

поди, а это что? Тостер. Куда же ты его включишь, если нет электричества? И что ты в нем собираешься жарить, Чарли? Где ты возьмешь хлеб, если мир наверху взорван?

Дэвид не выдержал и хихикнул.

Арчибальд, который до этого молчал, пнул мешок с награбленным «богатством», зло сказал:

— Лазутчик он Флайта или нет, не знаю. Но делать ему с нами нечего.

Коротышка вдруг бросил свой злополучный мешок, упал на колени.

— Нет! Нет-нет! Не оставляйте меня здесь, умоляю. Я вам не враг. Люди Флайта даже не видели меня. Я пришел сюда раньше, чтобы... взять... Кое-что взять в дорогу. Затем появились они, я спрятался. Я столько простоял за шторой, что у меня подгибаются ноги. Мистер, не держите зла на беднягу Чарли!

Он схватил Арчибальда за руку — тот брезгливо отдернул ее.

— Я вам пригожусь, — зачастил Чарли, обращаясь теперь ко всем. — Я подслушал, что говорил Флайт. Он сказал: «Мне надоело воевать с Беспалым. Через две станции мы свернем на юго-запад — так быстрее! А те идиоты, конечно же, пойдут прямо».

— Нашел дураков! — воскликнул Тони. — Прямо нам совсем ни к чему. Мы тоже пойдем на юго-запад. А ты...

— Если мы бросим его здесь одного, он погибнет, — сказал Ричард.

— Пусть идет с нами, — послышался из темноты женский голос.

— Ладно, — согласился Тони. — После ужина всем спать. Установишь дежурство, Арчибальд. В нашем положении следует быть осторожными. Берите здесь мешки, любые шмотки и стелите на пол. Теперь все это наше.

Люди ели молча, без охоты, чуть ли не механически.

Затем быстро собрали остатки еды, молча улеглись и погасили свечи. Тони заметил, что Арчибальд, Ричард и Дэвид жмутся поближе к нему, а остальные, наоборот, стараются держаться несколько в стороне, особняком.

Пока располагались на ночлег, коротышка Чарли суетился больше всех, бросал на Макфейла заискивающие взгляды, а когда стали тушить свечи, быстро повыбрасывал из мешка все жесткое и пристроил его вместо матраца возле полусонного Дэвида.

Тони повернулся на другой бок, прислушался. В помещении магазина было тихо — все спали. Усилием воли отогнал горестные мысли и тут же будто в яму провалился — измученный мозг требовал отдыха.

С «утра» все пошло наперекосяк.

Не успели позавтракать, как Чарли вдруг испуганно взвизнул.

— Там... за стеклом... там... — бормотал он, тыча рукой в сторону прозрачной стены, отделявшей их от платформы. — Посвети сам...

Тони зажег фонарик, и все замерли.

За стеклом, зацепившись за что-то полою пальто, висел тот самый плюгавенький старикашка, который удрал прошлой «ночью» и украл остатки еды.

Старик был мертв. Свет фонарика отразился в его открытых глазах, и всем стало противно и жутко, будто они при двух свечах пили кофе, когда сама смерть разглядывала их через стекло — большущая летучая мышь в клетчатом пальто... Значит, старик далеко не уходил, крутился рядом с ними.

— Пересчитай всех наших, — попросил Тони Дэвида. — Пора в путь.

Через несколько минут парнишка доложил, что все на месте и готовы идти.

Тони включил фонарик и осветил своих спутников.

— Пошли, — вздохнул он.

Сразу за станцией они наткнулись на пустой поезд и молча, один за другим, прошли все вагоны.

А еще метров через двести впереди замерцал свет фонаря, и Тони уже привычным движением достал пистолет.

Кто-то, не таясь, шел им навстречу. Путники остановились.

Когда неизвестный приблизился, Тони и его друзья услышали, что он напевает и время от времени поругивается.

— Освети его, — шепнул Тони Арчибальду.

Неизвестный, в свою очередь, осветил их всех, присвистнул.

— Привет, ребята! — весело поздоровался он. — Ох, и духотища здесь — дышать нечем. Вам еще не надоело лазить по этим норам? Впрочем, вам за это деньги платят.

— Знакомое лицо, — настороженно сказал Арчибальд.

Неизвестный, услышав его слова, повернул луч фонарика.

— Оператор я, — пояснил он. — Вас, чертей, сто раз снимал, а вы морды воротите. Вы не встречали Пайпера? Я его ишу.

— Он рехнулся, — шепнул Тони друзьям. — Бедняга думает, что он и сейчас на съемках.

И он, и Арчибальд узнали оператора. Вот уж ирония судьбы: мир сгорел в атомном огне, а этот полоумный франт по-прежнему одет в свою нелепо пеструю куртку, увешан сумками и аппаратурой и по-прежнему «занят».

— Пойдем с нами, дружище, — мягко предложил Тони. Было ясно, что безумный оператор в одиночку не протянет в подземном лабиринте и нескольких суток.

— Нет, ребятки. Работа есть работа, — отмахнулся тот. — Вы что, не знаете Пайпера? Он ждет меня на следующей станции.

Сумасшедший оператор снова засвистел что-то веселенькое и двинулся дальше — туда, откуда они полчаса тому назад ушли.

— Хорошенькая компания его там поджидает, — буркнул Арчибальд. — Два трупа и призрак старины Пайпера.

Будто услышав их разговор, оператор обернулся.

— Что вы стоите, ребятки, будто похоронная команда? — крикнул он. — Шевелитесь! Душите друг друга, убивайте, сражайтесь с крысами. Какие кадры, черт возьми! — Он захохотал, и будто добрый десяток сов закружил во мраке тоннеля, охая и

передразнивая человеческий смех. — Кушайте друг друга, ребята, — выживайте! А я вас буду снимать...

Он скрылся в глубине тоннеля.

— Не связывать же его, — с сожалением сказал Тони, обращаясь к друзьям. — Может, как-нибудь сам выберется? Или спасатели заявятся. В чем я, правда, сильно сомневаюсь.

Мимо них, прижимаясь к стене тоннеля, опять промчался целый отряд крыс.

— Мы подходим к станции, — заметил вдруг Ричард, который обычно молчал. — Теперь у всех есть фонарики. Можно послать кого-нибудь вперед на разведку и не тратить время на осмотр станции.

— Мистер Тони, — тут же взмолился Дэвид. — Разрешите мне все разведать. Я мигом. Туда и обратно.

— А если там Флайт?

Чарли услужливо протиснулся вперед.

— Флайт ушел — я слышал их планы. Они торопились. Если позволите, я сам пойду на разведку.

— Пусть уж парень прогуляется. — Тони кивнул Дэвиду. — Будь осторожен. Главное, посмотри, есть ли там выход.

Безлюдную станцию прошли не останавливаясь. Вскоре их догнал запыхавшийся Дэвид.

— Ничего интересного, — доложил он. — Выход и вход тоже перекрыты.

Тони кивнул. Они двинулись дальше.

Разговор с Дэвидом вместился в две фразы, но что-то в облике парня изменилось, и это встревожило Тони. Недолго думая он остановился, посветил назад.

Дэвид прищурил глаза от неожиданного света, заслонился рукой.

— Что с тобой? — грубовато спросил Тони, сам не зная, какой смысл он вкладывает в свои слова.

Парень молчал, виновато опустив голову.

И тут до Макфэйла дошло: Дэвид ничего не несет, хотя вчера сам в магазине напросился. И сегодня, когда отправлялись в путь, поклажа была с ним.

— Где твой мешок с НЗ? Потерял? Украли?

— Нет. — Дэвид поднял голову, шмыгнув носом, будто собирався заплакать. — Там люди, на станции.... Возле эскалатора. Они умирают от голода. Я... Я отдал им консервы.

— У нас еще много еды, — осторожно вступил в разговор Ричард, который опасался, чтобы парнишке не попало за самоуправство.

— Сейчас разберемся, — буркнул Тони. — Арчибалд и Чарли, оставайтесь здесь, с людьми. А мы вернемся на станцию.

Он быстро и решительно пошел впереди. Ричард и Дэвид едва поспевали за ним. Поднялись на платформу. Дэвид повел лучом фонарика.

— Это здесь, — виновато сказал он и замолчал.

Оборванные и изможденные люди — их было человек двенадцать — закрывались от света, испуганно жались поближе к ступеням эскалатора, будто в его нише можно было укрыться. Какая-то женщина то ли в разорванном белом платье, то ли в

одной нижней рубашке замахала руками, пронзительно завизжала:

— Не тро-о-гайте меня! Не прикасайтесь ко мне!

Еще три или четыре человека ползали на коленях по полу. Тони даже не сразу понял, что они делают.

Он шагнул вперед, отпихнул ногой рослого оборванца, который, бессвязно мыча, изо всех сил лупил консервной банкой о каменный пол.

— Смотри, благодетель. — Макфейл вырвал из рук оборванца исковерканную банку, показал ее Дэвиду. — Ты отдал им консервы и ушел, а они не могут открыть их. Нечем.

Затем Тони повернулся к визжащей женщине и грозно рявкнул:

— Заткнись!

Та испуганно отшатнулась и замолчала.

Несчастные во все глаза смотрели на Дэвида и Тони.

Тони достал нож, с которым не расставался еще со службы в армии, открыл одну за другой три банки тушенки.

— На еду не набрасывайтесь, — предупредил он. — Здесь докторов нет, чтобы вас потом откачивать. Возьмите по несколько кусочков. Вот галеты... Перекусите немного — и за мной. До конца дня я выведу вас отсюда. — Он отошел в сторону, но фонарик выключать не стал. Он не хотел жалеть их, потому что последние годы только и делал, что уверял себя: все люди — сволочи! Жизнь, кстати, частенько подтверждала это. В глубине души он понимал, что далеко не все люди — богачи и бездельники, но каждый изгой всегда видит себя самым последним и делит мир по принципу: «я» и «они». Они, мол, живут, а я в этом мире только статист... Но вот пришла Судьба в облике атомной войны и мгновенно уравнила всех. Более того! У них она все отняла. Сразу и все. А ему терять нечего. Он давно приспособился к такому существованию — на дне, в подземке, с крысами, без крова и еды — и потому выживет. А все они, кто с поверхности, кто жил и не боролся за жизнь, обречены.

Казалось бы, он должен радоваться. Справедливость восторжествовала! А он вылавливает их из мрака, как новорожденных котят из реки, и обещает спасение. Мало того, он все-таки выведет их наверх. Чего бы это ему ни стоило — спасет! Зачем? Только ли потому, что ему приятно быть добрым и сильным?

Они вернулись в тоннель.

Новые попутчики плелись позади. Часам к двум по дневному времени они вышли к разветвлению пути.

Чарли, который все время что-то жевал и постоянно вырывался вперед, подскочил к Тони. Его глазки возбужденно поблескивали.

— А вдруг Флайт что-нибудь замыслил? Надо проверить оба тоннеля.

— Не знаю, что он там замыслил, — хмуро сказал Тони, освещая фонариком разветвление, — но на юго-западной ветке ремонтные работы. А нам надо именно туда. Туда же, очевидно, пошел и Флайт.

— Я сейчас, шеф!

Тони не успел и слова сказать, как неугомонный Чарли нырнул в тоннель.

— Если это дальше, чем на сотню метров, возвращайся! — крикнул ему вдогонку Арчибальд. — Мы со своей командой там не пройдем.

— Все нормально, — откликнулся Чарли. — Леса уже кончаются. О, здесь какая-то записка...

В следующий миг пол под ногами путников вздрогнул, глухой удар потряс подземелье, и из юго-западного тоннеля вырвалось облако пыли. Часть металлических стоек и досок с грохотом обрушилась.

Не сговариваясь, друзья зажгли фонарики, бросились в это злое облако. Метров через двадцать они остановились перед огромным каменным завалом. Лучи фонариков вылавливали из хаоса и мрака здоровенные глыбы зернистой породы, исковерканные стойки, проволоку, деревянную щепу и песок.

— Смотрите, — сказал Ричард.

В стороне валялся кусок картона. На нем корявым почерком было написано: «Привет, Беспалый! Никуда не сворачивай. Это верная дорога».

— Сволочы! — воскликнул Тони. — Я понял. Он видел Чарли в магазине и специально громко говорил, чтобы сбить нас с толку, Флайт хотел всех нас здесь угробить.

— Где же Чарли? — перебил Макфейла Ричард. — Ищите его. Может, он ранен.

— Он не ранен, — сказал Арчибальд, отступая от завала. — Вот он.

Четыре луча скрестились там, куда указывал Арчибальд, и метнулись в разные стороны. В кругу света на миг отчетливо и страшно возник стоптанный башмак, который торчал из-под каменных глыб.

Они вернулись к разветвлению тоннелей. Тони, мельком осветив всех своих попутчиков, сказал:

— Нам подстроили ловушку. Там завал. Чарли, который разведывал путь, погиб. Теперь мы пойдем прямо. Это на несколько километров дальше, но другого пути у нас нет. Не будем терять время, друзья, вы все чувствуете, что дышать с каждым часом становится все тяжелее. Надо идти.

Через несколько часов их догнала вода, теплая и грязная. С урчанием вода приходила из тьмы и пропадала во тьме. Сначала она текла как бы толчками, приливами, потом пошла сплошным мутным потоком.

Несколько женщин запричитали, предчувствуя беду. Арчибальд, не скрывая злости, выругался.

— Что будем делать, Беспалый? — спросил он у Тони, останавливаясь. — Впереди тупик, а вода прибывает. Мы захлебнемся здесь, как крысы, если не успеем добраться до конечной станции этой линии и перейти на другую.

Тони помолчал, обдумывая сложившуюся ситуацию.

— На каждой станции есть канализационные люки для сбора сточных и грунтовых вод, — наконец заговорил он. — Очевидно, они там, впереди, закрыты. Вода, естественно, накапливается. Я могу пойти вперед...

— Не надо, — вдруг остановил его Ричард, в голосе которого впервые появилась решительность. — Я отлично плаваю и ныряю. Я все сделаю сам.

— Если не получится, нам всем придется возвращаться, — устало заключил Тони.

— Я пойду с Ричардом, подстрахую его, — сказал Арчибальд. Не дожидаясь, когда они ответят ему, он решительно зашагал вперед.

Ричард сунул свой мешок с продуктами Дэвиду и побежал догонять угрюмого статиста, которого он в душе почему-то побаивался.

Они шли быстро, и так же быстро прибывала вода.

Что, если возле станции она уже поднялась под потолок, подумал с тревогой Арчибальд. На интеллигента-бородача он особо не надеялся — потому и вызвался. Надо найти этот проклятый люк, иначе всем им крышка.

Ближе к станции вода поднялась выше пояса.

— Берегите силы, — крикнул ему Ричард. — Пока можете идти — идите.

Вскоре, однако, пришлось плыть.

— Фонарик, — попросил перед этим Ричард. — Ваше дело — обеспечить мне свет. А я попытаюсь найти люк. Он должен быть где-то возле станции. Не намочите фонарик.

Вдруг Арчибальд заметил, что вода в одном месте как бы вращается — на поверхности медленно кружил мусор.

— Здесь! — позвал он Ричарда.

Тот нырнул.

— Здесь, — подтвердил он, выныривая. — Я нащупал крышку люка. Но ее занесло илом и разным мусором. Сейчас отдохну и попробую открыть.

Арчибальд представил, как трудно под водой поднять тяжелую чугунную крышку, на которую, помимо ее собственного веса, давит вся эта масса черной вонючей жижи.

— Ныряем вместе! — крикнул он. — Черт с ним, с фонариком, как-нибудь выберемся.

Они ушли под воду. Ричард увлек Арчибальда к стене тоннеля. Тот, повторяя движения Ричарда, потянулся свободной рукой вниз, туда, где вода просачивалась сквозь щели в колодце канализации. Руки их встретились на железной скобе, торчащей из ила, камней и каких-то обломков.

Они рванули скобу на себя.

Люк поддался, но не до конца. Вода вокруг них вдруг ожила, забулбила, стремительно уходя в сливной колодец.

Они дернули сильнее за скользкую скобу.

Ра-а-аз!

Мощный поток, хлынувший в колодец, отбросил их в разные стороны.

Арчибальд, чувствуя, как разрывается от удушья грудь, выплыл на поверхность, глотнул спасительного воздуха раз, другой. Ричарда рядом не было.

Арчибальд нырнул, дал стремительно движущейся воде подтянуть себя почти к самому колодцу, и только в последний миг точным и сильным движением послал тело в сторону — туда, где осталась тяжеленная крышка люка.

Зацепившись одной рукой за скобу, он стал шарить вокруг люка.

Рука наткнулась на неподвижное человеческое тело.

«Что это?.. Где же голова, руки?»

Арчибальд понял, что Ричарда уже наполовину засосало в люк. По-видимому, ударило, когда хлынул поток.

Преодолевая напор воды, Арчибальд потащил тело товарища вверх.

Он поплыл, отталкиваясь ногами и свободной рукой. Другой поддерживал Ричарда. Так, чтобы лицо его все время было над водой.

Скоре Арчибальд почувствовал: он уже достает дно. Еще через пару минут впереди забрезжил свет фонариков, слышались голоса друзей, которые звали его и Ричарда.

Арчибальда подхватили под руки, а Ричарда опустили на ящик, в котором несли консервы, стали делать ему искусственное дыхание.

Вода с шумом и плеском стремительно уходила.

Затем стало тихо, и Арчибальд понял, что вода заполнила канализационную сеть. А так как ее оттуда теперь не откачивают, уровень скоро вновь начнет подниматься. Надо спешить!

И тут до него дошло. Тихо в подземелье еще и потому, что все столпились вокруг Ричарда. Несколько человек светят фонариками, а остальные стоят вокруг и молчат. Идиоты! Ему сейчас нужен воздух, много воздуха. Почему они стоят? Что с ним?

Все еще пошатываясь от слабости, Арчибальд шагнул вперед, растолкал толпу вокруг ящика, на котором лежал Ричард.

— Чего вы стоите? — хрипло спросил он. — Почему ничего не делаете?

— Ему уже не поможешь, — сказал Тони. — Он мертв.

— Тогда несите его к станции! — заорал Арчибальд. Гнев переполнял его. — Не стойте же как истуканы! Иначе вам всем будет здесь крышка. Бегом к станции!

И люди побежали. Шумно, разбрызгивая воду, спотыкаясь и падая.

Арчибальд снова взял на руки тело Ричарда, которое на этот раз оказалось на удивление легким, и побрел по воде к краю платформы.

Последним уходил Тони. Он проследил, чтобы никто из его команды не отстал, не свалился случайно в воду, а Дэвид на платформе станции еще раз всех пересчитал.

Новая линия, до которой они добрались по двум длинным переходам, шла под уклон, и Тони с беспокойством представил, как тяжело будет дышать измученным людям в этом глубоком тоннеле. Зато через две или три остановки линия резко пойдет вверх и выберется на поверхность. Уж там он найдет выход, даже если для этого придется взорвать наземный вестибюль станции.

Метров через двести их отряд в который раз уперся в покинутый поезд. Тони достал пистолет.

— Побудьте с людьми, — сказал он Арчибальду и Дэвиду. — Я разведу, что там.

Через торцевую дверь Тони забрался в поезд, на секунду включил фонарик. Так он прошел все вагоны. В последнем зажигать фонарик не стал — шестое чувство предупредило об опасности. Неслышно ступая, Тони пробрался в кабину машиниста, при-

открыл дверь, ведущую в тоннель, пригнулся и только тогда включил фонарик.

В следующий миг во мраке блеснула вспышка выстрела, и на Макфейла со звоном посыпались стекла.

Он дважды выстрелил в ответ — наугад, в сторону вспышки. Затем вернулся в вагон, пригибаясь, пробежал его и поспешил к товарищам, которые ожидали его в конце поезда.

— Этот ублюдок Флайт перестреляет нас по одному, — заявил он, переводя дыхание после беготни по вагонам. — Хитро придумал — закупорил нас этим поездом, как в бутылке. Выбраться на ту сторону можно только через кабину машиниста, а она отличная мишень. Открыл дверь — получай пулю.

Тони присел на рельс, зло сплюнул. Он пообещал своим попутчикам жизнь, пообещал вывести на поверхность. Черт побери! Как же теперь быть? Флайт, конечно, хочет отыграться. За все. И за магазин, и за челюсть, которую Тони свернул ему на эскалаторе. За то, что за ним и здесь идут люди... И Флайт не упустит свой шанс. Может, попробовать с ним договориться? Пусть, подлец, пропустит людей, которые знают его не знают и ничего плохого ему не сделали. Он может пообещать, а потом... Нет, таким, как Флайт, доверять нельзя.

И вдруг Тони осенило.

Он вскочил, приказал Дэвиду:

— Позови сюда всех мужчин. Быстро!

Арчибальд, поняв его замысел, поежился.

— У нас нет другого выхода, — зло сказал Тони. — Мы не виноваты, что Флайт и его банда все время путаются у нас под ногами и пакостят. Представь, если бы не один Чарли, а все двинулись на юго-запад? Половину бы там накрыло. И все Флайт. Он и сейчас все подстроил. Если ты мне не веришь, высушись из кабины машиниста. Он тут же отправит тебя на тот свет.

Дэвид привел мужчин.

— Джентльмены, — обратился Тони к попутчикам. — Нас снова подстерегли бандиты. Они устроили засаду впереди поезда, и если мы ничего не придумаем, перебьют нас всех. Есть только один способ разогнать бандитов и освободить дорогу... Становитесь все поближе к вагону. Вот так! Упритесь хорошенько в шпалы. Все, все! Теперь по моей команде толкайте поезд. Раз, два, взяли! Дружнее, ребята! Дружнее!

Поезд сдвинулся с места.

— Толкайте, ребятки, толкайте! — веселым шепотом подбадривал Тони людей. — Мы спасены! Идет на таран.

Им помогал и небольшой уклон пути — поезд пошел быстрее.

— Еще немного... Хватит! Его уже не остановишь.

Будто благословляя то, что они только что сделали, Макфейл поднял луч фонарика вверх. Остальные тоже остановились.

В тревожном мраке, куда двинулись две трехвагонные сцепки, нестройно громыхали колеса, затем послышался жуткий нечеловеческий крик, ударило несколько выстрелов, что-то затрещало, лязгнуло. В эти механические звуки снова вплелось несколько воплей, более отдаленных, и Тони на миг представил, как в кромешной тьме на Флайта и его дружков надвинулось

металлическое чудовище, как они бросились удирать, но не успели далеко уйти...

Нечто подобное представили, наверное, все.

Люди стояли молча, напряженно слушали тьму. Криков больше не было. Еще через несколько минут из черной пасти тоннеля донесся далекий глухой удар. Это их «таран» догнал поезд, который некогда шел впереди, и хорошенько поддал его в задний вагон.

Тони соглотнул ком, который мешал дышать, повернулся к Арчибальду.

— Пойдем, Арчи, — чуть ли не заискивающе попросил он статиста. — Поможешь мне там... убрать...

Затем он осветил Дэвида. Не лицо, а ноги, потому что боялся опять увидеть в глазах мальчишки ужас и непонимание происходящего.

— Минут через пятнадцать веди людей за нами, — приказал Тони, и голос его уже снова был твердым. — По сторонам особо не смотрите, понял?! По одному, друг за другом, быстренько. Слабонервным окажете помощь.

Тоннель, по-видимому, снова пошел под уклон.

По крайней мере Тони так подумал, потому что воздух опять сгустился, стал мертвым и неподвижным.

Шаг — погружение. Вместо воздуха — жидкая тьма. Жадная, жирная, засасывающая. Это болотная топь... топь... топь...

Еще шаг — и пропасть. Безвоздушное пространство. Ничто. Ты хватаешь его ртом, огромными глотками, однако они вовсе не насыщают легкие.

Новый шаг возвращает в подземелье, в глухую нору, где ты ползешь, будто крот — полураздетый, мокрый от пота, грязный. Задыхающийся крот, за которым...

Тони остановился.

Он вдруг понял, что не слышит дыхания людей, которые шли за ним.

Потряс головой, чтобы прийти в себя.

Они были втроем.

На левом плече повис Дэвид. Слава богу, хоть ноги сам переставляет. Справа — верный Арчибальд, который поддерживает их обоих.

— Где... остальные? — с трудом двигая пересохшим от жажды языком, спросил Тони. — Сколько их?

— Отстали... Они не хотят идти, не могут.

— Сколько их? — переспросил Тони.

— Во время... последней... переключки было сорок два, — ответил, запинаясь, Арчибальд. — Давай посидим. Устал. На платформе нас было сорок два. Потом один старик упал... Нет, он сначала умер, а затем упал... Считай сам. Я посижу.

— Я тебе посижу, — прошептал в ярости Тони. — Ублюдки! Все ублюдки! Они, видишь ли, не хотят идти. Возвращайся и приведи их. Сейчас же! И скажи этому стаду скотов, что, если они через десять минут не будут здесь, я лично набью каждому рожу. Иди! Скажи им, что я сам всех пересчитаю.

Макфейл оперся о стену тоннеля. Дэвид наконец оторвался от его плеча и, пользуясь короткой передышкой, сполз на бетонный пол — без слов, без стога.

Арчибальд ушел.

Тони достал пистолет, проверил обойму. Четыре патрона. Негусто. Если в подземелье опять объявится какой-нибудь новый Флайт, им придется туго. Впрочем, станция рядом, уже недолго им мучиться в этих бесконечных норах.

Он по-прежнему боялся думать о том, что ждет их наверху. Руины, пожарища, миллионоликая смерть — такое не увидишь и в кошмарном сне. Город, очевидно, разрушен дотла. Если они выберутся, если найдут продукты питания и воду, если сумеют уйти в глубь страны, все равно смерть догонит их. Радиоактивным дождем, холодом, голодом, болезнями. А пока главное — найти выход из подземного лабиринта, пробиться к свету. Пусть смертельному, атомному, зажженному самим дьяволом, но — к свету! И во что бы то ни стало вывести своих спутников на поверхность земли, пересчитать, чтобы ни один не потерялся по дороге, и сказать: «Я вас вывел, леди и джентльмены. Убирайтесь теперь ко всем чертям».

Тони достал термос, дал хлебнуть вконец обессилевшему Дэвиду несколько глотков кофе.

Хочешь не хочешь, а Дэвида придется взять с собой — пропадет парнишка без него. Он и так доходяга. А вот Арчибальд... Пускай поступает как хочет. Если он знает свой способ, как выжить после атомной бомбардировки, — распрощаемся. Нет, будем вместе. Втроем, спина к спине, уже круговая оборона. На поверхности теперь столько флайтов развелось — не сосчитать. Они перегрызут горло каждому, кто окажется хоть немножко слабее, кто побойтся или не сумеет первым украсть, ударить, выстрелить...

Тони услышал топот множества ног и поспешно поднялся.

Он не помнил, сколько шел после этого. Десять минут, час — какая разница.

Очнулся от свежего воздуха, который просачивался из тьмы тоннеля. Обрадовался. Где воздух, там — жизнь.

Через несколько минут показался край платформы.

— Она! — чуть не вскрикнул Тони. — Та самая станция, которую я столько искал... Сейчас... Еще несколько минут — и свобода!

Они увидят... Что они там увидят, на поверхности? Впрочем, опять-таки — какая разница!

Он посветил на часы — они стояли.

Люди, которые едва плелись за ним, без всяких слов поняли: избавление близко. Они быстрее зашаркали ногами, дыхание их стало еще более частым и прерывистым.

Вот и ведущие вверх эскалаторы. Стального щита-заслонки, к счастью, нет.

Тони вдруг заметил, что он тоже торопится. Ему вдруг захотелось, чтобы исчезли эти бесконечные своды, стены, чтобы взглянув наконец смог увидеть небо. Даже если наверху сейчас ночь, то она там живая, с огоньками, полутонами, быть может, со звездами. Там целый океан сырого осеннего воздуха, которым можно дышать. Пусть он радиоактивный, но он есть, его много...

По мере того как они поднимались по ступенькам эскалатора, становилось все свежее. Тони поежился, машинально надел куртку.

Они вошли в гулкое здание наземного вестибюля. Арчибальд не выдержал и побежал, размахивая светящимся фонариком.

Вот она — высокая деревянная дверь, точнее, три двери из крепкого дерева, обитые внизу медью. Арчибальд рванул на себя одну, другую. Тони дернул изо всех сил за ручку третьей. Заперто!

— Ерунда, — хрипло засмеялся Макфейл. — Откроем. Я ее зубами прогрызу.

Он оглянулся, осветил лица попутчиков, которые один за другим поднимались по неподвижным лестницам эскалатора.

— Будьте осторожны, — предупредил Тони, доставая из кармана пистолет. — Пуля может срикошетить. Отойдите. Свети, Арчибальд. Свети на замок.

Он не хотел тратить патроны и поэтому целился особенно тщательно.

Выстрел грохнул с такой силой, будто в пустом каменном зале выстрелили по крайней мере из пушки.

Арчибальд дернул за ручку — замок все еще держал.

Тони выстрелил второй раз. Затем, разбежавшись, ударил в дверь плечом. Раз, другой, третий. Зло, с остервенением.

И дверь поддалась.

Она распахнулась в серое тусклое небо — на улице было то ли раннее утро, то ли вечер — и люди, что-то крича, смеясь и плача от счастья, бросились в этот серый проем и вынесли на своих плечах и руках двух статистов, которые открыли им дверь.

...Вспыхнул свет.

Знакомый по десяткам съемок мертвый яркий свет, который всех ослепил, заставил прикрыть глаза руками. Из-за этого света, откуда-то сверху, будто глас божий, зарокотал усиленный мегафоном голос старины Пайпера:

— Здорово, ребятки!

Пайпер?! Откуда он взялся? Что он такое говорит? Что за бред?!

Слова помощника продюсера, их смысл, ускользали от сознания Тони, и он не сразу пришел в себя. Глаза наконец освоились, и Тони увидел возле станции метро прожекторные установки, спускающегося с «небес» улыбающегося Пайпера, каких-то людей, которые всегда толкуются на съемочной площадке и вокруг нее, и, наконец, работающую кинокамеру и... оператора. Да, да, да! Того самого «попугая» с сумками, которого они встретили под землей и посчитали сумасшедшим.

У Тони перехватило дыхание. Так кто из них сумасшедший?

Он по-прежнему не мог даже шевельнуться. Застыл, окаменел. Хотя и не оборачивался, знал, был уверен, что эта окаменелость поразила и его спутников.

А старина Пайпер уже начинал злиться.

— Что вы на меня так тарашитесь?! — спросил он, останавливаясь перед статистами и пряча руки в карманы теплой куртки. — Вы все, точнее, почти все, подписывали контракт со студией. Напоминаю: на любые виды работ. Любые! Игровые ленты сейчас не идут — вы это тоже знаете. Зрителю подавай прямое кино, натуральное... Вы славно поработали — мы четверо суток снимали вас в инфракрасных лучах... Каждому — десяти-

кратный гонорар. А если фильм пойдет, вам обломится еще кое-что... Спору нет — вам пришлось под землей несладко. Ну а во всем остальном, — помощник продюсера пожал плечами, словно не находя слов. — Во всем остальном вы сами и виноваты. Никто вас не заставлял калечить и убивать друг друга.

Тони глянул на город. Тот светился тысячами огней в знакомом вечернем тумане.

Значит, Пайпер сказал правду. Никакой войны не было! Была Большая Игра с привлечением большого количества статистов. Некоторые из них «остались» на съемочной площадке. Ричард, Чарли, полицейский, старик, все люди Флайта... Прямое, натуральное кино — и больше ничего.

И тут Тони увидел себя как бы в кадре, глазами оператора. На переднем плане невероятно грязный малый в рваной одежде, с безумным взглядом воспаленных глаз и многодневной щетиной на лице. Настоящее исчадие ада по кличке Беспалый. За ним — толпа таких же оборванцев.

Отработанным движением профессионального убийцы Беспалый вырывает из кармана пистолет, и на куртке старины Пайпера появляются две дыры. Помощник продюсера падает — не по-киношному, медленно и красиво, — а грузно и мгновенно, как и полагается убитому.

В пистолете больше нет патронов, но Тони все нажимает и нажимает спусковой крючок.

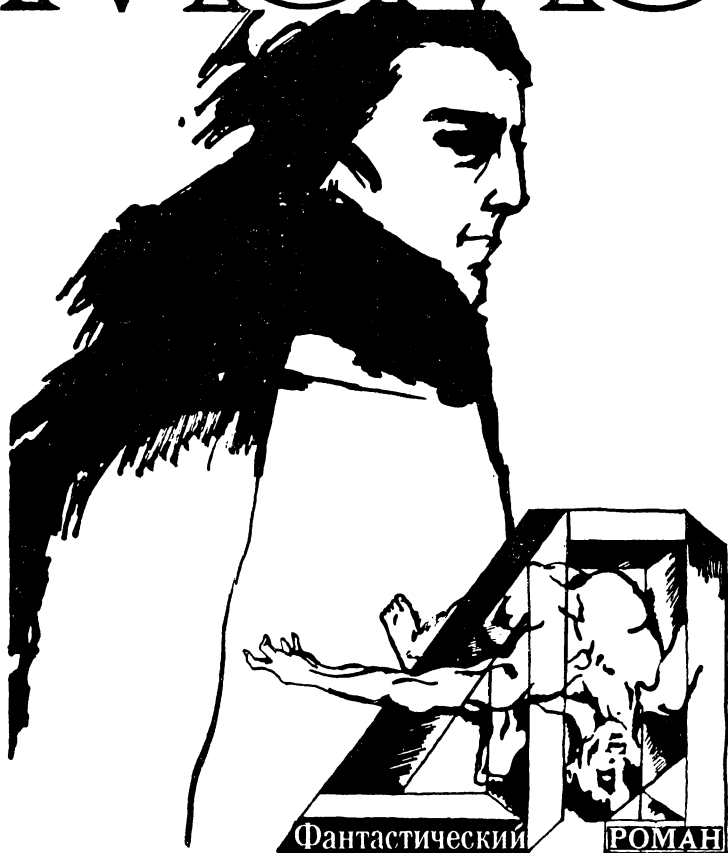
В зловещей тишине стало отчетливо слышно стрекотание кинокамеры.

Жаль, что не осталось хотя бы одного патрона, подумал Тони, поднимая глаза. На съемочной платформе приплясывал от восторга оператор-попугай. Заметив, что Макфейл смотрит на него, он показал Тони большой палец.

Отличные будут кадры!

Андре РЮЭЛЛАН

МЕМЮ

Фантастический

РОМАН

Художник Сергей РАДИМОВ

Поль перекусывает крысе шею. Зверек застывает в неподвижности. Поль хватает его за лапы и челюстями вспарывает ему брюхо. Потом выдирает оттуда и жует крошечные внутренности. Глощает. Принимается за лапку. Ее шкура и шерсть не поддаются зубам. Он довольствуется крохотными мышцами.

Потрясая раскромсанной тушкой, Поль заводит торжествующую песню и начинает плясать.

Вокруг расстилается саванна, усеянная незнакомыми, диковинными предметами: керамическими столами, стеклянными перегородками. Сквозь них растут злаки, которые выглядят гораздо более настоящими. Все прозрачно, даже стена, не скрывающая горизонта, даже белый щит над головой, через который прекрасно видно голубое небо в пятнах серых облаков.

Поль отшвыривает подальше от себя остатки трапезы, вытирает руки о шерсть, покрывающую его обнаженное тело. Шерсть сослалась с одеждой, которую его разум отвергает. Поль не обращает на это внимания. Он пускается в путь по саванне. Бредет, наклонившись вперед, тяжело поворачивая голову из стороны в сторону.

По пути замечает пук рогатин и завладевает одной из них. Конец ее заострен. Оружие придает ему уверенность.

Издалека доносится зов:

— Поль! Поль!

Он отвечает боевым ревом, который ветер разносит над деревьями. Прислушивается. Ничто не выдает чужого присутствия. Поль возобновляет свой путь среди высоких стеблей.

Что-то прозрачное внезапно останавливает его. Он отступает, пытается обогнуть препятствие, но это ему не удается. Его охватывает ужас. Поль падает ниц, выкрикивает заклинания, подымается и делает новую попытку. Опять неудача. Тогда страх уступает место ярости. Он пробивает себе проход ударами рогатины.

Снова слышатся призывы, далекие, многосложные, непонятные. Это люди не его племени. Поль меняет направление, отыскивает ложину и легко спускается в нее, потому что в склоне кем-то вырублены небольшие пологие уступы.

Оказавшись в ложине, он продолжает свой путь, но из зарослей выскакивают враги. Он поворачивает и бегом пересекает обширное пространство. По обеим сторонам длинными вереницами неподвижно стоят большие пестрые звери. Через прозрачные бока видны их внутренности. Но удивляться некогда. Звери спят. А сзади — вражеская погоня.

Поль добирается до стены высоких черных бамбуковых деревьев. Стволы сделаны из ровно уложенных друг на друга прямоугольных камней. Между двумя деревьями — проход. Он помогает беглецу преодолеть бамбуковое ограждение. Поль выходит к широкой тропе, по которой в обоих направлениях мчатся звери, похожие на тех, что спят в саванне. Нападать они не пытаются. Поль решает перейти тропу.

Но один из зверей несется прямо на него с оглушительным

рыком. Поль едва успевает отпрыгнуть. Как раз для того, чтобы попасть в руки врагов. Поль издаст боевой клич и ожесточенно отбивается. Но вскоре падает: их слишком много. Его уносят, как законную добычу.

Присмирившего Поля покачивает в такт шагам. Он глядит на веркушки кустов, которые на фоне молочно-белого неба колышет ветер. И молчит. К чему бунтовать, роптать на судьбу? Должны быть победители и должны быть побежденные — таков закон саванны.

Поль очнулся от забытья поздно утром. У него было такое ощущение, будто голова его наполнена клеем. У изголовья кровати он увидел Изабеллу. Она была, как обычно, в джинсах. Поль попытался заговорить, но смог издать лишь невнятное бормотание. Изабелла принялась успокаивать его, нежно поглаживая по голове. Он взял ее руку и лизнул. Изабелла поспешно отдернула руку. Поль приподнялся на локте, глядя на ее искаженное страхом лицо, и с трудом выговорил:

— Не понимаю, что на меня накатило...

Изабелла настороженно молчала.

— Я у Карлена, верно?

Она согласно кивнула.

— Значит, он впрыснул мне ларгактил. Это его мания... — Поль слабо улыбнулся и закрыл глаза. — Мои веки весят целую тонну. Я вспоминаю, что видел сон. Вот только когда это было: до или после?

— Это было потому, что...

Поль открыл глаза:

— Как это понимать?

— Как раз потому, что ты видел сон наяву, тебя и поместили сюда. С тобой мог произойти несчастный случай.

Поль покачал головой.

— Надо мне выбираться отсюда. Меня ждет работа.

— Меня она тоже ждет, — спокойствие давалось Изабелле с трудом. — Та же самая. Она будет ждать нас с тобой до тех пор, пока ты не поправишься.

Поль попытался возмутиться, заговорить быстро и горячо. Получилось только бессвязное бормотание. Он умолк. Голова его откинулась на подушку. Изабелла с опаской погладила его по волосам, по щеке. Он взял ее за руку, но на этот раз ограничился тем, что сжал ее.

— Так значит, — слабым голосом произнес он, — я не покидаю Сальпетриер¹. Из лаборатории — напрямик в психиатрическое отделение...

— Ты причинил немалый ущерб, — ровным голосом заявила Изабелла. — Первым делом ты съел Тесся.

— Крысу?

— Да, чемпиона лабиринта.

Поль издал нечленораздельный звук, в котором слышалось смущение и недоверие.

---

¹ Сальпетриер — известная парижская больница и медицинский исследовательский центр.

Изабелла бросила на него обеспокоенный взгляд.

— Я не упрекаю тебя, — поспешно добавила она. — Вероятно, в тот момент у тебя были на то веские причины...

— Причины съесть Тесея?

— Потом ты разбил стеклянную перегородку и вышел на бульвар. Мариетта бросилась за Дармоном и Жинесте. Они перехватили тебя в ту самую минуту, когда ты намеревался сразиться с автобусом.

— Это возможно, — сказал Поль, — но крысу я съесть не мог. Тем более Тесея!

Изабелла не ответила. Дверь открылась. В палату вошел Дармон. В противоположность Полю Эрмелену, яркому блондину, он был жгучим брюнетом и весил в два раза больше. Они с Изабеллой обменялись быстрыми взглядами.

— Ему уже лучше, — сообщила она. — Спасибо тебе за все. Поль заволновался.

— Дармон! Скажи мне, что произошло?

Он отбросил простыни, попытался соскочить с кровати и рухнул на пол прежде, чем его успели подхватить. Дармон поднял его, как перышко, и уложил в постель. Какое-то время Поль лежал неподвижно. Из-под его сомкнутых век показались слезы.

Дармон посмотрел на него с дружеской улыбкой.

— Я думаю, ты принял С-24, — сказал он.

Вечером к Полю зашел Карлен. Он присел на краешек кровати.

— О ваших работах, как вы знаете, мне известно только по публикациям. Но похоже, они открывают блестящие перспективы... Как далеко вы продвинулись?

Поль улыбнулся. Теперь его сознание окончательно прояснилось.

— Ну что ж, мы начали с физиостигмина, и нам удалось синтезировать стимулятор памяти — условно мы назвали его С-23, — который улучшал способности крыс ориентироваться в лабиринте и отличался практически полным отсутствием токсичности. Мы испробовали его на себе и в тестах на запоминание получили весьма обнадеживающие результаты. Фармацевтическая фирма Дюселье собирается выпускать его под коммерческим названием «меморил». Они ждут только разрешения Комиссии по контролю.

— Тогда какие же у вас проблемы?

— Как обычно, мы работали над совершенствованием препарата. Предстояло повысить эффективность, разнообразить формы выпуска, свести на нет побочные воздействия, найти наиболее дешевые способы синтеза в промышленном масштабе.

Настал черед улыбнуться Карлену.

— Разумеется. И таким образом вы пришли к С-24. — Помолчав, он добавил: — Вы приняли его, не так ли?

Поль кивнул:

— Один сантимграмм.

— Помните доктора Джекилла? — спросил Карлен.

Поль улыбнулся.

— Я превратился не в мистера Хайда. Я стал первобытным охотником, неандертальцем.

— Еще хлестче!

— Да нет же. Неандертальцы вовсе не были воплощением зла, и кроманьонцы оказались не ближе к спасению души... Да и мы далеко не ангелы.

— Говорите за себя, — отозвался Карлен, хотя, судя по всему, он не был расположен шутить. — Так вы настаиваете на своем объяснении происшедшего?

— Тут действительно дело не в памяти, в оживлении воспоминаний, пусть даже трехсоттысячелетней давности. То была сама жизнь. Но в другом теле, под другим небом. Вы знаете, как воспринимаются людьми сны. Появляется ощущение пережитого, почти как от происшедшего накануне. Это совсем не то, что образы, вызванные воспоминанием. Это доступно органам чувств, старина! Причем все они дают согласованную картину. Ситуацию невозможно поставить под сомнение.

На мгновение Поль умолк. Карлен смотрел на него с недоверием.

— Добавлю, что я не был в состоянии подвергнуть что бы то ни было сомнению. Я был дремучим пещерным жителем... Послушайте, Бенуа, на мой мир накладывалась реальная жизнь. Я наталкивался на непонятно откуда взявшиеся препятствия...

— Наталкивался — это слишком слабо сказано...

— Что же вы хотите! Я испробовал первобытную магию, но она не подействовала. А ведь я верил в нее свято... Да что говорить: примите сами С-24, и тогда послушаем, что вы скажете!

— Благодарю! У меня есть дела поважнее ритуальных плясок в саванне...

— Знаете что, я, кажется, придумал, как объяснить все, что бы вы поняли меня до конца. Когда я говорю об этом опыте, я призываю к помощи воспоминание о нем. Это воспоминание — не более чем неразборчивая запись, воспринимаемая как что-то внешнее, застывшее, мертвое. Галерея мумий — вот что такое воспоминание.

— Старина, вы напоминаете мне наркомана, рассказывающего о своем «путешествии»!

— С той лишь разницей, что я не страдаю из-за отсутствия наркотика, а путешествие представляет собой погружение в реальное прошлое.

— Однако, Поль, я надеюсь, вы не собираетесь выбросить это на рынок?

— Разумеется, нет! Но на основе этого препарата, похоже, можно будет создать ряд производных с фантастическими свойствами...

— Примерно то же самое говорила мне и Изабелла.

Поль снова улыбнулся:

— Изабелла увлечена нашими исследованиями.

— Знаю. Однажды я спросил у нее, почему у вас нет детей. Она ответила, что, родив, она терзалась бы чувством, что предала команду...

— Ба! Раз уж я сам на это не настроен... Дорогой мой Бенуа, вот увидите, мы перевернем вверх тормашками кое-какие наши представления.

— Только не переусердствуйте! Вдруг у человечества отпадет надобность в психиатрах, и я окажусь безработным!

— До этого не дойдет. Мы занимаемся исключительно памятью. Впрочем...

— Что «впрочем»?

— Не знаю. У меня такое ощущение, будто я приобрел странную ясность ума — что-то вроде ясновидения.

— Иными словами, вы вдруг стали посвящены... Вот только во что?

— Не смейтесь. Возможно, препарат С-24 имеет длительное действие...

— Будем надеяться, не патогенное. Вам известно, что единовременный прием даже незначительной дозы лизергиновой кислоты...

— ...Может вызвать неизлечимую шизофрению. Да, я был на Международном конгрессе по психиатрии в тысяча девятьсот пятидесятом году и слышал сообщение Морселли. Но лизергиновая кислота — это галлюциногенное вещество, которое никогда не выйдет из стен лабораторий...

— Да не услышит вас дьявол!

Поль открыл дверь своим ключом. Войдя, он испытал потрясение. Он попал явно не к себе домой: просторная прихожая, толстый ковер на полу, непривычное освещение — короче, ничего общего с его скромной квартиркой.

Поль уже взялся было за дверную ручку, собираясь уходить, как вдруг в прихожую вихрем влетел мальчуган лет четырех-пяти и бросился к нему на шею, крича:

— Папа! Папа пришел!

Вслед за ребенком появилась улыбающаяся Изабелла. Ее было не узнать: замысловатая длинная прическа, незнакомое облегающее платье из черного атласа.

— А, вот и ты наконец! Я уже собиралась ехать за тобой. Взгляни на Венсана: мальчик радуется даже больше меня!

Отведя взгляд от ребенка, Поль скосил глаза на элегантный твидовый костюм, неожиданно оказавшийся на нем самом. Куда подевались его вельветовые брюки и куртка? Поль снова посмотрел на мальчика.

— Венсан? — повторил он недоуменно.

На лице Изабеллы появилось беспокойство.

— Ну да, Венсан. А что такое?

Поль машинально чмокнул незнакомого ребенка в лоб и опустил его на пол. Изабелла вглядывалась в мертвенно-бледное лицо Поля.

— Ты не в порядке... — сказала она. — Я же вижу, что ты не в порядке. Тебе не следовало так быстро выходить из больницы... Иди приляг в гостиную. Что тебе принести? Сок, виски со льдом, пиво? Нет, но какая же я дура! Тебе нужен чай. Да-да, слабый чай. Да что это я все болтаю? Уже семь часов! Ты, верно, голоден!.. У меня есть холодный цыпленок, настоящий цыпленок с фермы... А ты иди поиграй: видишь, папа устал... Идем, Поль, и Расскажи мне, что тебя мучит...

Она взяла Поля под руку и увлекла в гостиную, в то время как Венсан радостно носился вокруг них.

«Что меня мучит, — думал Поль, — так это то, что я никогда прежде не видел ни этой квартиры, ни костюма, который сейчас на мне, и то, что детей у нас нет». Но вслух он ничего не сказал.

Он бредит. Это единственно возможное объяснение. Карлен попал в точку: от С-24 не так-то просто избавиться. Оно на длительное время нарушает психику... несмотря на кратковременные прояснения в сознании.

Поль вздрогнул. На сей раз речь шла не о путешествии в глубины памяти. Он впал в самый настоящий галлюцинаторный бред. Ребенок был плодом его воображения, как и поведение Изабеллы, которое должно было подкрепить присутствие ребенка, чтобы бред стал логичным.

Растянувшись на роскошном диване в гостиной, Поль заговорил охрипшим от отчаяния голосом:

— Ты не можешь сказать ему, чтобы он не кричал так громко?

— Ну конечно, любимый... Венсан! Замолчи! Я ведь говорила тебе, что папа устал. Иди в свою комнату.

Венсан топнул ногой, издал несколько пронзительных воплей, но в конце концов подчинился. Лжеребенок исчез. Куда? Что там, за дверью? Настоящая комната? Или пещера с медведем? Поль взглянул на призрак в образе Изабеллы, который подкладывал ему под голову подушку. На миг он испугался, что она может превратиться в кроманьонку с дубиной в руке.

Но нет, Изабелла направилась в кухню. Он услышал ее голос, временами заглушаемый шумом льющейся из крана воды:

— Как я раньше об этом не подумала? Хороший кофе — вот что тебе нужно. Хочешь?

— Будь так добра...

Полю было трудно выговаривать слова. Голос прозвучал глухо, безжизненно.

— Что ты говоришь?

— Будь так добра! — прокричал Поль.

Последнее слово продребезжало, словно оно было из фарфора, и вдруг треснуло.

— Отлично. Я тоже выпью.

Из другой комнаты доносились пронзительные крики. Может быть, лжемедведь пожирал лжеребенка? Но крики перешли в песенку. Там все шло нормально.

Изабелла вернулась с двумя чашками дымящегося кофе, сахарницей, ложками на подносе, который поставила на столик. Она села в кресло подле дивана. Поль вдруг понял, что у него нет никакой причины валяться. Он сел.

— Тебе лучше? — спросила Изабелла.

— Да вроде бы...

Не мог же он сказать ей: «Пока я буду слышать из-за двери комнаты голос ребенка, появившегося из небытия, пока ты будешь делать вид, что он наш, лучше мне не будет». Но, может быть, он неправильно оценивает происходящее. Он не может говорить с Изабеллой искренне, если только имеет дело с ней,

а не с подделкой под нее. Но если она — плод его воображения, то это было бы равносильно спору с самим собой, не более того. И, несомненно, так оно и есть — ведь, что ни говори, ему доподлинно известно, что ребенка у них нет! Поль выпил глоток кофе и выпалил одним духом:

— Мне лучше, потому что теперь я уверен, что ты в это время в лаборатории вместе с остальной нашей командой, что в этой комнате нет никакого ребенка и что я сейчас наедине со своим бредом в этой незнакомой квартире.

Глаза Изабеллы расширились от ужаса.

— Господи! Ты еще болен!

Поль взвесил этот ответ.

Это естественный ответ для призрака, поскольку этот призрак — просто рупор его, Поля, бреда.

Но, с другой стороны, будь Изабелла настоящей, она отнеслась бы к его словам как к симптому бреда... И ответ мог бы быть точно таким же.

К счастью или к несчастью, но настоящей она быть не может.

— Не бойся ничего, любимый... Мы здесь втроем...

Втроем!

— ...Тебе скоро станет лучше... вот увидишь... Раньше ты придумывал и верил в придуманное, а теперь не веришь тому, что существует... Но это как... как настройка резкости, понимаешь... Все, что ближе или дальше, выглядит размытым... Скоро ты будешь видеть вещи так, как мы с Венсаном...

Они с Венсаном... А что, если ударить, вышвырнуть этого оборотня в окно? Может быть, так он избавится от него к приходу Изабеллы? И ребенка туда же. А если они существуют? Если те, кто представляется ему Изабеллой и неким Венсаном, в действительности Мариетта, ассистентка, и какой-то ребенок, пришедшие его навестить? Вот так и убивают людей, когда сходят с ума. Поль поставил пустую чашку на стол.

— Да... как вы с Венсаном...

Он снова растянулся на диване. Ему вспомнились слова Карлена: «Я спросил у нее, почему у вас нет детей...» Кто-то шершавым языком лизнул его в лицо. Поль рывком сел. У дивана стоял невесть откуда взявшийся большой черный пес. С удивлением поглядев на Поля, он попятился и зарычал.

— Альбер, молчи! — прикрикнула Изабелла.

Поль тоже смотрел на собаку.

— Что это такое? — пробормотал он.

— Твой пес. Ты его забыл? Как сына...

— И его зовут Альбер?

— Ты же сам его так назвал, когда мы три года тому назад купили его Венсану...

— Но когда я пришел, никакого пса не было...

— Он был в своей комнате.

— В своей комнате? У этого пса есть своя комната?

— Да нет же, в комнате Венсана. Альбер, да замолчишь ты наконец? Будь умницей!

Альбер посмотрел поочередно на Поля и Изабеллу, потом повернулся к ним спиной и улегся под стол. Положив морду на лапы, он не сводил с Поля глаз. Этого призрака не так легко

будет вышвырнуть в окно, подумал Поль. Скорее Альбер вынудит его выпрыгнуть с третьего этажа.

Он встал. Подошел к окну. Поднял штору, открыл створку и выглянул наружу. Вид двадцатипятиэтажной пропасти заставил его отпрянуть назад. Альбер зарычал. Изабелла вскочила на ноги.

— Что еще стряслось?

— Я... я думал, что наша квартира на третьем...

Изабелла обняла его за плечи.

— Бедненький ты мой, наконец-то я начинаю понимать. Раньше мы жили в другой квартире, действительно на третьем этаже. Но потом, когда родился Венсан, нам пришлось переехать в квартиру попросторней... — Губы ее горько скривились. — Ты забыл все это!

Амнезия? Только этого не хватало!

— Скажи, — возбужденно заговорил он, — где я, по-твоему, был перед этим?

— В отделении Карлена, где же еще?

— Так. А почему я там был?

— Да ведь ты проходил обследование! Ты был совершенно изнурен работой! Упал в обморок прямо в лаборатории.

— Ага, — сказал Поль, — значит, лаборатория, по крайней мере, еще существует...

— Хоть об этом помнишь!

— И ты работаешь там вместе со мной!

Она широко открыла глаза:

— Помилуй, Поль, я ушла оттуда пять лет назад, когда забеременела!

— Ах да! У меня амнезия. Все та же проклятая амнезия?

— Н-ну... да, Поль. У тебя амнезия!

Он снова сел на диван. Выходит, он — человек, занимающийся исследованиями в области восстановления нарушенной памяти, теперь вдруг сам стал идеальным пациентом. Разумеется, при таком объяснении все вставало на свои места: изнурение, срыв и черный провал.

Но это было уже слишком. Поль снял трубку телефона и набрал номер лаборатории. Его он не забыл. Ответила ему Мариетта, лаборантка.

— А, здравствуйте, Мариетта. Это Поль. Вы сегодня не видели Изабеллу?

На том конце провода помолчали, прежде чем ответить.

— Но, Поль, она же бывает у нас только по пятницам, к концу дня, когда заезжает за вами...

Поль скосил глаза на Изабеллу.

— Ах да, ну, конечно же, Мариетта. Благодарю вас.

Мариетта нерешительно спросила:

— Вы... надеюсь, вы чувствуете себя хорошо, Поль?

— Да, да, я чувствую себя хорошо. Спасибо, до завтра.

Он положил трубку.

— Прости меня. Я хотел... Мне нужно было...

Изабелла подбежала, прижалась к нему:

— Ну конечно, любимый!

На душе у Поля по-прежнему было тяжело. Придется ему те-

перь жить с этим ужасным ребенком и слюнявым псом: не от-
рекаться же от семьи.

За завтраком Поль обнаружил в кармане пиджака ключи, ко-
торых никогда прежде не видел. Отложив бутерброд, он показал
их Изабелле.

— Ты знаешь, что это за ключи? — спросил он.

Изабелла кивнула — понимающе, мягко.

— Это твои ключи от машины, Поль.

— Что ты такое говоришь? Уж их-то я помню!

— погоди. Ты помнишь, от какой?

— Само собой, от «дофина»!

— У нас уже два года «студебеккер».

Поль внимательно посмотрел на Изабеллу, потом на связку
с тремя ключиками.

— «Студебеккер»? — тупо повторил он.

— Посмотри сам. Синего цвета, прямо под окнами.

Поль встал и подошел к окну. От высоты в двадцать этажей
у него снова закружилась голова. Но синий автомобиль дей-
ствительно стоял внизу. Длинный, шикарный.

Поль в задумчивости возвратился на место.

— Так, значит, мы разбогатели? — спросил он почему-то сар-
кастическим тоном.

— Наступило время получать проценты с прибыли от прода-
жи твоего препарата.

— «Меморила»?

Изабелла кивнула.

— Мне казалось, что я продал формулу только в начале
года...

Она улыбнулась.

— Да нет, гораздо раньше.

Поль задумался.

— Мне казалось, что мы тогда решили... ну, я решил усовер-
шенствовать его, прежде чем...

Он не закончил фразу, осознав, что говорит с Изабеллой
так, будто она по-прежнему работает вместе с ним... Решив
сменить тему, Поль спросил:

— А кстати, где Венсан?

— Он еще спит.

— Прости, что я не сразу о нем вспомнил...

Изабелла снисходительно покачала головой.

— Для тебя он словно только что родился. Ты не привык.
Ты не думаешь о нем...

— Долго ж ты переживала, раз он родился пятилетним.

Оба рассмеялись. Но смех прозвучал неестественно.

Достав из кармана ключи, Поль направился к «студебеккеру».
Он не удержался, и воровато оглянулся по сторонам, словно
собирался его угнать.

Открыл дверцу и сел за руль. Автомобиль и впрямь не имел
ничего общего с «дофином». Автоматическая коробка, стекла

с электроприводом... роскошь. Трогаясь с места, Поль с привычки чуть было не задел машину, стоявшую впереди. Впрочем, приновился он очень быстро. Оказалось, что «студебеккером» управлять гораздо легче, чем маленькой машиной примитивной конструкции. В салоне был приемник. Поль включил его. Грянул оглушительный твист. Поль уменьшил громкость и с улыбкой смутного удовлетворения поехал к Сальпетриер.

Мариетта вошла в лабораторию в ту самую минуту, когда Поль разглядывал стеклянную перегородку.

— Здравствуйте, Поль, — с улыбкой сказала она. — Я вижу, у вас прекрасное самочувствие.

— Здравствуйте, Мариетта. Я думаю, оно у меня было бы еще лучше, если б я мог понять, каким образом вы сумели так быстро сделать ремонт.

Взгляд Мариетты выразил непонимание.

— Какой ремонт? — спросила она.

Теперь удивился уже Поль.

— Да этой перегородки, которую я разбил...

— Простите? — спросила Мариетта.

Поль пристально посмотрел на нее.

— Уж не хотите ли вы сказать, что я ничего не разбивал?

Мариетта не ответила. Она явно чувствовала себя не в своей тарелке. Неловкое молчание нарушил вошедший Дармон.

— Привет, Поль! Рад тебя видеть!

— Я тоже. Избавь меня от одного сомнения...

— Если сумею...

— Эту перегородку вчера ремонтировали?

Дармон окинул перегородку взглядом.

— Конечно, нет! Она ведь в полном порядке, разве не так?

— Да-да, — согласился Поль. — Она в полном порядке.

На какое-то время он погрузился в созерцание перегородки, потом повернулся к хранившим молчание Мариетте и Дармону.

— Я заскочу к Карлену, — объявил он. — Если понадобится, звоните туда.

Широким шагом Поль вышел в коридор. Оставшиеся в лаборатории продолжали молча смотреть друг на друга.

Поль и Карлен были одни в небольшой аудитории. Карлен, примостившись на краю стола, поигрывал молоточком для проверки рефлексов.

Поль некоторое время ходил взад и вперед, потом остановился перед Карленом.

— Таким образом, — сказал он ровным голосом, — после моего обморока в лаборатории вы продержали меня в отделении двое суток. Ни бреда, ни агрессивного поведения, ни попыток крушить окружающие предметы... и я перед тем не принимал никакого препарата, так?

— Точно.

— Скажите, Бенуа, что вы думаете об С-24?

— О чем?

Поль постоял в нерешительности, потом вновь принялся мерить шагами аудиторию.

— Что вы знаете о наших работах? — спросил он.

— Ну что ж, вы получили отличную штуку — вы, Дармон и Жинесте. А именно — «меморил», который успешно применяется для лечения посттравматической амнезии.

— И больше ничего?

— Насколько мне известно, нет.

Поль снова остановился. Он был близок к отчаянию.

— Выходит, — произнес он, — мы говорим о лекарстве, которое активизирует память, и у нас о нем разные воспоминания? Вот здорово!

— Послушайте, старина, — мягко сказал Карлен, — не забывайте, что у вас было сильное переутомление.

— А ребенок, а собака?

— Что с ними?

— Они существуют! А не должны! Вы же сами не далее как вчера говорили мне, что спрашивали у Изабеллы, почему у нас нет детей! Не будете же вы теперь меня разубеждать!

Карлен смотрел на него с почти профессиональным вниманием.

— Да нет, Поль, буду. Я даже признаюсь вам, что был готов услышать это от вас. Сегодня утром мне позвонила Изабелла. Так что мне известно о вашей амнезии. Но вы хотя бы для начала попробовали принять «меморил»?

— К черту «меморил»! Я очень хорошо помню ваши слова. Не понимаю, почему вы от них отказываетесь!

— Послушайте меня, Поль. У вас не только амнезия, потеря памяти о пяти последних годах вашей жизни, но и расстройство памяти. У вас появляются воображаемые воспоминания. Как, например, о некоем С-24...

— Но наш разговор состоялся позже моего так называемого обморока. Он за пределами затронутого периода.

— Ну и что? Расстройство памяти с не меньшим успехом может относиться и к совсем недавнему прошлому. Это всплеск, вызванный травмой, постепенно все придет в норму... Послушайте, Поль, сейчас вам самое время испытать на себе ваш «меморил»!

Поль повернулся к Карлену.

— Я уже начал сегодня утром, — сказал он. — Посмотрим, вернется ли память.

— Почему бы ему на вас не подействовать?

— Не знаю... Но хорошо бы он еще стер мнимые воспоминания!

— Этого он наверняка не сделает. Ими займется ваше подсознание: с противоречивыми воспоминаниями жить просто невозможно...

Поль направился было к двери, но остановился.

— А что, собственно, отличает подлинные воспоминания от мнимых? — не оборачиваясь, спросил он.

— Спросите у своих коллег, что они об этом думают. У них объективное видение ваших проблем. Посмотрите, с кем они согласятся: с вами или со мной.

Обернувшись, Поль устало покачал головой.

— Опыт наполовину проделан, — произнес он. — Он уже подтверждает вашу правоту.

Альбер встретил его с неопишуемой радостью. Он явно не помнил о том, что Поль его забыл. Улыбнувшись, Поль погладил пса по голове. Что ни говори, а у него есть свои преимущества. К примеру, то, что он пес.

Гораздо более женственная в своем облегающем платье, Изабелла казалась Полю еще привлекательней. Он начинал привыкать к этому заботливому и исполненному материнских чувств созданию. Создание... гм, но оно действительно было Изабеллой. Он мог бы сохранить воспоминание о королеве красоты с показателем интеллекта 140 и оказаться лицом к лицу с безобразной уродиной, тупицей, полоумной. В таком положении все возможно. Поль решил, что ему невероятно повезло... если только он не сошел с ума.

Но тут из комнаты с воплями примчался Венсан. Он попытался по-альпинистски вскарабкаться по ноге Поля. Поль заставил себя обнять его.

— Не кричи так сильно, — сказала Изабелла. — Папа еще усталый.

Поль погладил Венсана по голове, как перед этим Альбера.

— Папа не усталый, — заверил он. — Он сегодня очень хорошо поработал. Все прекрасно.

У него появилось ощущение, что он изъясняется одними междометиями и звукоподражаниями, как какой-нибудь персонаж комикса.

Изабелла ушла на кухню. Поль настроил радиоприемник на «Франс-2». Послышался голос Жана Ноше. Поль тотчас повернул ручку настройки. Радио Люксембурга говорило о своих десяти миллионах слушателей. Он выключил приемник и развернул «Пари-Пресс».

Представители ФНО¹ встретились с Бен-Беллой в Онуа. В Нице при облаве на оасовцев удалось поймать в сети немало боевиков. В Катанге на время встречи Чомбе с Адулой заключено перемирие.

Он крикнул Изабелле:

— Ты читала? В Париже минус восемь! Теперь мне понятно, почему я так продрог.

— Будем надеяться, что это ненадолго! — отозвалась Изабелла.

Он добавил:

— Ничего не скажешь, удачное время выбрала Жанин Шарра для самосожжения!

— Дело вкуса! — прокричала Изабелла.

— Да, но все-таки мне ее жалко... Впрочем, с ней, похоже, не случилось ничего серьезного...

— Я приготовлю тебе «джин-физз»!

— Что?

---

¹ Фронт национального освобождения (Алжир).

Но Изабелла уже входила в гостиную с подносом, на котором был бокал «джина-физз» и бокал «Александры».

— И что, мы будем это пить? — удивился Поль.

— Как обычно! — радостно воскликнула Изабелла.

Поль посмотрел на нее с беспокойством. Она заметила его взгляд и, подбежав, устроилась у него на коленях.

— Я знаю, — сказала она, — за пять лет мы изрядно отравились этим зельем...

Об амнезии она говорить избегала. Но легче от этого не становилось. Поль решил взять быка за рога.

— Есть одна заковыка, — начал он. — Если самые свежие мои воспоминания — я имею в виду период до обморока — пятилетней давности, то я должен был бы поразиться всевозможным изменениям, которые показались бы мне внезапными...

— Например, тому, что я за два дня постарела на пять лет? — мягко спросила Изабелла.

Он оглядел ее с головы до ног.

— Ты-то как раз не приобрела ни одной морщины, ни единого килограмма.

— Но это потому, что я вечно остаюсь молодой! — с увеличенной жизнерадостностью воскликнула она. — Молодой благодаря кремам и витаминам!

Поль некоторое время размышлял. Пример и впрямь был не совсем удачен. С двадцати пяти до тридцати лет женщина может почти не измениться. Но Карлен, Дармон, Мариетта — все они внешне тоже выглядели как прежде.

Была и другая заковыка:

— Как ты объяснишь, что я, напротив, хорошо помню некоторые другие события, относящиеся к этому отрезку прошлого?

— Какие же?

— Ну, например, запуск первого спутника Земли. Это было в пятьдесят седьмом году, а сейчас шестьдесят первый. Венсан родился в пятьдесят шестом. Почему мне запомнились вещи, которые прямо меня не касаются, и стерлись из памяти те, что имеют непосредственное отношение к моей семье?

— Значит, это избирательная амнезия.

— Странная избирательность.

Поль коснулся платья Изабеллы.

— И это, — сказал он. — Я помню тебя исключительно в джинсах. Это был твой вызов.

Изабелла улыбнулась.

— Это практично... но не слишком элегантно...

— Беда в том, что еще вчера ты была в них в больнице и носила короткую стрижку.

Изабелла нахмурилась было, но быстро спохватилась, и лоб ее разгладился. Она улыбнулась.

— Джинсов в моем гардеробе больше нет. И волосы у меня — не грибы. Они не отрастают на двадцать сантиметров за день.

Обескураженный, он пожал плечами.

— Я знаю, — сказал он, — Карлен считает, что у меня рас-

стройство памяти после травмы. Но почему мне вспоминается, что я видел тебя такой и после того, как очнулся?

— Твоя амнезия проявилась уже тогда. Ты увидел меня такой, какой, по твоим представлениям, я должна была быть... Какой я и в самом деле была пять лет тому назад...

Вздохнув, Поль обнял жену.

— Разумеется... Но ты понимаешь, что это значит? Это значит, что мой разум создает из реальности все, что ему вздумается. Это называется бредом.

Она тихонько отстранилась и встала.

— Нет. Не из реальности. Я не приходила к тебе в больницу. Мне запретил это Карлен. — Поскольку Поль ошеломленно молчал, она добавила: — Рано или поздно тебе надо было об этом узнать. Но в некотором смысле так даже лучше. Мое посещение приснилось тебе от начала и до конца. Должно быть, ты еще находился под воздействием транквилизатора...

Поль тоже поднялся.

— Но ведь я отчетливо помню его!

— Сон тоже может отчетливо запомниться.

Поль взял свой «джин-физз» и сделал глоток. Ставя бокал на место, он взглянул на Изабеллу. Та, отпивая маленькими глотками свой коктейль, пристально смотрела на него.

— Видимо, ты права, — согласился он, но голос его прозвучал глухо. — Действительно, так как-то спокойней на душе.

Из комнаты появился Венсан. Он восседал на пластмассовом мотороллере. За ним трусил Альбер, трясая головой, и уши его болтались как тряпичные.

— Чемпион сейчас пойдет спать, — сказала мальчику Изабелла и, обращаясь к Полю, добавила: — А мы будем ужинать вместе. Я приготовила рагу из баранины.

С этими словами Изабелла сняла Венсана с его транспортного средства. Как ни странно, ребенок ничем не выдал своего неудовольствия. Поль с интересом наблюдал за ним. Он подошел к мальчику и поцеловал его в лоб.

— Забавно, — сказал он. — Я и впрямь начинаю к нему привыкать...

Поль начал привыкать и к поведению Изабеллы. То, что у нее вдруг проявились кулинарные наклонности, было немалым преимуществом. Он обнаруживал в себе традиционные мужские пристрастия. Например, вкусно поесть.

— Фантастика! — воскликнул он, отодвинув тарелку. — И это ты, которой никак не удавалась яичница!

— И все остальное тоже! — смеясь, уточнила Изабелла.

— Конечно, просто я не хотел вгонять тебя в краску.

Они немного послушали музыку. Поль стал восхищаться высококачественным радиокомбайном.

— Совсем не то, что наш электрофон! — сказал он. — Помнишь его? — Он спохватился: — Нет, я, конечно, не сомневаюсь, что ты его помнишь... Это просто так говорится...

— Слушай, давай без комплексов... Память вернется к тебе. Ты сам говоришь, что не все забыл. Но комбайн — это еще что! Скоро у нас будет телевизор.

— Телевизор?

Некоторое время Поль переваривал новость.

— Это бесподобная вещь! — с воодушевлением воскликнула Изабелла.

Поль помолчал еще.

— А ты разве не была против? — нерешительно спросил он.

— Поначалу да... но теперь все это в прошлом.

Странно, но Поль никак не мог заставить себя поверить в то, что ее неприязнь к телевизору улетучилась так давно. О чем он ей и сказал. Она пожала плечами и улыбнулась:

— Естественно, поскольку прошлое — это для тебя вчера!

Они лежали в постели.

Одной из наиболее загадочных перемен, происшедших в Изабелле, было пробуждение в ней чувственности. Насколько та Изабелла, о которой он сохранил воспоминания, была в этом отношении бесхитростна, настолько новая поразила его неожиданной изобретательностью. Поль обнаружил в ней сложную психологию любовной игры, и нельзя сказать, чтобы перемена в Изабелле ему не нравилась. Но приобрела ли она это новое качество одновременно с тем, как стала матерью? Не кухня же, в самом деле, так преобразила ее! Или же в период, покрытый для него мраком, у нее был любовник? Поль ощутил укол ревности, но тут же одернул себя. Не менять же и ему свое поведение, устраивая ей беспричинные сцены, ведь они оба всегда стояли за свободу каждого в браке. Поль обещал себе не думать больше об этом. Однако, давая обещание, он спрашивал себя, не продолжается ли у нее эта связь. Словно речь шла не о подозрениях, а об установленном факте.

Но тут он послал свою ревность к дьяволу и решил наслаждаться тем, что предоставляет ему настоящее.

Поль оставил свой «студебеккер» на стоянке, отведенной для машин сотрудников лаборатории. Перед тем как войти в здание, он бросил на машину последний взгляд. Лицо его освещала улыбка.

Поль поднялся на второй этаж. В глубине коридора рабочие мыли стеклянную перегородку. Кивнув им, он вошел в лабораторию. Мариетта была уже на месте. После обычных приветствий она поинтересовалась его здоровьем.

— Похоже, сегодня вы в форме, — с теплотой в голосе сказала она.

— Ба, — отозвался Поль, по-прежнему улыбаясь, — маленький обморок, обыкновенный спазм мозговых сосудов... Маловероятно, что такое повторится!

— М-м... Да, конечно, — в замешательстве проговорила Мариетта.

— Да у вас какой-то странный вид! — заявил Поль, смеясь. — Что вы от меня скрываете?

— О нет, ничего! — поспешно возразила Мариетта.

Двое рабочих за перегородкой, видимо, закончив работу, ушли. Поль рассеянно проводил их взглядом.

— Да, — сказала Мариетта, — они еще вчера все закончили, утром им осталось только кое-что подогнать...

Поль обернулся к ней, удивленно подняв бровь.

— Закончили что? — спросил он.

Мариетта явно растерялась. Прошло немало томительных секунд, прежде чем она ответила:

— Ну... Вам все расскажет Изабелла... А у меня много работы... Вы извините меня?

Она повернулась и пошла к двери между двумя комнатами лаборатории.

Поль сделал два-три шага вдогонку.

— Погодите... Как это? Ведь Изабелла...

Он не договорил. Дверь из соседнего помещения открылась, в ней показалась Изабелла. У нее была короткая стрижка, а под белым халатом — свитер, небрежно спускавшийся на джинсы.

— Ну что, Поль, — ласково спросила она, — как ты себя чувствуешь?

Поль не ответил. Он оцепенел от ужаса. Мариетта выскользнула из комнаты и закрыла за собой дверь.

— Поль, — с беспокойством спросила Изабелла, — тебе снова нехорошо?

Он отступил, схватился за край керамического стола. Упал штатив, и одна из пробирок разбилась.

— Поль! — вскричала Изабелла.

Кинувшись к нему, она обвила его шею руками. Он смотрел в пустоту.

— Рабочие...

Голос у него был тусклый, безжизненный.

— Да?.. — с тревогой спросила Изабелла.

— ...Они ремонтировали перегородку?

Изабелла широко раскрыла глаза:

— Но, Поль, не оставлять же ее разбитой!

Он посмотрел на нее, погладил по коротко стриженной голове.

— Когда ты приехала? — спросил он голосом человека, находящегося под гипнозом.

— Ну... с час назад... Не хотела тебя будить. Поехала на метро... чтобы оставить машину тебе...

— Да... — медленно проговорил Поль, — машину ты оставил мне.

Он мягко отстранился от Изабеллы и подошел к окну. «Студбеккера» на стоянке не было. Его сменил белый «дофин». Только теперь Поль обнаружил, что на нем куртка.

Карлен, не сводя с Поля взгляда, внимательно слушал его рассказ.

— Итак, два дня я целиком прожил в бреде, — подытожил Поль. — Или же я брежу в эту самую минуту. Одно из двух.

— Это, несомненно, возвратное действие С-24, — сказал Карлен.

Поль был похож на человека, который идет по узкому карнизу над стометровой бездной и ищет, за что бы ухватиться.

— Вы тоже были частью моего бреда, Бенуа. Вы подкрепляли его своими высказываниями.

— Это бывает, — заметил Карлен.

— Но и в настоящий момент вы делаете то же самое!

— В настоящий момент вы не бредите...

— А как мне в этом удостовериться?

— Во время бреда вы помнили о том, что принимали С-24?

— Да. Но вы ничего не знали о существовании этого препарата.

— Неважно. В настоящий момент я знаю. Так какой же из Карленов, по-вашему, объективно существует, а какой порожден вашим бредом?

Поль покачал головой.

— Я вижу, куда вы клоните! Но если бредовой идеей является С-24, тогда вы, наоборот, не существуете сейчас.

Карлен вздохнул.

— Не забывайте последовательность событий, — терпеливо сказал он. — Существует реальность, которая согласуется с объективной точкой. В этой реальности мне известно о ваших работах и работах всех ваших сотрудников. Включая Изабеллу. Вы согласны?

— Да.

— Эта реальность возобновилась сейчас, после вашего сна наяву. Почему вы склонны считать истинной вклинившуюся в нее полосу?

Поль нахмурился и беспомощно развел руками.

— Я ничего не хочу, — сказал он. — Хотя нет, я хотел бы знать, что все-таки со мной происходит?

— Посудите сами: где вы узнали о существовании С-24? В мнимой реальности, где про него никто не слышал? Или в подлинной, где про него знают все?

Поль промолчал. Карлен решил закрепить успех:

— Эта история с женой — хранилищем домашнего очага, с ребенком, с богатством... Неужели она не кажется вам подозрительной? Ведь вы и сами психиатр. Согласитесь, что порожденные вашим сознанием образы лишены реального основания.

Поль пожал плечами.

— Не знаю, — сказал он растерянно.

Карлен улыбнулся.

— Зато я знаю. И постараюсь убедить в этом и вас. Та версия реальности, в которой вы в настоящий момент существуете, подразумевает наличие С-24, а этот препарат объясняет версию, которая его исключает. Обратное же утверждение несправедливо.

— Даже если допустить, что вы правы, — вздохнул Поль, — дела мои все равно паршивые.

Карлен поднялся и взял его за плечи:

— Вы не хроник, Поль, ваш бред — явление временное. Вы расплачиваетесь за то безрассудство, с каким решили испытать на себе новый препарат, вот и все.

Поль направился к двери.

— Да услышит вас небо.

Карлен покачал головой.

— Достаточно, чтобы меня слышали вы, — возразил он. — Небо глухо.

Поль уже выходил из кабинета, когда Карлен окликнул его.

— И последнее, — сказал он. — Я не хотел заострять на этом внимание, но вы сами так или иначе об этом узнаете. Какое, по-вашему, сегодня число?

Поль на мгновение задумался.

— Двадцатое декабря, разве нет?

— Нет, — отеческим тоном произнес Карлен. — Девятнадцатое. Ваши два дня бреда располагаются между вчерашним вечером и сегодняшним утром. Им просто нет места.

Для Поля это был новый удар.

— Боже мой, вы уверены в этом?

Карлен указал ему на газету, лежавшую на столе. Поль проверил. Когда он поднял голову, лицо его выражало растерянность.

— Вот это действительно доказывает то, что я все выдумал.

Карлен ответил не сразу.

— Не совсем, — нехотя признал он. — Поскольку каждая из версий исключает другую, то та, в которой вы существуете сейчас, должна быть правдоподобной до мельчайших подробностей, даже если она вымышленная. Это значит, что дата на газете, согласуясь с совокупностью остальных признаков, не обязательно должна оказаться истинной.

— Это ужасно, — помолчав, сказал Поль.

— Нет, это не ужасно. Потому что вам все скорее всего приснилось этой ночью.

— Ну уж нет, — живо возразил Поль. — Утром я приехал сюда на одной машине, а сейчас внизу стоит совсем другая.

Карлен вздохнул.

— Допустим, — сказал он. — Но это, возможно, сон наяву, продолживший сон обычный.

Поль вел автомобиль как лунатик. Казалось, «дофин» сам находил себе дорогу в потоке машин: его водителя, судя по всему, не занимали проблемы уличного движения.

Изабелла сидела на сиденье справа. Она молчала и время от времени украдкой поглядывала на Поля. Тот остановил машину у небольшого старого здания. Вышли они с Изабеллой одновременно. Поль замсер у кромки тротуара, разглядывая дом.

— Что-нибудь не в порядке? — встревоженно спросила Изабелла.

Поль вздрогнул.

— Нет-нет, — отозвался он. — Все в полном порядке.

Он вернулся к машине закрыть дверцу на ключ. Изабелла вошла в дом первой. Поль увидел консьержку в комнате за стеклянной дверью. Она приветливо улыбнулась ему, но Поль и не подумал ответить ей улыбкой. Он поднялся по лестнице вслед за Изабеллой. Они остановились на площадке третьего этажа. Изабелла открыла дверь в квартиру и вошла.

Поль вошел следом. Он оглядел коридор, невзрачную комнату, служившую одновременно гостиной и столовой, посмотрел на вешалку, прибиту к стене, и утвердительно кивнул.

— Да, все было именно так... — вполголоса проговорил он.

Изабелла, которая уже снимала с себя клетчатую куртку на подкладке, недоуменно обернулась к нему.

— Что было именно так? — спросила она обеспокоенно.

— Да ничего... То есть все... Изменений никаких.

Не ответив, она прошла на кухню. Поль тоже разделся и повесил пальто на вешалку. На кухне загремели стаканы и чашки.

— Что будешь пить? — слышался голос Изабеллы.

— «Джин-физз», — ответил Поль.

Изабелла появилась в дверях.

— Джин... а дальше как?

Поль прикусил губу.

— Чай с лимоном.

Изабелла улыбнулась.

— Я бы лучше выпила чай с молоком. Но что ты сказал вначале?

Поль неопределенно махнул рукой:

— Да так, это я в шутку.

Изабелла с сомнением поглядела на него и вновь скрылась на кухне.

— Все будет хорошо, — вслух сказала она себе и крикнула: — Поужинаем немного погодя.

Поль вошел в комнатку и с опаской приблизился к окну. Но нет, квартира была на прежнем месте и не превратилась в лифт.

Он крикнул Изабелле:

— А что у нас на ужин?

Ответ не заставил себя ждать.

— У меня есть большая банка рагу и баночка конфитюра. Да, а для начала можно открыть паштет...

— Пища богов! — крикнул Поль.

Он опустился в продавленное кресло. На полу в беспорядке валялись журналы. Поль протянул руку и взял первый попавшийся. С удовольствием полистал, рассматривая великолепные фотографии картин и скульптур.

Вошла Изабелла с подносом. На лице у нее была улыбка, показывавшая Полю немного принужденной.

— В такую погоду нет ничего лучше, — сказала она.

— Конечно, — поддакнул Поль.

Изабелла села на старенький диванчик, поближе к Полю. Они принялись пить чай.

— Не так уж плохо, — заявил Поль.

— Но могло быть и лучше? — засмеялась Изабелла.

Поль заставил себя улыбнуться.

— Ну... градусов маловато, — решил он отшутиться.

Изабелла огорчилась.

— Может быть, тебе хотелось грога? — спросила она.

— Да нет...

Изабелла задумалась, устремив взгляд куда-то вдаль.

— Вот увидишь, как много мы добьемся от С-24... — убежденно сказала она.

— Да? — настороженно отозвался Поль.

Изабелла бросила на него лукавый взгляд.

— Если ты не будешь глотать подряд все его производные, — уточнила она.

Поль понял, что должен засмеяться, и засмеялся.

— В этом веществе скрыты громадные возможности, — заверила его Изабелла.

— Само собой, — без особого воодушевления откликнулся Поль.

Изабелла поднялась, собираясь унести чашки.

— Учти, это потому, что ты еще не совсем поправился, — сказала она. — Но в следующий раз посуда за тобой...

— О, — встрепнулся он, — давай я тебе помогу.

Но она уже исчезла в коридоре:

— Не сегодня.

Поль услышал, как из крана полилась вода. Потом снова доносился голос Изабеллы:

— Ты заходил к Карлену?

— Да! — крикнул Поль. — Он не особенно удивлен. Он говорил о...

Поль умолк, внезапно растерявшись оттого, что не мог сообразить, о какой из разных, подлинных и мнимых, встреч с Карленом рассказывать... О той, где Карлен предостерег его от С-24?.. Или о той, перед которой Карлену звонила Изабелла — мать семейства?.. Или о той, где Карлен назвал ту же мать семейства бредовым видением?..

— О чем? — спросила Изабелла, появившись в дверях.

Поль наконец вспомнил единственный разговор, о котором он мог поведать:

— Он говорил о докторе Джекилле.

— А-а... — рассеянно протянула Изабелла.

Она вернулась на кухню.

Его словно подтолкнула какая-то неведомая сила.

— Ты знаешь, ведь бред у меня был дважды... — сказал Поль.

Он пришел к Изабелле на кухню.

— Как это дважды? — удивилась она.

— Ну, в первый раз мне казалось, что меня забросило на полмиллиона лет назад...

— Так... а во второй?

Поль наконец удалось совладать с силой, побуждавшей его рассказать о Венсане и Альбере.

— Что я все порушил...

— Так это один и тот же бред! — воскликнула Изабелла.

Словно соглашаясь, Поль кивнул:

— Ну да... ведь это действительно один и тот же!

Он схватил консервные банки и поставил их на стол.

— Ни к чему не притрагивайся! — приказала Изабелла. — Еще поранишься.

— Меня больше ранят эти твои слова!

Они обнялись. Но пока Поль прижимал к себе Изабеллу, взгляд его блуждал по погрузившемуся в темноту дворику за окном.

Несмотря на тонкий покров снега на улицах, утренний поток автомобилей ничуть не поредел. По причинам, о которых Поль смутно догадывался, Изабелла настояла на том, чтобы самой сесть за руль.

— Не понимаю, почему Карлен говорит то о бреде, то о расстройстве памяти... — как бы про себя проговорил Поль.

Изабелла искоса глянула на него.

— Мне он говорил только о бреде.

Поль с живостью повернулся к ней:

— Когда?

Изабелла смотрела прямо перед собой, внимательно следя за дорогой:

— В больнице...

Повинуясь рефлексу, Поль вдавил обе ноги в пол, тормозя перед вылетевшей на перекресток «ведеттой», как если бы сам сидел за рулем.

Изабелла возобновила разговор:

— Так он говорил тебе о расстройстве памяти?

Поль вдруг вспомнил, что это предположение было высказано Карленом, которого он выдумал. Карленом, который был частью бреда. Было нечто интересное в том, что Карлен-наваждение выдвигал столь же обоснованные теории, что и его материальный аналог.

— Да я уж и не помню, — уклончиво ответил Поль. — Может, это и есть расстройство памяти...

Изабелла едва увернулась от «фрегата», катившего по самой середине проспекта.

— Вот этого я запомню! — возмущенно сказала она. — И это воспоминание будет настоящим...

Поль стоял перед центрифугой. Дав ей какое-то время поработать, он остановил ее и огляделся вокруг, ища штатив с пробирками.

Не найдя его, он направился к двери и вошел в соседнюю комнату. В несколько метрах от него Изабелла и Дармон вели весьма оживленную беседу. При виде Поля оба внезапно умолкли.

Поль принужденно улыбнулся, взял штатив и вернулся в первую комнату. Достав пипетку, он начал отбирать жидкость, разделенную центрифугированием на фракции. Его била дрожь. Спустя некоторое время Поль оставил работу и вышел в коридор.

Поль и Карлен медленно вышагивали по двору Сальпетриер. Было холодно. У каждого на плечи был накинут синий больничный халат.

— Говорю вам, они замолчали сразу же, как только я вошел. Вид у них был совершенно растерянный, словно их застигли врасплох. Они никак не ожидали моего появления.

Карлен остановился и повернулся к Полю:

— Вполне возможно, что они говорили о вас, Поль. Ну и что из того? Вам должно быть понятно, что вы ставите перед окружающими вас людьми не меньше проблем, чем перед самим собой. Так разве ваша жена не вправе посоветоваться с вашим другом о том, чем вам можно помочь? А подобные разговоры

не ведутся открыто. Заинтересованное лицо не приглашают принять в них участие, чтобы не ранить его самолюбие...

— А что, если ранить не хотели просто мою любовь? Что, если у Дармона с Изабеллой связь? И они решили меня устранить, медленно отравляя каким-нибудь токсичным производным С-24? Это полностью объяснило бы мои приступы бреда. А им оставалось бы только дожидаться, чтобы меня упекали в психушку...

Карлен ответил не сразу. Нахмурившись, он снова зашагал по двору. Поль пошел за ним следом.

— Я ждал этого, — сказал Карлен. — Но у вас это прогрессирует быстрее, чем я мог предположить.

— То есть?

— Классический механизм, который вам, впрочем, хорошо известен: попытка объяснить свои трудности вмешательством чужой злой воли. Отправная точка большинства случаев паранойи.

Теперь остановился уже Поль.

— Так вы считаете меня параноиком? — с горечью спросил он.

— Никем я вас не считаю. Я напоминаю вам некоторые простые психогенные механизмы и советую над ними поразмыслить.

— Так значит, все существует только в моем воспаленном мозгу? Дармон и Изабелла невинны, как новорожденные младенцы? Короче говоря, вы на их стороне?

Карлен устало покачал головой.

— Вам бы следовало съездить куда-нибудь отдохнуть, старина. Зарождающаяся у вас мания преследования гораздо опасней, чем бредовые видения. Вы не обидитесь на меня, если я продолжу осмотр больных?

Поль остался стоять как вкопанный посреди двора. Он смотрел вслед Карлену, удалявшемуся широким шагом.

Потом и он тронулся с места, медленно и неуверенно. Лицо его выражало тревогу.

Был уже поздний вечер. Лаборатория опустела. Поль и Изабелла остались одни в большом зале, под ярким белым светом. Где-то в здании раздались гулкие шаги и постепенно затихли.

— Выходит, я сумасшедший? — спросил Поль.

— Я этого не говорила...

— Но ты так думаешь.

— Я считаю, что ты просто еще не оправился от С-24. Должно быть, он обладает очень долгим действием.

— А Дармон? Он что думает?

— То же самое. Мы обсудили этот вопрос.

— Вам необходимо было находиться при этом обсуждении так близко друг к другу?

Изабелла сделала вид, что не слышит.

— Прежде чем продолжить поиски производных, не лишней предосторожностью было бы подобрать противоядие.

— Противоядие от любви, от потребности обладать другим человеком, противоядие от ревности?

Изабелла посмотрела Полю в глаза.

— Тебе не удастся вывести меня из себя, — сказала она. — Ты не сумасшедший, но ты и не совсем отвечаешь за свои слова. С моей стороны было бы глупо на тебя сердиться.

Поль издал принужденный смешок:

— Какая широта души! Какое сострадательное понимание человеческих убеждений! Какое гуманное стремление уберечь больного! Но не пытайся установить со мной отношения такого рода: здесь все врачи. Ты, я, Дармон, Жинесте...

— Ты от этого не меньше подвержен болезни. И потом, — напомнила ему Изабелла с некоторым раздражением, — никто не заставлял тебя глотать этот препарат, проверенный только на животном. Что на тебя нашло?

— И заговаривать мне зубы тоже не трудись! Ведь не потому же, что я принял С-24, ты спишь с Дармоном?

Изабелла схватила пальто и быстро оделась.

— Своей новой навязчивой идеей ты обязан препарату. Но я напрасно твердила бы тебе об этом десятки раз. Поэтому я уйду. Постарайся сделать над собой усилие и стать объективным.

Изабелла направилась к двери. Открыв ее, она обернулась.

— До скорого... — сказала она с печальной улыбкой.

Поль смотрел ей вслед. На его скулах играли желваки. Взяв со стола пробирку, он сдвинул ее с такой силой, что у него побелели суставы. Но пробирка выдержала.

Поль поставил ее в штатив и подошел к окну. За окном была крошечная тьма.

Звук открывающейся двери заставил его обернуться. В лабораторию вошла Мариетта.

— О, — сказала она, — вы еще здесь? А я думала, что все ушли.

Поль бросил на нее задумчивый взгляд.

— Что вы делаете вечером? — неожиданно спросил он.

Мариетта смотрела на него, не скрывая изумления. Потом улыбнулась:

— А почему вас это интересует?

— Вы не догадываетесь? — ответил Поль вопросом на вопрос.

Какое-то время Мариетта хранила молчание. Ее лицо посерьезнело.

— А Изабелла? — только и спросила она.

— У нас с ней... как бы это сказать... вышла размолвка.

Улыбка вернулась на лицо Мариетты, но уже с примесью грусти.

— А-а, вон оно что... Вы хотите, чтобы я послужила вам орудием мести. Или утешением.

Поль покачал головой.

— Ни то, ни другое. Просто до сих пор образ Изабеллы скрывал от меня ваш. Сегодня Изабелла стала прозрачной. И теперь я вижу вас такой, какая вы есть.

Поль и Мариетта углубились в лабиринт узких улочек между набережной Турнель и бульваром Сен-Жермен. Они шли не торопясь, и в их разговоре то и дело возникали длинные паузы.

— Чем вы собираетесь заняться, когда получите степень? — спросил Поль.

— Угадайте!

— Неужели музыкой?

— Вот именно!

Оба рассмеялись.

— Я играла на пианино до пятнадцати лет, — сказала Мариетта. — Потом мне пришлось оставить музыку... Да нет, я тоже буду продолжать поиски...

Поль остановился.

— Поиски любви?

Мариетта неодобрительно взглянула на него.

— Не очень-то любезно с вашей стороны...

— Почему же?

— Потому что любви не ищут. Ее находят или не находят, вот и все.

— А вы нашли?

Мариетта промолчала.

— Так как же? — не унимался Поль.

— Кто знает? — ответила Мариетта уклончиво.

— Ну а все-таки?

Она вспыхнула.

— Поговорим о чем-нибудь другом, ладно?

Они возобновили прогулку.

— Вы знаете, что вы так же прекрасны, как молекула ДНК? — пошутил Поль.

Мариетта не удержалась от смеха. Она придвинулась к Полю поближе. Он обнял ее за плечи.

— Если бы у вас с Изабеллой все шло хорошо, — заметила Мариетта, — мы не оказались бы здесь и не болтали бы всякие глупости...

От Поля не ускользнул оттенок грусти в ее голосе.

— А если это знак судьбы, что у нас с ней все пошло кривь и вкось?

Мариетта прижалась к нему.

— Я в это не верю. Обычно говорят: «Это была судьба!», когда все уже произошло. Иными словами, придумывают оправдание задним числом.

— Согласен, — отозвался Поль, крепче обнимая ее. — На судьбу сваливают, когда боятся взять ответственность на себя: сдают позиции некой воображаемой высшей силе...

Некоторое время они шли молча, тесно прижавшись друг к другу.

— Но это ничего не меняет в том, что мы сейчас вместе... — проговорил Поль.

— Не знаю. Если бы судьба существовала, наша встреча имела бы смысл...

— А разве она не имеет смысла?

— Имеет, но не тот. И я не думаю, чтобы она имела один и тот же смысл для вас и для меня.

— Что, если нам зайти куда-нибудь поужинать? — предложил Поль.

Когда они покончили с ужином, Поль серьезно посмотрел на Мариетту:

— Интересно, вы тоже, как все?

Видя вопросительное выражение ее лица, он уточнил:

— Я имею в виду, вы тоже считаете меня сумасшедшим?

Она отрицательно покачала головой, не найдя удовлетворительного ответа.

— Но вас никто и не считает сумасшедшим, — в конце концов заявила она. — К тому же кому, как не вам, знать, что это слово ровным счетом ничего не означает.

— Не надо увличать, — попросил он. — Ну хорошо, будем говорить о психическом заболевании.

— Вот именно, больным вас никто не считает. Если говорить откровенно, вы слегка одурманены.

Поль посмотрел на нее исподлобья.

— Вы еще не все знаете... Я не только погрузился в родовую память и разбил при этом перегородку... У меня был настоящий затяжной бред... а может, во мне родились мнимые воспоминания... не знаю.

Мариетта улыбнулась.

— Подумать только, и это говорит психиатр и фармаколог! Может показаться, что вы не верите в воздействие препарата на психику!

Поль промолчал. Мимо проходил метрдотель, и он потребовал счет.

— Да, я верю, Мариетта, — сказал он. — Верю настолько, что постоянно думаю о том, о чем напомнил мне Карлен: лизергиновая кислота за один прием может вызвать шизофрению. А как обстоит дело с С-24? И что будет отныне с моим раскусом?

— Ну что вы, — возразила Мариетта, — ваш рассудок в полном порядке, раз вы пригласили меня поужинать!

Поль улыбнулся и положил руку ей на запястье.

Квартирка Мариетты была обставлена с большим вкусом. Пока она наливала в бокалы арманьяк, Поль стоял у окна, глядя в ночное небо.

— Что вы скажете о Дармоне? — не оборачиваясь, небрежным тоном спросил он.

Мариетта отставила бутылку.

— О Дармоне? Одно только хорошее... Человек он симпатичный... с большими способностями!

Поль обернулся:

— Со способностями, это верно. Но как, по-вашему, — они ограничиваются только работой?

Мариетта нахмурилась:

— Поль, постарайтесь выразиться яснее.

— Я хочу сказать, это малый обаятельный, предприимчивый?..

Она улыбнулась:

— Был и предприимчивым... по отношению ко мне.

— Ага! А по отношению к Изабелле?

Улыбка сползла с лица Мариетты.

— Так вот в чем дело! — холодно сказала она. — А я-то ломала голову, чего это вам вздумалось провести со мной вечер. Выходит, я не нужна вам ни как орудие мести, ни как утешение. Вы просто решили получить от меня сведения о поведении своей жены. Но не мне вам их поставлять.

— Послушайте, Мариетта... — смутившись, начал Поль.

Но Мариетта уже выливали содержимое одного из бокалов назад в бутылку.

— Мне что-то расхотелось, — заявила она. — Впрочем, вы можете выпить свой перед тем, как уйти.

Поль схватил свой плащ.

— Очень жаль, что вы восприняли это таким образом. Мое приглашение вовсе не было продиктовано надеждой выудить у вас информацию.

Поль направился к двери, открыл ее. На пороге он обернулся и с горечью сказал:

— Вы слишком подозрительны.

Дверь за ним захлопнулась.

Поль принялся бесцельно бродить по улицам. Он думал о другой Изабелле, той, что была порождением его бреда... или сна? Ведь это именно из-за нее Поль ощутил первые уколы ревности. Он отмахнулся от них, хотя неожиданное поведение жены вполне могло послужить основанием для них. И вот такая же ревность обращается на настоящую Изабеллу, в поступках которой, по совести говоря, не замечалось ничего подозрительного.

Он зашел в кафе и позвонил по телефону.

— Жинесте? Я тебе не очень помешал?.. Ты великодушен... Могу я встретиться с тобой?.. Я знаю, что завтра ты будешь в лаборатории, но мне хотелось бы увидеть тебя сегодня... Нет-нет, только не у тебя. Я не хочу навязывать себя твоим домашним... «Ронсар» тебе подойдет? О'кэй. Через четверть часа. Ты настоящий друг.

Жинесте слушал Поля, не говоря ни слова. Он только наблюдал за ним через толстые линзы очков в стальной оправе, подобранной под цвет его волос. Поль рассказывал, избегая поднимать глаза. Он упорно рассматривал пену в своем бокале.

— Выбрось все это из головы, — посоветовал Жинесте. — Иначе персонажи твоего бреда перейдут в твоем сознании в реальность. Это неплохой способ не разрывать связи между сном и явью, и все же ты должен так сделать. Можно подумать, в глубине души этот бред тебя устраивает...

— Примерно то же самое говорил мне Карлен, но он ошибается.

— А я считаю, что он прав. Вот тебе уже два человека, чье мнение противоречит твоему. Во всяком случае, в отношении Дармона могу тебя заверить, что его досуг уже занят Маристтой.

— Сама она об этом ничего не говорила.

— Ей нечего было тебе сказать. Нечего.

— Тогда почему же она пригласила меня к себе?

— А почему ты предложил ей провести вечер вместе?

Поль промолчал.

— Есть еще одна сторона этого вопроса, — продолжал Жинесте. — На моей памяти ты никогда не проявлял себя ревнивцем. И вот теперь... после этого... происшествия. Тебе бы стоило над этим задуматься.

— Я и так все время думаю.

— Да, но мысли у тебя нездоровые. Нужно все это забыть.

— Ты — и вдруг стоишь за амнезию?

— Ты прекрасно знаешь, что амнезия бывает целительной.

Поль усмехнулся:

— Повязка на душу? Благодарю покорно. У меня нет души.

Жинесте допил свое пиво.

— Ты говоришь это сейчас. Но берегись: от таких вот праздных шатаний в голову и лезут мысли о душе. И отделаться от них нелегко.

Было около одиннадцати часов. Поль возобновил свое бесцельное блуждание по городу. Он размышлял над тем, как воспримет его отсутствие Изабелла.

Утомившись, Поль сел на скамейку. На него наваливалась дремота. Он не стал прогонять ее и уснул, свесив голову на грудь.

Проснувшись, Поль обнаружил, что лежит в кровати. В комнате было темно, лишь из приоткрытой двери проникал свет. Во рту был мерзкий привкус. До ушей долетали обрывки разговора. Поль неуклюже поднялся, пошарил рукой по стене, включил свет и увидел себя в большом настенном зеркале. Он был в темном костюме, слегка помятом от лежания, и белой рубашке с бабочкой.

Поль приблизил к зеркалу искаженное лицо. Чтобы не упасть, ему пришлось упереться в стену рукой. Он был пьян. Пошатываясь, повернулся, чтобы оглядеть комнату, и нахмурился. Эта роскошная обстановка что-то ему напоминала.

Стараясь ступать прямо, Поль вышел из комнаты. Он оказался в уже знакомой ему прихожей. Пока приглаживал взлохмаченные волосы, откуда-то появился большой черный пес и встал на задние лапы, положив передние ему на грудь. Поль едва не упал.

— Куше, Альбер, — глухо скомандовал он.

Альбер отступил, глядя на него с недоумением. Поль же взирал на него с ужасом.

— Так и есть, я снова влип... — пробормотал он.

Однако выпитый алкоголь придал ему смелости. А кстати, какой алкоголь? За весь вечер он выпил полбутылки вина с Мари-

еттой и бокал пива с Жинесте. За какой вечер? Когда? А скамья, на которой он заснул, — где она? А все остальное?

Поль пересек прихожую, сопровождаемый Альбером, который пугался у него под ногами. Его появление в гостиной не прошло незамеченным: входя, он с грохотом натолкнулся на дверной косяк.

— Да вот же он! — воскликнул Дармон, полулежа в кресле со стаканом в руке.

Поль блуждающим взором обвел присутствующих: Изабелла в узком красном платье с вызывающим разрезом; Жинесте и его жена Каролина, одетые поскромнее; Мариетта в необычном одеянии китаянки; наконец, Дармон в темном, как и у него самого, костюме.

Журнальный столик был уставлен бутылками и стаканами. Остатки яств на большом овальном столе чуть поодаль свидетельствовали об обильном ужине. Мысли Поля сосредоточились на Дармоне, как кристаллы инея на ветке дерева.

— Дармон!.. — выговорил он, тяжело ворочая языком. — Сейчас я скажу тебе, кто ты есть!

Он заппулся. Ему вдруг представилась вся нелепость ситуации. Между ней и теми подозрениями, которые он, справедливо или нет, питал по отношению к Дармону, пролегли световые годы.

Дармон поднялся. Его тоже изрядно шатало.

— Послушайте все, — провозгласил он, — лестное мнение обо мне моего друга Поля!

Поль изловчился налить себе в стакан томатного соку. Он было поднес его к губам, но потом поставил на стол и плеснул водки.

— Неплохо! — одобрил Жинесте. — «Кровавая Мэри» быстро приводит в чувство!

Поль выпил свой коктейль. Дармон, устав ждать, плюхнулся назад в кресло. Мариетта смотрела на Поля с улыбкой. Тот отставил стакан.

— То, что я имею против Жака, — заявил он, — я имею против вас всех. Я сыт по горло вашими идиотскими шутками!

В наступившей тишине Поль пожал плечами.

— Да, — подтвердил он. — Напичкать меня черт знает чем, привезти в снятую специально квартиру... Разыграть целый спектакль...

Тишина заметно сгустилась. Поль обратился к Изабелле:

— Тебе снова одолжили этого мальчишку... как бишь его, Венсана? Или на этот раз ты решила ограничиться собакой?

Изабелла, бросив на остальных отчаянный взгляд, поднялась и пошла к Полю.

— Тебе нужно полежать еще, — сказала она. — Ты нализался вдрызг. — Издав принужденный смешок, она добавила: — Не волнуйся, мы все тоже!

Поль оттолкнул ее. Сориентировавшись, он направился к двери в детскую и шумно ее распахнул. Венсан спал в своей кровати. Ковер вокруг нее был усеян игрушками. Поль затворил дверь.

— Вы не упустили ни одной детали, — заявил он.

Раздался звонок. Поль вышел в прихожую:

— Ага! Еще шутники!

Он отпер дверь. Вошел улыбающийся Карлен.

— Бр-р-р! Ну и погодка!

Поль машинально помог ему снять пальто. Карлен подошел к остальным гостям, налил себе фужер шампанского.

— Что это с вами со всеми? — удивился он. — Уж не будете ли вы дуться на меня за то, что я опоздал к ужину?

Раздались протестующие возгласы. К нему подошел Поль.

— Бенуа, вы виноваты больше всех. Уже второй раз за неделю вы устраиваете мне приступы амнезии. Но больше этот номер не пройдет.

Карлен бросил на него быстрый взгляд.

— Если вы имеете в виду ваш первый приступ, — сказал он, — то я напомню вам, что с того времени минул уже год.

Поль пожал плечами. Он повернулся к Мариетте.

— И с вами мы ужинали тоже год тому назад? — саркастическим тоном спросил он.

Мариетта несказанно удивилась:

— Вы подразумеваете сегодняшний вечер?

— Нет, вчерашний. Посмотрим, не подвержены ли и вы амнезии.

Мариетта обменялась взглядами с приглашенными.

— Но вы же отлично знаете, что вчера я была во Франкфурте! Вы сами меня туда отправили улаживать дела с производством нашего препарата.

Поль прикусил губу.

— И вы все, разумеется, это подтверждаете?

Снова воцарилось молчание. Карлен направился в прихожую и снял с вешалки пальто.

— Загляните ко мне завтра, Поль.

Он махнул на прощание рукой и ушел.

Поднялись Жинесте и Каролина. Их примеру последовали Дармон с Мариеттой. Все четверо со смущенным видом откланялись. Поль остался наедине с Изабеллой.

— Так значит, — с усилием выговорила она, — ты не знаешь, что сегодня Венсану исполнилось шесть лет?

Она бросилась к нему в объятия. Совершенно сбитый с толку, Поль принялся ее утешать.

Изабелла наконец овладела собой.

— И еще ты забыл, — сказала она деланно жизнерадостным тоном, — что у нас теперь есть телевизор?

— Телевизор? — тупо повторил Поль.

Изабелла отворила дверцы какого-то шкафчика, за которыми обнаружился небольшой экран.

— Кстати, — сказала она, — сейчас время последнего выпуска новостей.

Она включила телевизор.

— Программа всего одна, не то что по радио. Но радио не дает изображения!

— Да, — покорно согласился Поль, — радио не дает изображения...

Говорить ему было трудно. Экран осветился. Поль узнал, что

двадцатисемилетняя Франсуаза Саган¹ разводится, что во время мятежа в одной из тюрем Буэнос-Айреса убито сорок человек, что «Джоконду» в пластиковом футляре во избежание всяких неожиданностей выгрузили с лайнера «Франция» и стеречь ее будет личная охрана президента Кеннеди, что в аэропорту Орли осуществлена управляемая с земли посадка «Каравеллы», что Хрущев встретился с Тито на Украине, что в Алжире цены выросли вдвое, что на рассмотрение представлен проект Суда Государственной безопасности и что теперь французам, выезжающим за границу, разрешено менять на валюту 5000 новых франков вместо 3500.

Диктор пожелал им спокойной ночи, и на экране пошел снег. — Очень интересно, — пробормотал Поль.

Они отдыхали от бурных ласк. Вокруг были темнота и тишина. Изабелла тихо проговорила:

— В твоей жизни кто-то есть.

Поль сказал чистую правду:

— Ты. У меня нет никого, кроме тебя.

— Нет, — возразила Изабелла. — Я уверена в этом. Не спрашивай почему. Я сама не знаю.

Она тоже говорила правду. Но как объяснить ей, что ее соперница — она сама!

— Насчет Мариетты я соврал, — произнес Поль.

Изабелла повернулась к нему:

— Само собой, потому что вчера вечером мы были с тобой вдвоем. Но к чему эти... эти выходы?

— Знаешь, я был в стельку пьян... Я городил что попало.

— Человек никогда не городит что попало. Как раз когда он считает, что говорит что попало, он чаще всего и проговаривается.

— И о чем же я проговорился?

— Ты пытался отвлечь внимание, покрыть кого-то, говоря о Мариетте. Но как все это выглядело неуклюже!

Поль не ответил.

— Я спрашиваю себя, — выговорила Изабелла после долгого молчания, — уж не симулируешь ли ты эти приступы амнезии...

Поль попытался прижать ее к себе. Она отстранилась.

— Изабелла! — воскликнул Поль в отчаянии.

В ответ он услышал сдерживаемое всхлипывание.

Ночью выпал снег. Венсан в пижаме разгребал ладошками белый покров на оконном карнизе. Он издавал повизгивания, в которых слышались и радость от возни со снегом, и жалоба на мерзнувшие руки. Вокруг него носился Альбер, с лаем отпрыгивая назад всякий раз, когда Венсан пригоршнями кидал в него это странное белое вещество.

— Венсан! — прикрикнула на него Изабелла, войдя в комна-

---

¹ Известная французская писательница Ф. Саган родилась в 1935 году.

ту и закрывая окно. — Посмотри, что ты наделал с ковром! Венсан надулся.

Поль надевал пальто, когда Изабелла подошла к нему:

— Забудь о том, что я говорила тебе ночью. Я чувствовала себя такой несчастной...

Поль обнял ее.

— Мы слишком много выпили, — сказал он.

Поколебавшись, Изабелла спросила:

— Ты зайдешь к Карлену?

— Нет, — ответил Поль. — Теперь это ни к чему. Все хорошо.

Поцеловав жену, Поль вышел. Едва он оказался за порогом, как выражение его лица изменилось. В действительности все шло хуже некуда...

Поль прошел мимо белого «дофина», даже не заметив его. Он высматривал синий «студебеккер».

Но «студебеккера» на улице не было. В конце концов Поль обратил внимание на «дофин». Дважды медленно прошел рядом с ним, не веря своим глазам. Он все ждал, что тыква превратится в карету, но это произошло, видимо, раньше, чем он оказался возле нее, и обратная метаморфоза привела все в норму. Хотя какая тут теперь норма...

Перед тем, как открыть дверцу, он пнул ее ногой.

Минос демонстрировал непонятное поведение, до сих пор не наблюдавшееся у обычных крыс. Он стоял у входа в лабиринт, не проявляя интереса к кусочку сыра, ждавшему его у выхода. По шерстке Миноса пробегали быстрые волны, и лапки его время от времени подгибались. В конце концов он повалился на бок и принялся кататься по подставке, на которой стоял лабиринт.

— И ничего-то из него не выудишь, — изрек Дармон. — Все происходит у него в голове, а он у нас не красноречив.

— Надо будет перейти к опытам на человеке, — заключил Поль.

— Это опасно, — заметила Мариетта. — Мы же не знаем, что он ощущает.

— Во всяком случае, это безболезненно, — заявил Жинесте.

По всей видимости, действие препарата прекращалось. Вот уже Минос встал на лапы и преспокойно направился в лабиринт.

Поль подумал о свойствах С-24. А что, если новое вещество способно устранять последствия его приема?

— Пожалуй, я попробую, — сказал он, посмотрев на часы.

Под встревоженными взглядами товарищей Поль проглотил щепотку белого порошка и сел в кресло. Началось ожидание.

Поль наклоняется, чтобы поймать свой голубой целлулоидный козырек, упавший в воду. Лагуна хороша своим спокойствием. Это словно соленое озеро, где можно барахтаться безбоязнен-

но — глубина не больше чем по пояс. И еще очень легко учиться плавать. Говорят, в ней опасно во время прилива из-за течений. Правда, похоже, что и во время отлива небезопасно — по той же самой причине. Впрочем, во время прилива лагуны просто нет, так что приходиться сюда надо во время отлива и когда море спокойно.

Поль прилаживает козырек, натягивая на голову белую резинку. И смотрит на Жаклин.

Ей всего четырнадцать лет, а ему уже пятнадцать. Но он тощ, как бродячий пес, и вид у него все еще мальчишеский. Жаклин выглядит старше его на добрых три года. У нее коротко подстриженные каштановые волосы и голубые глаза, при виде которых у Поля перехватывает дух. Поль думает о ней все дни напролет. Жаклин приезжает к деду с бабушкой только на выходные. Она живет в Либуrne¹. Поль проводит каникулы в Сулаке².

Дед и бабушка Жаклин живут в домике в ста метрах от пляжа и летом принимают у себя нескольких отдыхающих. С точки зрения Поля, они уже совсем старые. Но им самое большее по пятьдесят пять лет. Дед Жаклин — рыболов. Он приносит крабов, которых называет «сонями». Бабушка же не видела моря лет десять. Зачем перебарывать через дюны?

Поль смотрит на Жаклин. Чувство, которое он к ней испытывает, сродни волнам, когда на них закручиваются барашки. Это чувство ему уже знакомо. Он питал его к соседке по лестничной площадке три года тому назад. Ту тоже звали Жаклин. Ей было двенадцать лет. Но ей нравился малолетний вожак шайки, орудовавшей на пустыре у бедняцких кварталов. Удалось перехватить письма, которые она ему писала и которые начинались так: «Мими, любовь моя». Мими тоже было двенадцать лет. Но он метко кидал камни. В том числе и в Поля, с восьми лет носившего очки. Мими разбивал их трижды. Но Полю везло: ни разу осколок не попал в глаза.

Это чувство делает его рабом второй Жаклин. Ее он забавляет. Она соглашается гулять с ним в вечерней прохладе сосен. Поль слышит шорох иголок под ногами. Словно идешь по скрипучему снегу. Он никогда не забудет, как пахнут сосны.

И сразу же наступает завтра. Поль уезжает. Каникулы кончились. Во дворе, у деревянной калитки, он целует Жаклин в обе щеки. Все произошло так молниеносно, что Поль не успел подготовиться к прощанию. Ему дали конфету. Кто, когда — он не помнит. Но эта конфета растягивает ему щеку, мешает. Поцелуй с Жаклин выходит неловким, смешным, детским. Неудавшийся поцелуй. Последний.

Поль вернулся в Коломб, в свою конуру. Он слушает новенький радиоприемник. По «Радио-Сите» передают матч. Поль переключается на «Радио-Пари». Бетховена он не узнает, но находит музыку прекрасной. Такой же, как Жаклин.

Он тихонько плачет и меняет волну. По «Пост-Паризьен» —

---

¹ Либуrne — город в департаменте Жиронда.

² Сулак-сюр-Мер — курортный поселок на берегу Бискайского залива в том же департаменте.

речь Леона Блюма. Поль возвращается на «Радио-Пари» и погружается в безбрежную печаль.

Поль очнулся окруженный друзьями. Лицо у него было залито слезами. Смутившись не меньше Дармона и Жинесте, он вытер глаза, ополоснул лицо под краном. Его оставили в покое, давая возможность прийти в себя. Когда Поль вернулся к ним, во взгляде у него было странное выражение.

— Это как после С-24... — начал он.

Дармон перебил его:

— Ты даже не шевелился. После С-24, уж поверь мне, было совсем не так...

— Я приготовила ларгактил, — сказала Изабелла. — На случай, если...

Поль решил все-таки продолжить свой рассказ. Голос его дрожал.

— Я понял, почему Минос так себя вел... Он пережил эпизод из своего прошлого. Он был в трансе... Так что это было?

— «Мемо-2», — мгновенно напрягшись, ответила Изабелла. — Ну... наш «мемо-2», твой и мой.

— Именно так, — подтвердил Жинесте. — Это вы его получили.

— «Мемо-2»... — протянул Поль.

— «Мемо-1» назывался наш «меморил». Это лучше, чем С-23, С-25 и так далее. Это звучит уже коммерчески! — закончил за него Дармон.

— Точно, — согласился Поль с ничего не выражающей улыбкой на губах.

Прийти в себя. Как можно быстрее прийти в себя.

— Ну что, — сказал он, — это вещество не имеет ничего общего с «меморилом». Оно не облегчает воспоминания. Скорее переносит субъекта в прошлое. В его прошлое. Человек не вспоминает. Он находится там. Наедине со своей реальностью.

— Но С-24... — начала было Мариетта.

— С-24 — это тупик, — с горячностью перебил ее Поль. — Можно оказаться в теле далекого предка. Тут другое дело. Речь идет о прошлом данного субъекта.

Он посмотрел на часы.

— Во сколько я принял «мемо-2»?

— Я отметила, — сказала Мариетта. — В десять двенадцать.

— Сейчас десять двадцать, а я... скажем, пробудился самое меньшее четыре минуты тому назад. Таким образом, в течение четырех минут мне снова было пятнадцать лет. Это процесс галлюцинаторного типа, но обусловленный исключительно активацией памяти. Никакого сна, никакого бреда, никаких фантазматических. Одно только реальное прошлое, переживаемое повторно. Со всем его чувственным миром. Звуки, цвета, запахи, ощущение текущего психологического времени, планы, воспоминания, вкус пищи... Настоящее, но настоящее, почерпнутое в прошлом.

Поль чувствовал себя собранным, сосредоточенным, мысль работала четко и ясно. Разве может он быть безумным?

Тем не менее, когда Поль пришел к концу дня на стоянку, он нашел там «студебеккер», который уже начинал признавать своим.

Им овладела удивительная покорность. Сев за руль, он уехал из больницы, готовый ко всему. Теоретически ему предстояло оказаться в кругу семьи. Но с таким же успехом эта семья могла вновь кануть в небытие, когда он переступит порог.

Однако семья была на месте. Как и завтра, как и в последующие дни. На работе обсуждался уже не «мемо-2», а товарооборот фирмы Дюселье, продававшей «меморил». Исследования были обычными: усовершенствование препарата...

Как и в тот, первый раз, Поль привыкал к своей новой жизни. Самые невероятные ситуации становятся обычными, когда повторяются изо дня в день. Конечно, Поль продолжал время от времени задаваться вопросом, не сошел ли он с ума. Но всякий раз ему приходилось признавать, что это его второе существование с истощающей полнотой объясняется гипотезой об амнезии, тогда как первое, напротив, требует наличия чистого смысла.

Плохо было то, что второе существование началось после приема С-24, а С-24 составлял часть первого... Какой-то из Карленов обратил его внимание на это обстоятельство. Но с какой стати доводы одного из Карленов должны быть весомее доводов другого? Достаточно было одному из них не существовать, чтобы другой оказался прав... Если принять, например, гипотезу двухступенчатого бреда, то в нем С-24, придуманный на первой ступени, приводил ко второй, которая, оправдывая второе существование Поля, одновременно создавала и первое... Но разве в этом случае оба бреда не были нераздельны и не сводились к проблеме курицы и яйца?

Плохо было еще и то, что события развивались не в вакууме.

Лежа за кроваткой Венсана, Альбер тихо поскуливал.

Мальчик заболел: температура подскочила до 39°. Поль, продолжавший пребывать в неуверенности относительно реальности самого существования своего сына, тем не менее испытывал тревогу при мысли о грозящей тому опасности. Он знал, что у ребенка острый аппендицит. И от того, что Венсана, может быть, в действительности не существовало, опасность не становилась менее осязаемой.

Поль только что позвонил в хирургическое отделение больницы Шарите и вызвал для Венсана «Скорую». Машина должна была приехать через двадцать минут.

— Это не слишком поздно? — спросила Изабелла.

Поль привлек ее к себе.

— Не будем преувеличивать, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал бодро. — Время не упущено...

— А вдруг у него перитонит?

Поль взял руку Изабеллы и положил ее на животик Венсана.

— Разве ты чувствуешь, что он напряжен? — спросил он.

— Нет, — признала она. — Но... Это происходит быстро!

Поль заставил себя улыбнуться:

— Ну, не так уж молниеносно.

Изабелла улыбнулась ему в ответ, но улыбка вышла неуверенной. Она вытерла постанывавшему Венсану лобик.

— Я думала, ты его больше не любишь, — тихо проговорила она.

Поль едва не сказал: «Я тоже», — но вовремя удержался.

— Не говори глупостей, — ответил он вместо этого. И посмотрел на часы: — Еще пятнадцать минут.

Изабелла встала:

— Пойду соберу его вещи...

Поль удивился:

— Что ты будешь собирать? Ему там ничего не нужно!

— Нужно, нужно, — возразила Изабелла, исчезая.

Поль остался подле Венсана один. Из другой комнаты доносился голос Изабеллы, продолжавшей с ним разговаривать:

— Ему нужна пижама...

— У них есть все, что полагается! — прокричал в ответ Поль.

Венсан застонал. Поль погладил его по головке. Он уже не понимал себя самого.

Изабелла вернулась. Она была в джинсах. Волосы были коротко острижены. Не стало ни кровати, ни ребенка, ни собаки.

В руке Изабелла держала пистолет. Она подняла его и выстрелила. Поля словно хлестнуло по бедру бичом. Он отступил к стене. Изабелла тем временем уже приставила пистолет себе к виску и нажала на спуск. Она упала ничком. Поль отчетливо видел дыру в височной области. Он попытался подойти к ней, но навалился на стол, возникший на месте кровати Венсана. Вокруг не оставалось ничего от детской. Все приняло вид, обычный для их прежней квартиры.

Одно только нельзя было назвать обычным: труп Изабеллы. Из ее простреленной головы на паркет струилась кровь.

Хорошо еще, что нет ковра, вдруг совсем не к месту подумалось Полю.

Как во сне, он подошел к Изабелле и убедился, что она мертва. Снял трубку телефона, вызвал полицию и рухнул в кресло. Рукой он зажимал рану в бедре. Боль была терпимой, но крови вытекло много.

Два инспектора приступили к осмотру места происшествия, тогда как двое полицейских в форме повезли Поля в больницу. Полю пришлось извлекать под общим наркозом. Однако операция была несложной.

Спустя несколько часов после того, как Поль пришел в себя, его навещил Карлен.

— Я очень огорчен, — сказал он, садясь у изголовья. — Никогда бы не подумал, что она способна на такое.

К Полю вмиг вернулась вся душевная боль.

— Если б только она не промазала! — с усилием выговорил он.

Карлен поерзал на стуле и после некоторого молчания заявил:

— Я навел справки. Похоже, уже первые результаты баллистической экспертизы сняли с вас всякие подозрения.

Смысл его слов дошел до Поля не сразу.

— Ну да, — сказал он наконец. — Я мог бы убить ее сам, обставить сцену самоубийства... Нашлись бы свидетели, которые сказали бы, что я ревновал ее к Дармону... — Его вдруг осенило: — А если в этом все дело? Если она из-за него хотела меня убить?

— И сразу покончить с собой? В этом нет никакого смысла.

А разве что-нибудь еще имело смысл в этой фантазмагории?

— И надо же: как раз в тот момент, когда у Венсана начался аппендицит... — пробормотал Поль.

— Что вы сказали? — насторожился Карлен.

— Да нет, ничего...

— Мне послышалось, что вы заговорили о Венсане. Опять вы думаете об этих мнимых воспоминаниях...

Оба помолчали. Потом Карлен заговорил снова:

— Если нужен мой совет, то ни слова не говорите об этом полиции. Иначе она может пересмотреть свои выводы.

— Что вы хотите этим сказать?

— Что правда о случившемся необъяснима. Мотив действий Изабеллы найти невозможно. Тогда как если бы все произошло иначе, у полиции не осталось бы никаких сомнений. Ревность плюс бредовые идеи — этого более чем достаточно.

— Да, — сказал Поль. — Вы правы.

Он спрашивал себя, действительно ли Карлен убежден в его невинности. Но это не имело никакого значения в сравнении со смертью Изабеллы. К горлу подкатил комок.

— Да, — сказал Поль. — Вы правы.

Карлен дружески положил Полю руку на плечо.

— Держитесь, Поль. И загляните ко мне, если что будет не так.

Он вышел из палаты.

Вскоре к Полю наведился один из инспекторов, выезжавших на место трагедии.

— Я ненадолго, — объявил полицейский. — Я только хотел бы услышать от вас подтверждение одному из фактов.

— Прошу вас.

— Перед тем, как вас увезти в больницу, вы сказали мне, что это оружие у вас уже несколько лет...

Поль призстал на подушках и не смог подавить стон от пронзившей его боли.

— Я никогда не мог сказать вам такого! Я впервые увидел этот пистолет!

Инспектор удивленно поднял брови:

— Ах, вот как! Значит, я ошибся...

Он заглянул в записную книжку.

— Да, вы правы, — сказал он. — Именно так вы и заявили тогда. Прошу меня извинить. И до свидания, мсье Эрмелен.

Зайдите в префектуру во вторник, чтобы подписать свои показания. Если, конечно, будете в добром здравии. Это не к спеху.

— Вы пытаетесь поймать меня на противоречии, пользуясь моей неуверенностью в себе, вызванной амнезией?

— Что ж, все надо испробовать, — любезно отозвался инспектор. — Но, между нами говоря, на коже вашей жены у раны найден порох, и это свидетельствует о том, что выстрел был произведен в упор. С другой стороны, вы не могли себе издала выстрелить в бедро. И, наконец, ваша жена купила «лонг райфл» двадцать второго калибра три дня назад. Единственное оружие, которое еще есть в свободной продаже... впрочем, этому продолжаться недолго.

— Тогда зачем же вы пытались сбить меня с толку?

— Видите ли, иногда бывают сообщники. Это могло бы все изменить... Но применительно к вашему случаю это не имеет смысла.

Инспектор ушел, оставив Поля наедине с его гневом и отчаянием.

Полицейского сменил Дозен, хирург, сопровождаемый медсестрой.

— Вам повезло... — начал было Дозен.

Увидев лицо Поля, он спохватился.

— Простите меня... но вы понимаете, что я имею в виду... пуля вошла в верхний угол пахово-бедренного треугольника Скарпа, под ость подвздошной кости. Она прошла между тензором широкой фасции бедра и портняжной мышцей и застряла в подвздошно-поясничной.

— Очень жаль, — отозвался Поль.

— Простите?

— Очень жаль, что не была перебита бедренная артерия, — пояснил он. — Я умер бы прежде, чем подросла помощь.

Дозен покачал головой.

— Я смогу выпустить вас отсюда не раньше, чем через два дня, если вы предпочтете выздоравливать дома... При условии, что вы будете соблюдать постельный режим не менее двух недель. У вас останется легкая хромота. Из-за рубцового стягивания поврежденной мышцы.

В знак своего бессилия он развел руками.

— Эти малокалиберные пули, знаете ли, расплющиваются и наносят немалый урон...

Какой урон нанесла вторая пуля голове Изабеллы?

— Я смогу быть на похоронах? — спросил Поль.

— Только если поедете в машине, — ответил Дозен.

Он пожал Полю руку и ушел. Медсестра измерила у Поля давление и записала его на график, прикрепленный к спинке кровати.

Она тоже вышла. Поль посмотрел на повязку на правой ноге, потом уронил голову на подушку.

Чуть позже в палату вошли Дармон, Жинесте и Мариетта. Поль устало взглянул на них.

— Я хотела вам сказать, что мы позаботились обо всем. И по очереди будем вас навещать.

— Спасибо, Мариетта, — отозвался Поль.

Все помолчали. Потом Мариетта добавила, как если бы речь шла о чем-то существенном:

— Утром мне пришлось взять ваши ключи...

— Хорошо.

Снова молчание, которое нарушил Дармон:

— Мы все с тобой, ты знаешь это...

Вперед выступил Жинесте:

— Как ты, не очень скверно себя чувствуешь?

— Ничего.

Слово опять взяла Мариетта:

— Похороны состоятся через три дня.

Молчание затянулось.

— Ну, ладно, — в замешательстве сказал Дармон. — Ты, верно, устал.

— Отдыхай как следует, — добавил Жинесте.

Когда они ушли, Поль испытал облегчение.

Карета «Скорой помощи» действительно отвезла его домой двое суток спустя. Был полдень. Похороны назначили на вторую половину дня. Двое санитаров доставили его в металлическом кресле до двери в квартиру. Там Поль встал на левую ногу — правой он едва касался пола.

— Спасибо, — сказал он им. — Теперь я справлюсь сам.

Санитары не стали настаивать. Они попрощались с ним и спустились с креслом по лестнице.

Поль вставил в скважину ключ. Дверь открылась.

— Это ты, Поль? — донесся из кабинета голос Изабеллы.

Ему показалось, что на него обрушился потолок. В конце коридорчика появилась Изабелла, в джинсах и свободном свитере. Она вдруг остановилась:

— Что с тобой? У тебя такой странный вид!

Поль двинулся ей навстречу. Бедро больше не болело. Он заключил Изабеллу в объятия. Все его тело била дрожь. Изабелла прижалась к Полю.

— Тебе надо зайти к Карлену... Нервы у тебя снова расшались...

Поль попытался заговорить. Язык у него словно одеревенел.

— Нервы... — вот и все, что ему удалось выговорить.

Изабелла порывисто обняла его.

— Какой... — начал он, но ему помешали подступившие рыдания. В конце концов ему удалось выговорить: — Какой кошмар!

Изабелла увела его в комнату, служившую одновременно и гостиной, и кабинетом, и усадила. Поль давал себя вести, словно слепого.

— О каком кошмаре ты говоришь? Я оставила тебя в лаборатории час тому назад.

Поль посмотрел на Изабеллу так, что ей сделалось не по себе.

— Карлен не говорил тебе?.. — начал он.

— О чем?

Значит, Карлен строго хранит врачебную тайну. Ну, тот, прежний Карлен. Ведь теперь их стало трое: тот, который знал Венсана, тот, который узнал о смерти Изабеллы... и тот, который соответствовал живой и бездетной Изабелле.

— О том, что я... что со мной не все в порядке...

Как сказать ей, что три дня назад он видел, как она покончила с собой, и что вышел из больницы, чтобы присутствовать на ее похоронах? Не нужно, чтобы она считала его безумным, даже если так оно и есть.

— Говорил... но ничего особенного. Расскажи мне о своем кошмаре. Тебе станет легче.

Им овладела паника. Что придумать?

— Не могу, — ответил он. — Должно быть, там я вздремнул. Точно уж и не помню. Только знаю, что видел жуткий кошмар.

— Тебе плохо спалось в прошлую ночь. Ты слишком много работаешь. — Внезапно она насторожилась. — Но ты хоть не начал снова?

— Начал что?

— Да принимать «мемо-2»! Мне кажется, что он не менее опасен, чем С-24.

Поль ухватился за спасительный шест, который она, сама того не ведая, протянула ему.

— Да, — ответил он. — Об этом никто не знает. Но теперь у меня не сохранилось воспоминания о... о погружении. Только ощущение ужаса.

Ложь удалась на славу. Изабелла умоляюще заговорила:

— Прошу тебя, прекрати прием... По крайней мере, в одиночку. И не раньше, чем мы побольше разузнаем об этом веществе. — Она нахмурилась. — Иначе я тоже начну принимать его. Меня так и подмывает попробовать.

— Нет! — вскричал Поль. — Это может плохо кончиться. Как с С-24. Ты сама говорила! — Он схватил ее в объятия. — Пусть хотя бы один из нас полностью сохранит рассудок, — пробормотал он.

Поль был так счастлив от воскресения Изабеллы, что решил проводить страусовую политику по отношению ко всему остальному: воспоминанию о безумии, тревоге за будущее, полной неразберихе. К этому его вынуждало и поведение окружающих. Как он и ожидал, никто из его друзей не вел себя так, как если бы произошла трагедия. Присутствие Изабеллы воспринималось всеми как нечто совершенно естественное. Ужас, пережитый Полем, принадлежал одному ему, и имел не больше последствий, чем дурной сон.

Но уж Поль-то прекрасно знал разницу между теми снами, что снились ему ночью в постели, и теми, что преследовали его наяву...

Он не помнил точной даты, когда его положили в больницу. Да и чего стоят такие воспоминания... Дата могла быть какой

угодно. Судя по некоторым деталям, кошмар гнезился где-то в окрестностях нормального настоящего. Примерно как ужин с Мариеттой... Между различными версиями жизни в его сознании были большие провалы. Но они, похоже, длились не больше нескольких месяцев. Придя к такому выводу, Поль посмотрел на календарь: было 12 февраля 1962 года. Итак, он воспринимает события не в незбылемом порядке их следования, а как бы от случая к случаю, причем в произвольной последовательности. Его можно уподобить пловцу под водой, который время от времени, чтобы сориентироваться, выныривает на поверхность, причем то впереди по маршруту, то позади, а то и вообще в стороне от него. В стороне? А что происходит в стороне от времени? И что случается с сознанием пловца, когда он под водой? Почему обычному пловцу представляется, что его появления на открытом воздухе следуют непосредственно одно за другим, тогда как даты и события всякий раз противоречат этому представлению? То ли погружение не поддается осознанию, то ли само выныривание влечет за собой потерю памяти?

Конечно, если он безумен и подвержен припадкам, то вполне возможно, что только эти припадки ему запоминаются. Тогда его патологическое мироощущение полностью оторвано от его действительного существования и они никак не связаны между собой. Быть может, на самом деле он шизофреник, которого упрятали в лечебницу и который совершенно не отдаст себе в этом отчета. Или же он пребывает в каком-то четвертом существовании, о котором никогда не будет иметь представления и к которому не принадлежит никто из тех, кого он знает. В таком случае все это, возможно, когда-нибудь исчезнет, как утренний туман, чтобы уступить место существованию реальному, равнозначному его смерти, поскольку в действительности будет существованием кого-то другого: разве жизнь не есть сознание плюс память?

В течение недели страусовая политика себя оправдывала. Так, 18 февраля Поль преисполнился сочувствием к жителям Гамбурга и Шеффилда, на которые обрушился ураган. Ветры со скоростью двести километров в час в Европе редки...

Он с одобрением отнесся к встрече министра по делам Алжира Жокса с эмиссарами ФНО, но задался вопросом, что станет с планами на будущее, провозглашенными Бен-Беллой в своей резиденции в Онуа.

В полдень на волнах «Франс-2» Поль прослушал передачу «Чердак Монмартра». Вслед за тем он узнал, что к концу года Франция будет располагать ядерной энергетикой, и порадовался этому.

Вечером они с Изабеллой поужинали в китайском ресторанчике, потом пошли в «Одеон» на спектакль ирландского драматурга Брендана Бехана «Заложник» с участием Джорджа Вильсона, Арлетти и Мадлен Рено. Особенно им понравилась реплика, брошенная Вильсоном Мадлен Рено, игравшей сестру Армии спасения: «Там, где армия, спасения нет».

По возвращении они устроили себе небольшой праздник, выпив по бокалу шампанского. Потом выпили еще и еще и прикончили всю бутылку. Слегка опьяневший, в прекрасном настрое-

нии, Поль пылко засвидетельствовал Изабелле свою любовь и был вознагражден взаимностью. Уснул он с ощущением безоблачного счастья.

Проснувшись, Поль обнаружил, что уже не лежит в своей постели, а сидит на стуле посреди комнаты. Ставни были закрыты. Слабый свет освещал гроб на подставке. Издав вопль отчаяния, Поль попытался вскочить. Резкая боль, словно удар кинжала, пронзила его бедро. Он со стоном рухнул назад на стул. Чья-то рука стиснула его плечо.

— Будь благоразумным! — почти шепотом сказал стоявший рядом Дармон.

— Нет! — вскричал Поль. — Нет!

— Поль! — раздался укоризненный голос Мариетты.

Звук шагов в коридоре. Скрип открываемой двери. Несколько невнятных слов. И вошел Жинесте, негромко сообщив:

— Вот и они.

Поль спрятал лицо в ладонях. Но этому новому кошмару его протест был безразличен. Служащие похоронного бюро унесли гроб с Изабеллой. Дармон и Жинесте подняли Поля вместе с его стулом и пошли следом. Мариетта заперла за ними дверь.

Похороны оказались для Поля таким тяжким испытанием, что он не захотел возвращаться к себе и попросил, чтобы его отвезли прямо в отделение Карлена. Тот, естественно, знал лишь о той версии, которая только что ввергла Поля в пучину отчаяния. Карлен помнил о призраках, прозывавшихся Венсаном и Альбером, но вдобавок Поль поведал ему о мнимом воскресении Изабеллы.

Тогда Карлен отказался от старого доброго ларгактила. Состояние Поля внушало слишком большую тревогу, чтобы пренебречь нозинаном — сильнодействующим психотропным средством, появившимся пять лет тому назад.

Поль пробыл в отделении у Карлена два месяца. Здоровье его постепенно стало улучшаться — в том смысле, что он начал сомневаться в своих бредовых видениях и принимать разумом то, что ему довелось пережить: нозинан возвращал его в реальную действительность... но и погружал при этом в сумеречное состояние.

Его депрессия, вызванная тоской по умершей, не входила в планы Карлена. Поэтому он прибег к двум другим препаратам, вошедшим в практику два года назад: к меллерилу — анксиолитическому средству, снимающему чувство беспокойства, и тофранилу — антидепрессанту.

Поль вышел из отделения в удовлетворительном состоянии. При ходьбе он прихрамывал, зато в голове у него почти все встало на свои места: Карлену удалось убедить его принять в качестве единственно правильной ту версию реальности, в которой Поль обратился к нему за помощью. Наихудшую.

Итак, Поль вернулся домой без надежд и без тревог. Квартира действительно оказалась такой, какой он ожидал ее увидеть. Благодаря стараниям Мариетты ее поддерживали в чистоте и

проветривали. Никто не сказал бы, что она два месяца пустовала. Все было прибрано, словно перед праздником.

Но Полю показалось, что она похожа на склеп. Тяжело опустившись в свое старое кресло, он долгое время сидел неподвижно, устремив взгляд в одну точку. Когда тишину внезапно разорвал звонок телефона, Поль не вздрогнул, а неторопливо снял трубку.

— Да... А, это ты... Да нет, очень мило с твоей стороны, но в первый же день... Не думаю, что я буду приятным сотрапезником... Как?... Я понимаю, что тебе это неважно. Зато мне важно. Нет, завтра я буду общительнее. В любом случае в девять я приеду в лабораторию... Да, да. Не беспокойся. Все в порядке... Да, Карлен, как всегда, оказался на высоте. Но колеса должны вращаться и без него... Ну, до завтра. И спасибо!

Он положил трубку и снова впал в прострацию. Сумерки постепенно заполняли комнату, но Поль не обращал на это внимания. Вновь зазвонил телефон. Он тотчас взял трубку.

— Да? Добрый вечер, Бенуа. Нет-нет, все нормально. Ах да, верно. Хорошо, я буду продолжать с той же дозой. — Он коротко усмехнулся. — Нет, видите ли, я лабораторная крыса. У меня нет навыка в составлении ваших лечебных коктейлей... Хорошо. Спасибо вам за заботу, Бенуа.

Поль ощупью положил трубку, потом включил настольную лампу. Встал. Пошел на кухню, налил себе стакан воды. Из подвешного шкафчика над раковиной, как раз на уровне его головы, послышалось позвякивание. Он поставил стакан и открыл дверцы шкафчика.

Оттуда хлынул поток посуды: тарелки с грохотом разбивались о раковину, кастрюли, подскакивая, катились по полу.

Поль отступил, потрясенно взирая на этот кавардак. Наконец он нагнулся, подобрал уцелевшую посуду и принялся расставлять ее внутри шкафчика, напряженно вглядываясь. Он не обнаружил там ни мыши, ни иной живности, чье присутствие могло бы объяснить только что услышанное им позвякивание. Должно быть, причиной стала разошедшаяся древесина... Но что за неумеху наняла Мариетта в помощницы? Зачем ей понадобилось так набивать шкафчик, что только закрытые дверцы не давали посуде вывалиться?

Со стаканом в руке Поль вернулся в комнату. Принял две таблетки. Запивая их водой, он все смотрел в сторону кухни.

Внезапно пробудившись, Поль сел в кровати. Он задыхался, и сердце его неистово колотилось. Он замер, вперив взгляд в темноту. В ушах у него еще бился крик Изабеллы, крик, проникнутый беспредельным отчаянием и шедший, казалось, с другого конца света.

Поль остановил взгляд на смутно светлеющем прямоугольнике окна. Охваченный внезапным подозрением, он зажег ночник и огляделся. Комната была та самая, в которой Поль заснул. В ледящем душу крике, пробурвавшем его сон, не было ни-

чего от реальной действительности. Всего лишь кошмар, в котором Изабелла зывала к нему с безграничной тоской.

Поль встал, накинул халат, прошел в кухню, налил себе еще стакан воды. Затем вернулся в комнату и застыл посреди нее.

Вслушиваясь в ночь, он услышал только отдаленный гудок автомобиля и яростный порыв ветра, от которого завибрировала заслонка камина. Подойдя, Поль нажал на металлическую раковину, с помощью которой можно было управлять заслонкой. Но та была опущена до конца.

Он бросил взгляд на гардероб у соседней стены. Дверка его была приоткрыта. Прикрывая ее, Поль зажал внизу краешек простыни. Тогда он распахнул дверку, чтобы задвинуть стопку белья поглубже.

Его взору открылся полнейший беспорядок: одежда Изабеллы в беспорядке валялась внизу. Он узнал ее джинсы, блузку, старенький свитер, туфли.

На перекладине висели пустые вешалки. Поль неодобрительно покачал головой. Он стал подбирать и развешивать одежду. Делал это не спеша, тщательно, любовно. К свитеру была приколата брошка; он не стал ее снимать. Закрыв гардероб, улегся на кровать, потушил свет, но долго не мог уснуть, лежа с открытыми глазами в темноте. Под окном, разговаривая сам с собой, прошел пьяный. Его голос затих вдалеке.

Когда Поль вошел в лабораторию, она была залита солнцем. Раздеваясь и вешая пальто на вешалку, он услышал приглушенный голос, раздававшийся в соседней комнате.

Поль направился было к двери, но замедлил шаг. Потом остановился и зажмурился. Это был голос Изабеллы.

Прежде чем открыть дверь, он подошел к окну и посмотрел на стаянку. «Дофин» был там. Но это ни о чем не говорило... Поль рывком распахнул дверь. В помещении было пусто.

Он стоял в дверях, не в силах пошевелиться, когда услышал приближающиеся сзади голоса. Он обернулся. В лабораторию из коридора вошли Мариетта и Жинесте. При виде его они умолкли, и их лица приняли подобающее случаю выражение.

Вид Поля и впрямь наводил на размышления. Хотя поначалу вошедшие прочли на его лице лишь скорбь, усугубленную растерянностью, но в действительности к скорби примешивались два других чувства: с одной стороны, Поля встревожила эта слуховая галлюцинация, а с другой — его на миг всколыхнула надежда, что он попал в другую версию своего существования, в которой Изабелла — теперь уже неважно, какая именно — была жива, и сейчас испытывал сильнейшее разочарование.

Кивнув коллегам, Поль прошел во второе помещение. Какое-то время Мариетта и Жинесте молча смотрели, как он бродит по лаборатории, затем они отвернулись и принялись переодеваться в белые халаты.

Внимание Поля привлек какой-то блик, спрятавшийся в оборудовании на столе. Подойдя, Поль схватил блестящий предмет: то была хорошо знакомая ему брошка Изабеллы. Пораженный, Поль повертел ее в руках. Он был совершенно уверен, что видел ее этой ночью на старом свитере в шкафу.

Поль бросил взгляд в сторону двери. Жинесте и Мариетты не было видно. Он сунул безделушку в карман и вернулся в первое помещение, где начал надевать халат.

— Эх, если б такая погода могла стоять круглый год! — с деланным воодушевлением воскликнула Мариетта.

— Это было бы прекрасно, — машинально отозвался Поль. Вошел Дармон. Они с Полем обменялись рукопожатиями.

— Круглый бы год такая погода! — сказал Дармон.

Жинесте сдержанно рассмеялся. Поль последовал его примеру. Но что-то в его смехе оборвало смех Жинесте.

Поль беседовал со своими коллегами и друзьями — вернее, это они пытались отвлечь его от невеселых мыслей. Он сидел на краю стола, лицом, как и они, к металлическому шкафу, отражаясь в полированной поверхности, словно в зеркале.

— Не делай из этого проблемы, — говорил Дармон, — у каждого есть свои причины...

— Дело в том, что мы приняли такое решение вдвоем... с Изабеллой, — с трудом выговорил Поль. — Так что теперь я просто не имею права возвращаться назад.

— Эта формула принадлежала вам двоим, — сказал Жинесте. — Теперь она принадлежит одному тебе, и ты вправе ее не обнародовать.

— Я не собираюсь держать ее в тайне... — возразил Поль. — Но, учитывая пагубные последствия, к которым может привести С-24, я хочу иметь экспериментальное подтверждение безвредности «мемо-2».

— В отношении С-24 вы можете быть спокойны, — заявила Мариетта. — Мы не делали никакого сообщения и не будем делать, пока не получим пригодные для использования производные...

— Но ведь... «мемо-2» как раз и является таковым...

Поль застыл. Блестящая поверхность шкафа отражала теперь еще один силуэт, не такой четкий, как прочие, но вполне узнаваемый. Поль невольно обернулся. В лаборатории больше никого не было.

Мариетта, Дармон и Жинесте проследили за направлением его взгляда и вслед за ним снова посмотрели на металлическую дверцу.

Было ясно, что они не видят ничего необычного, тогда как Поль сразу узнал лицо и фигуру Изабеллы... Он изменил положение, отвернулся от шкафа. Но смятение его было заметно.

— «Мемо-2», — с усилием продолжил он, — в действительности не представляет никакого интереса.

— Почему? — живо откликнулась Мариетта, поддерживая игру.

— Потому что мы ищем не средство, которое давало бы нам возможность вновь переживать свои воспоминания... Как бы это ни было приятно... или неприятно. Мы ищем вещество, способное удержать воспоминание, обеспечить его постоянство и облегчить его восстановление в памяти.

— Верно... — заметил Жинесте.

— Мы все с этим согласны, — эхом отозвался Дармон.

Поль продолжал разглагольствовать об исследованиях, нудно повторяя то, что давно было известно всем. Он сидел, приклонившись к дверце металлического шкафа. Его друзья превратились в неясные силуэты, замершие в оцепенении перед этим потоком пустых фраз.

Услышав над самым ухом голос звавшей его Изабеллы, Поль оборвал речь на полуслове. Он рывком распахнул створки. Внутри шкафа на вешалке тихонько покачивалась куртка в красно-черную клетку.

Поль молча повернулся к товарищам, не в силах выговорить ни слова.

— Тебе не мешало бы заглянуть к Карлену, — как можно более небрежным тоном проговорил Дармон. — Здорово тебя все-таки напугало... Хотя он уже сделал все, что мог...

Поль долго смотрел на него не отвечая.

— Появилось еще кое-что, — наконец выговорил он. — Раньше все окружающие видели и слышали то же, что и я после галлюцинаторной фазы. Теперь обе фазы накладываются одна на другую...

— Но ведь... мнимые восприятия не так растянуты, не так устойчивы...

— Тебе прекрасно известно, что все происходит наоборот. Обычно все начинается с галлюцинаций, и лишь затем на их основе выстраивается интерпретативный бред. Я же иду обратным путем.

— Тогда это, возможно, стадия, через которую нужно пройти, стадия регресса заболевания...

— Такого еще не бывало, и ты это знаешь. И потом, я считал, что все происходившее со мной до сих пор объяснялось либо потерей, либо расстройством памяти, но уж никак не галлюцинациями, разве нет?..

Все промолчали.

— Похоже, сегодня я работать не смогу, — заявил Поль.

Он взял куртку Изабеллы, аккуратно положил ее на стол, снял халат, надел пальто и сунул куртку под мышку.

— Вы не будете на меня в претензии? — спросил он и ушел, провожаемый встревоженными и сочувственными взглядами коллег.

Куртка заняла место в гардеробе среди прочей одежды Изабеллы. Что же касается брошки, то тут загадка оставалась необъяснимой: было совершенно непонятно, каким образом она покинула свитер и очутилась на столе в лаборатории.

Если только Поль снова не оказался жертвой мнимого воспоминания. Это объяснение было самым удовлетворительным... Поль криво усмехнулся. Он приколот брошку к клетчатой куртке, потом приготовил себе кофе и поставил на проигрыватель Квартет ре минор Шуберта. Однако музыка оказалась настолько мрачной, что Поль почти сразу снял пластинку.

Подойдя к телефону, он набрал номер.

— Профессора Карлена, пожалуйста... Говорит доктор Эрмелен.

Ему пришлось подождать.

— Бенуа, похоже, со мной снова начинает твориться неладное... Нет, по-другому. Завтра в котором часу?.. Хорошо. Спасибо.

Положив трубку, Поль выпил кофе, оделся и вышел на улицу.

На афише была изображена молодая домохозяйка в кокетливом фартучке с банкой «Нескафе» в руках. Обычная рекламная афиша, если не считать того, что домохозяйка была вылитая Изабелла.

Поль точно знал, что Изабелла никогда не снималась для рекламы. Он также был уверен, что никто, кроме него, не видит голову Изабеллы на плечах любительницы растворимого кофе. Но эта уверенность не помешала ему застыть перед афишей в оцепенении.

После недолгого созерцания ему показалось, что изображение теряет четкость. Оно начало дрожать, как дрожит пейзаж в летний день из-за поднимающегося от раскаленной земли воздуха.

Изображение за этим полупрозрачным экраном претерпевало чудовищную метаморфозу. Кожа становилась зеленоватой, нос проваливался, веки исчезали... Подавив стон ужаса, Поль спрятал лицо в ладони.

Прохожие на тротуаре обходили его стороной.

Уже давно наступила ночь, когда Поль узнал вывеску. Ноги, словно чужие, неожиданно привели его к китайскому ресторанчику, где они так часто ужинали с Изабеллой.

Поль миновал было витрину, но замедлил шаг. Потом остановился и вернулся назад. Поколебавшись немного, он наконец вошел.

Сел Поль подальше от столика, который они тут облюбовали, занимая его всегда, когда он оказывался свободным. Свободен был он и сейчас: Поль смутно различал его в темном зеркале. Но одно дело было войти в ресторанчик, и совсем другое — занять место, где Изабеллы ему не хватало бы куда сильнее...

Поль углубился в изучение меню, которое знал наизусть. Когда он оторвался от него, его взгляд неудержимо устремился к зеркалу. За их столиком теперь сидела женщина, которую он видел со спины. Он почти не удивился, узнав ее фигуру, прическу, манеру держать сигарету: локоть на столе, ладонь на уровне уха, указательный и средний пальцы вытянуты, большой отставлен, два остальных согнуты. Все это было Полю знакомо, но он знал, что Изабелла не может быть здесь, поскольку она мертва. А если бы ему посчастливилось и он попал бы в один из своих снов наяву, в котором она осталась живой, то Поль сидел бы сейчас напротив нее, за их любимым столиком...

Он заказал кушанье, которое, как ему было известно, гото-

вят быстро: теперь он уже ругал себя за то, что переступил порог этого ресторанчика, где сама обстановка благоприятствовала галлюцинациям. В ожидании блюда Поль продолжал наблюдать за незнакомкой, чьи движения были видны ему в зеркале. Ей уже принесли заказ. Видимо, женщина сделала его сразу, как только вошла... И, разумеется, она держалась в точности так, как держалась бы Изабелла. Та же сноровка в обращении с палочками, та же манера брать крохотные пирожки левой рукой с помощью салатного листика...

Проклиная себя, Поль все больше поддавался искушению встать и подойти к незнакомке, чтобы увидеть ее лицо. Он почти не сомневался, что это будет лицо Изабеллы. Как она себя поведет, когда он с ней заговорит?

Поль наспех проглотил поданное кушанье, чтобы его уход, во время которого ему представится возможность обменяться с ней двумя-тремя фразами, выглядел естественным. Тем временем она потребовала счет и вдруг принялась что-то записывать на бумажной скатерти.

Поль тоже потребовал счет, который ему подали сразу вслед за тем, как принесли счет молодой женщине. Та положила на столик банкнот и поднялась. Все то время, пока она шла к двери, Поль по-прежнему видел ее со спины, лихорадочно шаря по карманам в поисках денег. Наконец, расплатившись, он поднялся, прошел мимо столика, за которым ужинала она, и застыл, потрясенный: на бумажной скатерти красовалась структурная формула «меморила».

Потеряв у столика несколько секунд, Поль спохватился и чуть ли не бегом устремился к выходу. Когда он очутился на тротуаре, улица была пуста.

Чтобы скрыться из поля зрения, никому этих секунд не хватило бы. Незнакомка улетучилась. Поль стоял как вкопанный, недоверчиво всматриваясь то в один, то в другой конец улицы.

Из ресторана вышел мужчина. Оборачиваясь, Поль толкнул его и извинился. Мужчина ответил обычной формулой вежливости. Но, увидев блуждающий взор Поля, он несколько растерялся.

— Вот у вас, скажите, бывают галлюцинации? — спросил у него Поль.

— Нет, — попятившись, ответил мужчина.

— Не правда ли, — продолжал Поль, — исчезновение кого-то, кто не существует, не более странно, чем его появление?

Мужчина что-то невнятно пробормотал и заспешил прочь. Поль рассмеялся. Заслышав его смех, мужчина ускорил шаги.

Поль медленно побрел в другую сторону.

Поеживаясь, Поль перешагнул через край ванны. Он завернул в большое полотенце и вытерся. Потом направился к гардеробу за халатом, но замер на месте: из гардероба доносился шум. Удары, скрежет крюков вешалок о перекладины. Словно некто, находившийся там взаперти, запутался в одежде и искал выхода.

Поль заткнул уши и закрыл глаза. Но шум усиливался. Поль собрал остатки мужества и рывком раздвинул дверцы. Шум тотчас прекратился. Но одежда еще раскачивалась.

Раздался звонок в дверь. Накинув халат, Поль пошел открывать. За дверью стоял сосед. Вид у него был встревоженный и осуждающий.

— Что у вас творится? — сердито спросил он.

— А, так вы тоже слышали?

— Я пока еще не глухой!

— Ну так вот, я не знаю, что это. Гремело в гардеробе.

Сосед нахмурился и вытянул шею, стараясь заглянуть внутрь.

В ответ Поль отрицательно покачал головой.

— Из гардероба, говорите? — продолжал сосед. — Должно быть, незадачливый грабитель. — Пожав плечами, он добавил: — Или призрак.

Поль стал белый, как бумага.

— Почему вы так сказали? — спросил он.

— В шутку... — ответил сосед с прежней враждебностью во взгляде.

— Время для шуток не совсем удачное, — заметил Поль. — У меня недавно умерла жена.

Сосед осознал свою оплошность.

— Ну да, конечно... — пробормотал он. — Прошу меня простить. Но этот чудовищный грохот, вы понимаете...

— Признаюсь вам, — сказал Поль. — Я развешивал одежду, и дверцу заклинило — пришлось по ней постучать.

Сосед облегченно вздохнул.

— Это другое дело. Простите еще раз.

Он ушел. Поль закрыл за ним дверь. Какое-то время он стоял неподвижно, уставясь на нее. Потом перевел взгляд на гардероб. Итак, это была не галлюцинация. Свидетель слышал то же, что и он. Чудовищный грохот. Это определение подходило как нельзя лучше.

Поль снял трубку.

— Бенуа? Я вас не побеспокоил?... Спасибо... У меня тут кое-что произошло, но лучше я расскажу вам обо всем завтра, когда приду... Я только хотел узнать: снотворное мне не противопоказано?... Тем лучше... Да, потому что... Я думаю, сон избавит меня от... Еще раз спасибо. До завтра.

Положив трубку, Поль прошел в кухню, где достал из шкафчика с лекарствами упаковку гарденала. Проглотив таблетку и запив ее водой, он лег спать.

Проснулся он, когда стало уже светло.

Комната была выстужена. Даже кровать показалась Полю ледяной. Дрожа, он протянул под одеялом руку — проверить, далеко ли распространяется его собственное тепло.

Его рука наткнулась на что-то дряблое и холодное. Он вскочил, сорвал с себя простыню и одеяло, чтобы побыстрее выбраться из кровати.

Под простыней оказался нагой труп Изабеллы. Ее голова покоилась на подушке, глядя на него остекленевшими глазами. Ясно виделась дыра в виске.

Выбегая из комнаты, Поль налетел на дверь. Он укрылся в ванной, включил свет. Из зеркала на него смотрел безумец. Поль долго оставался там, дрожа и напрягая слух. Ничего. Ни малейшего звука.

Он вернулся в комнату. Постель была в прежнем беспорядке, но уже пустовала. Поль пересек комнату, резко обернулся, зашвырнув легкий скрип. Но он был один.

Может, ему просто приснился кошмар и он посчитал за реальную действительность это промежуточное состояние между сном и явью? Принятый накануне гарденал не способствовал быстрому пробуждению.

Однако на второй подушке еще осталась вмятина. Поль смотрел на нее с ужасом. В конце концов он вернулся в ванную, где подставил голову под струю холодной воды.

Поднявшись, Карлен уперся ладонями в письменный стол.

— Итак, — заключил он, — я считаю, что это остаточные приступы бреда. И уж во всяком случае вновь госпитализировать вас я не намерен.

— Но этот шум в гардеробе, который слышал не я один... Это тоже бред?

— Шум производили вы сами. Неудивительно, что его слышал ваш сосед. Но вы подсознательно скрыли от самого себя свои поступки, чтобы придать происходящему характер внешнего воздействия. Это вполне согласуется со всем остальным.

— Тогда что вы мне посоветуете, чтобы бред не перерос в психоз? Не знаю, что вы думаете на этот счет, но все это скоро может завести меня слишком далеко. Подобное существование кого угодно сведет с ума. Впрочем, вы и не убеждали меня, что я психически здоров.

— Возьмите отпуск на несколько дней. Поезжайте за город... желательно с кем-нибудь. Вам сейчас необходима перемена обстановки. Вот увидите, все войдет в норму.

— Говорите, с кем-нибудь?

Поль произнес это тоном, в котором сквозило возмущение.

— Я не призываю вас предавать память вашей жены. Просто я советую вам избавиться от гнетущего вас одиночества.

Не отвечая, Поль пристально посмотрел на Карлена. Потом пожал ему руку и вышел из кабинета.

Формально исследованиями руководил Жинесте. Он легко согласился дать Полю отпуск, тем более что сам всегда прислушивался к рекомендациям Карлена. Да и в любом случае в таком состоянии Поль был не работник.

Было 19 марта 1962 года, день прекращения огня в Алжире. Поль, всегда горячо выступавший против этой войны, сейчас, похоже, не слишком разделял царившую в лаборатории радость. Его личные проблемы заслонили от него даже такое крупное событие, как заключение Эвнанских соглашений, о которых все вокруг только и говорили.

Он повел Мариетту обедать в уютное старомодное кафе, которое они частенько посещали всей командой.

— Как бы вы отнеслись к тому, чтобы провести уик-энд за городом? — спросил он у нее.

Мариетта посмотрела на него с удивлением, потом улыбнулась.

— Весьма положительно, — ответила она.

Поль вспомнил о том их ужине, который должен был состояться через несколько месяцев и так плачевно окончиться... Но это будущее было прошлым. Прошлым, в котором настоящее должно было бы оставить след. Однако этого не произошло: в тот злосчастный вечер Мариетта ни словом не обмолвилась об их сегодняшнем обеде.

В сущности, это было в порядке вещей. Ведь он вспоминал о будущем, в котором Изабелла не умирала. Мариетта не могла связать собой все — и вымышленные, и действительные — верии существования Поля. Ни эта Мариетта, ни любая из тех, которые соответствовали каждой из этих версий. Как и Карлен.

— Я собираюсь снять на две недели домик в Нормандии, — заявил Поль. — Хорошо бы вы сумели прихватить к уик-энду еще несколько дней.

— Вы намереваетесь разбить нашу команду? — с улыбкой спросила Мариетта.

— Вы ее, напротив, укрепите, если поможете мне обрести равновесие.

— Как вы оценили мои способности домоправительницы? — вместо ответа спросила девушка.

На мгновение лицо Поля омрачилось, но он тотчас улыбнулся. — Вы справились блестяще, — заверил он ее.

Ему вспомнились кухонный шкафчик, до отказа набитый посудой, и одежда, валявшаяся на полу гардероба. Хотя, вполне возможно, Мариетта и нанятая ею служанка были тут ни при чем. Быть может, там орудовал призрак, как предположил склонный к неуместным шуткам сосед...

Возможно, то была Изабелла, все чаще заявлявшая Полю о своем присутствии, а вовсе не приступы бреда, как утверждал Карлен...

Поль взял себя в руки. Отпив вина из стакана, он закурил.

— Вы словно вернулись откуда-то издалека... — мягко заметила Мариетта.

Поль заставил себя улыбнуться.

— Мы с вами уедем еще дальше, — сказал он. — И не позднее чем завтра. Но только никому об этом не говорите!

Ее рука лежала на столе. Он взял ее за запястье. Как и во время того будущего ужина, которому уже не суждено было состояться, она не отняла руки.

— Будьте любезны, освободите немного места! — взмолился официант, выросший у столика с двумя горячими тарелками в руках.

Поль убрал руку, смеясь на этот раз почти естественно.

Для двоих дом был слишком большой: сезон начинался лишь в следующем месяце, и потому пустующих помещений по цене, соответствующей скромным возможностям Поля, было много.

В деревне Барвиль этот дом называли замком. Он и правда походил на усадьбу, и построили его полтора века назад. Удобным его не назовешь, но все же условия можно было считать сносными. В нем обитали мыши, местами висела паутина, ветер поддувал под двери, но распутившиеся на деревьях за окном почки уже напоминали о весне. Да и на долину Ож открывался прекрасный вид, так что какое-то время здесь можно было провести, не сожалея о парижской суете.

В первый же день Поль и Мариетта отправились на длительную прогулку пешком.

— Возьмем машину и поедem на берег моря, — предложил Поль. — Вы любите устриц?

Мариетта согласилась.

Во время прогулки Поль вновь вел себя по отношению к Мариетте довольно сдержанно, и она не знала, чему это приписать. Дело было в том, что теперь возникло совсем другое положение, чем тогда, когда он приударял за той же Мариеттой — или, вернее, за почти той же. Тогда Поля толкала ревность к своей жене. Теперь, когда она умерла, он хотел оставаться верным ее памяти.

Словно желая оправдаться, он поделился своими мыслями с Мариеттой. У нее достало сообразительности уверить его в том, что он зря мучается из-за своего целомудрия и что он не прав, если решил, будто между ними есть что-то еще, кроме обычной дружбы. Но взгляд ее говорил иное. Поль без труда все понял. Под конец он вспомнил про Дармона.

— Он очень любезен со мной, — сказала она.

— Жак парень симпатичный, — уклончиво проговорил Поль.

С другого конца долины донеслось до них мычание коровы.

— Вот видите, — сказала Мариетта. — Она тоже так думает.

Они наложили поленьев в камин, хорошенько его разожгли и заговорили о проблемах, которые надо решить для того, чтобы усовершенствовать «мемо-2».

— Нужно сделать, чтобы им легче было управлять, — говорил Поль. — Чтобы с его помощью можно было восстанавливать в памяти те или иные события, но его способность давать людям снова переживать прошлое кажется мне вредной.

— Да, от этого может пострадать будущее... — задумчиво промолвила Мариетта.

— Будущее... — повторил Поль.

И подумал: как-то еще ему самому удастся встретить будущее.

Погас свет.

— Вот здорово, — воскликнула Мариетта.

— Почему здорово? — не понял Поль.

— Так мы теперь в том же положении, что и первые обитатели дома.

— Да, — кисло согласился Поль.

— Посойте, тут же есть свечи и керосиновая лампа. И потом, посмотрите, как здесь светло. Куда еще светлее. Правда, в спальнях...

И она живо соскочила с кресла.

— Делайте что хотите, — сказал Поль. — Я все же надюсь, что неполадки скоро исправят.

В этой аварии было что-то такое, что вызывало у Поля беспокойство. Тем более что в окно он видел горящие вдалеке огни деревни.

С помощью Мариетты, державшей керосиновую лампу, Поль проверил пробки, повертел выключатель, осмотрел лампы. Все было в порядке, но свет не горел.словно ток, не доходя до счетчика, останавливался прямо в проводах, не выдержав непомерной скорости, которую сам же и развил.

Пообедать они уже пообедали и теперь решили лечь спать, несмотря на довольно ранний час. Они пожелали друг другу спокойной ночи на широкой лестничной площадке второго этажа, от которой шли два коридора. Поль настоял, чтобы Мариетта забрала керосиновую лампу с собой. Ему же будет достаточно и подсвечника с тремя свечами.

Поль вошел в свою комнату, разделся, надел пижаму, положил халат на стул, лег и замер, уткнувшись лицом в подушки.

Спать ему не хотелось. Он лежал и глядел на колеблющиеся тени, образуемые пламенем свечей. Слушал, как потрескивают поленья в камине, как под дверью посвистывает ветер, как в соседней комнате ходит Мариетта.

Нетерпеливо покачав головой, он встал и повернул выключатель. Никакого результата. Вспомнив, что, входя в комнату, он выключатель не трогал, Поль решил оставить его в том же положении. Если свет починят, он сам и включится. Хотя это и не имело особого значения, Поль все-таки желал бы знать, когда наконец все уладится. И он снова лег в постель.

И тут Поль услышал быстрые шаги. Дверь спальни резко распахнулась, и вошла Мариетта. Она была в халате, накинутом прямо на ночную рубашку.

— Простите, — сказала она, — но у меня погасла лампа. Думаю, ветром задуло. А у меня больше спичек нет. Такая темнота... Это глупо...

И Мариетта села на кровать.

— Мне страшно, — призналась она.

— И чего тут бояться? — стал успокаивать ее Поль. — Вы видели, какие тут толстые стены, какие ставни.

Она покачала головой.

— Я боюсь не бродяг. Я боюсь этой черноты... темени... как в детстве...

— Хорошо, — сказал Поль. — Я оставлю себе одну свечку. А вы берите подсвечник с двумя другими, и вот вам моя зажигалка, если опять задует.

И он принужденно улыбнулся. Правда, желания улыбаться у него особого не было.

Поблагодарив, Мариетта ушла. Но тут же он услышал ее крик. Мариетта вернулась без подсвечника. Лицо ее исказилось от страха.

— Опять, — сдавленно произнесла она.

— А зажигалка?

— Подсвечник упал, и зажигалка. Я... У меня не хватило смелости шарить по полу.

— Пойдем посмотрим, — сказал Поль. Он был обескуражен и встревожен больше, чем хотел показать.

При свете единственной свечи он быстро нашел валявшиеся на полу предметы. Тут же они зажгли другие свечи. Керосиновая лампа заупрямилась: видно, тоже сломалась.

Поль стал прощаться с Мариеттой, но та схватила его за руку.

— Прошу вас... Я не могу оставаться тут всю ночь. У вас в комнате есть еще диван.

— Зачем диван, лучше уж прямо ко мне в кровать, — сказал он грубо, и это его самого покорило.

Мариетта заплакала. Он обнял ее за плечи.

— Простите меня, — сказал он. — Пойдемте.

И они возвратились в комнату Поля.

Мариетта и правда устроилась в его кровати, и они занялись любовью.

Мариетта уткнулась лицом Полю в плечо.

На столике у изголовья по-прежнему горели три свечи. И тут в их свете Поль увидел силуэт Изабеллы, безмолвно выходящей из стены. От неожиданности он вздрогнул. Мариетта подняла голову и посмотрела туда же. Крик сорвался с ее губ, и она тут же натянула на голову одеяло.

Призрак Изабеллы подошел к кровати и через одеяло положил руки на лицо Мариетты. Та забарахталась и начала хрипеть. Поль соскочил с кровати, бросился в коридор, спустился на первый этаж, открыл дверь и стал звать на помощь. Но напрасно. На километр кругом никого не было. Да и как тут можно было помочь?

Дрожа от холода в своей пижаме, Поль медленно поднялся по лестнице. Дверь в спальню осталась открытой. Он вошел. Никаких следов привидения. Поль приблизился к постели, приподнял одеяло. При свете свечей он увидел лицо Мариетты с глазами, вылезшими из орбит. Она была мертва.

Поль не скоро оправился от панического ужаса, но когда это случилось, ему вдруг пришло в голову, что его первого заподозрят, как только найдут труп. Оставался лишь один шанс: если Мариетта никому не рассказала, куда едет, и если ее тело найдут далеко от Барвиля, ему не о чем будет беспокоиться. В деревню они вместе не ходили, гуляли в поле, никого не видели.

Он дружески относился к Мариетте, и они первый раз оказались в одной постели. Получается, что призрак его приревновал. Это было похоже на бред, но в нем чувствовалась своя логика. Поль не был уверен, что все это родилось в его больном воображении и не имело никакой реальной почвы и что Мариетта на-

ходится в сотнях километров отсюда, превосходно себя чувствует и даже не подозревает о его мрачных видениях.

Прежде чем убедиться в том, что никакого трупа не существует, надо было от него отделаться. Поль оделся, собрал все вещи Мариетты в ее чемодан. Потом взвалил тело себе на плечи и отнес в «дофин», положил справа на переднее сиденье, потом поднялся обратно за чемоданом, но ему пришлось задержаться, чтобы написать записку владельцам дома и в агентство по найму площади.

И в эту минуту зажегся свет. Поль написал, что ему якобы нужно срочно вернуться в Париж и что он кладет ключи вместе с письмом в почтовый ящик.

Затем он закрыл дверь, и «дофин» покатиł в южном направлении. Теперь Поль не сомневался, что сам убил Мариетту. Все остальное ему привиделось.

В четыре часа утра он выбросил тело в речушку. Через сотню километров в воду полетел и чемодан. В Париж Поль добрался к рассвету.

Вернувшись к себе, Поль в изнеможении упал на кровать. Он успел заметить, что кровать застелена, но в каком состоянии он оставил ее, уезжая, Поль теперь не помнил. И он тут же погрузился в глубокий сон.

Проснулся Поль в два часа дня. И сразу перед его глазами встала эта страшная ночь. Он поднялся с кровати, принял душ. Потом отправился на кухню приготовить себе кофе. Кофейник с ситечком стоял на кухонной плите. О кофейнике Поль тоже ничего не помнил. Он приготовил себе кофе и бутерброд, не думая больше об этом. Не выходило у него из головы теперь другое: как исчезновение Мариетты будет воспринято в лаборатории. Нашли ли уже ее тело и опознали или нет? Связали ли ее смерть с его поездкой? Все может случиться, когда полиция вплотную займется уголовным преступлением. Для судебного врача никакого труда не составит определить, что Мариетта умерла до того, как ее бросили в реку. Ведь в легких не будет воды...

Поль сел за руль своего «дофина» и поехал в лабораторию.

Открыв стеклянную дверь лаборатории, он чуть не столкнулся с Мариеттой.

— А, Поль, вы-то нам и нужны, — сказала молодая женщина и улыбнулась.

Поль увидел, как за ее спиной, выйдя из соседней комнаты, показалась Изабелла.

— Поль, — воскликнула Изабелла, — ты где-то прохлаждаешься, а тебя тут ждут.

Поль оперся о дверную раму.

— Иду, — пробормотал он, соскальзывая на пол.

Позднее Поль убедил себя, что эти его невероятные приключения еще больше похожи на правду, чем предыдущие. А так

как все равно получалось, что положения, в которые он попадал, исключали одно другое, не лучше ли с радостью принимать те, которые напоминали дивные сны, приходящие на смену ужасным кошмарам.

Главное было после таких ушатов холодной воды не протянуть ноги. Да и что там холодной, сначала два раза обдали кипятком, потом три раза ледяной, и лишь раз ему повезло на теплую.

Жинесте тоже экспериментировал с «мемо-2», но, должно быть, принял слишком маленькую дозу, потому что результат получился не такой, как у Поля. Просто лучше, чем с «мемо-1», проявилась способность восстанавливать в памяти события прошлого.

Поль решил повторить опыт, который он проделал раньше, и с такой же дозой. Она была, по-видимому, раза в два больше той, что принял Жинесте.

Поль идет по шоссе у самой обочины. Он толкает перед собой деревянный чемодан на двух колесах от мотоцикла и с ручкой от метлы. Мать и старшая сестра шагают рядом, впереди трусит Фидо — их путь лежит в Нормандию. Но вот Фидо валится в траву и лижет себе лапу. Уже пять дней, как они в дороге. И за это время прошли лишь сотню километров. Надо снова помочь Фидо, у которого стерлись подушечки на лапах. Его берут на руки и укладывают на корзину, где он и разваливается с грациозностью коровы. Их перегоняет машина. Это «вива-стелла».

Каникулы в их семье всегда считались святым делом. В этом году они не смогли поехать на поезде. Тогда пришлось соорудить тележку, куда свалили три одеяла и три соломенных тюфяка.

Опускается вечер. Всей семьей они впрягаются в тележку, чтобы вытащить ее в поле: по земле она катится не так хорошо, как по шоссе.

Они устраиваются на ночлег, стелют простыни, в которых кое-где просвечивают дыры. Едят хлеб с кровяной колбасой, запивая молоком. Кровяная колбаса — вещь сытная. За десять су можно наесться до отвала. Три картофелины, и ничего больше не надо. Даже четырнадцатилетнему Полю с его аппетитом.

Полю что-то не спится. К концу дня на небе нависли тучи. Если начнется дождь, придется вытаскивать из чемодана большую клеенку. Пока ее как следует расправишь, все вымокнут.

Но бояться им надо было не дождя. Откуда ни возьмись появляется крестьянин со своим мотоциклом и направляет на них фонарь. В его голосе слышится подозрение и угроза: женщины, мол, да ребенок ждут, когда явится мужчина, а тот не иначе как отправился кроликов воровать.

Ну что ж, надо вставать, все снова укладывать в чемодан и освобождать поле, чужую частную собственность, чтобы найти себе другое. И Поль снова шагает в ночи. Сон одолевает его. Но дождя нет. Считай, повезло.

Наконец Поль очнулся. Первой подошла к нему Изабелла. На губах у нее играла улыбка.

— Получилось, — сказал он.

Никто не проронил ни слова.

— Я о путешествии в свое прошлое, я снова стал ребенком и еще раз пережил частицу прежней жизни.

— Ну и как это? — спросила Изабелла.

— Ни хорошо, ни плохо. Потом расскажу. Моя семья была, как бы это выразиться, довольно колоритной.

Поль встал.

— И почему это, — спросил он, — никто из вас, кроме Жинесте, не отважится испробовать «мемо-2» на себе?

Дармон украдкой, как бы виновато, взглянул на него.

— Я ведь принимал С-24.

— Я о «мемо-2».

— «Мемо-2» — это ваше детище, — ответил Дармон, кивая на Поля с Изабеллой.

Поль подумал о Венсане. Где-то он теперь? В каком из миров, перпендикулярных настоящему?

— И потом, — продолжал Дармон, — я принял С-24, и с меня хватит.

Все ждали, что он скажет еще.

— Я был чем-то вроде антилопы, и на меня набросился махайродус.

— Кто набросился? — переспросила Мариетта.

— Это такой тигр, у которого клыки в виде лезвия сабли. Я очнулся от боли.

— Очень мило! — вставил Жинесте.

Дармон резко обернулся.

— Ты и представить не можешь, что это такое. Куда ни ткнешься, везде живые существа пожирают друг друга, и пожирают живыми. Вот она — бесконечная доброта создателя. Надо бы каждого верующего подвергнуть такому эксперименту, чтобы вышибить из него эти глупости.

— Идея хорошая, — сказал Жинесте, — только трудноосуществимая.

— Все это потому, — уточнил Поль, — что С-24 восстанавливает не только те воспоминания, что записаны в генах одного вида. Он опускает еще глубже. Можно, к примеру, испытать то, что чувствовал в свое время птеродактиль. С-24, может, вовсе и не тупик, а просто инструмент для исследования.

— Вот ты его и исследуй, — предложил Дармон. — А когда тебя сожрут или вражеское племя сожжет тебя живьем, тогда поговорим.

Поль и правда очертя голову пустился в свои опыты, пытаясь установить, как легче переходить из одного состояния в другое. Как бы там ни было, весь ужас случившегося с ним в предыдущий раз настолько превзошел допустимые пределы, что выработанное им безразличие к резким изменениям оказалось неспособным сбить волну эмоций.

На некоторое время он уединился с Изабеллой.

— Ты в призраков веришь? — нерешительно проговорил он. Она нахмурила брови.

— Что за вопрос такой?

— Нет, ты скажи...
— Нет, не верю, — сказала Изабелла. — Это какая-та мистика. Об этом и говорить-то серьезно нельзя.
— Я так и думал. Но ты ведь знаешь мои сложности...
— Как, ты теперь еще и призраков видишь?
— Нет, теперь не вижу.
И он обнял ее. Она в ответ поцеловала его.

Изабелла вышла из «дофина».
— Пойду схожу в магазин, — сказала она, — кофе кончился и сахар. Ты мяса хочешь?
— Да, толстенный бифштекс. А то я голодный как волк.
— И банку зеленой фасоли... и апельсины. Будет сделано.

С этими словами Изабелла отправилась в магазин. Поль тоже вылез из машины, открыл дверь в небольшое здание, поднялся по лестнице и вошел к себе в комнату. Поставил пластинку, приготовил два стакана сока со льдом и уселся в кресло. Время шло, а Изабеллы все не было. Тревога снова вернулась к нему, и Поль поспешил на улицу. Быстрым шагом добрался до лавки мясника.

— Моя супруга давно была у вас? — спросил он подавленно.

По выражению на лице мясника Поль понял, в чем дело.

— Мсье Эрмелен, надо взять себя в руки, как-то отвлечься...

— Спасибо, — пробормотал Поль.

К себе он возвращался сгорбившись, словно тяжелый груз придавливал его к земле. Когда он вошел в комнату, его оглушила музыка. Поль бросился к проигрывателю и швырнул его наземь. Потом принялся топтать его ногами.

Он упал в кресло. Кругом стояла глубокая тишина. Поль прошептал:

— ...Нет... Это невозможно... Я так долго не протяну.

Он взял телефонный справочник и снял трубку.

— Алло. Скажите, «лонг райфл» двадцать второго калибра все еще в свободной продаже? Да? И давно? Спасибо.

И Поль с удрученным видом положил трубку на место.

Инспектор в полицейском участке в упор глядел на Поля. Это был тот же самый, что приходил допрашивать Поля в больницу.

— Я завтракал с ней накануне своей поездки в Барвиль. И с тех пор не видел, — сказал Поль.

— А зачем было возвращаться через двадцать четыре часа, если вы взяли пятнадцать дней отпуска?

— Я не мог вынести одиночества. Я вообще не люблю бездельничать. Вы ведь знаете, я снова начал работать.

— Да, конечно. Ну что ж, мы постараемся установить, куда отправлялась мадемуазель Комбо перед тем, как ее убили. Всегда бывают свидетели, заявляющие о себе с опозданием. Одни видели, как жертва садилась в машину, другие — как выходила из дома где-нибудь на отшибе. Достаточно набраться терпения.

Терпение, мсье Эрмелен, вот без чего нам, полицейским, не обойтись.

Он встал. Поль последовал его примеру. Попрощались они холодно.

Выходя из участка, Поль подумал, что хорошо сделал, когда посоветовал Мариетте никому не рассказывать, где она намеревается провести выходные дни. Как это вообще пришло ему в голову?

И только Поль подумал об этом, как ему вдруг показалось, что за его спиной раздался смех Изабеллы. Он резко обернулся. На улице никого не было, кроме регулировщика около префектуры. Регулировщик подозрительно уставился на Поля.

Поль, нахмурившись, пошел дальше. Переходя через улицу, он чуть было не угодил под машину. Потом снова посмотрел назад. У него было такое впечатление, что его в последний момент кто-то удержал.

Полю снилось, что он пьет чай с Изабеллой. Все шло как нельзя лучше, только вот взгляд у Изабеллы был какой-то стеклянный и в виске зияла дыра.

— Ты сделаешь, что я хочу, — произнесла она, не пошевелив губами.

— У тебя чай остыл, — сказал Поль.

— Я еще холоднее, чем чай, — возразила Изабелла.

— Что я должен сделать?

— После узнаешь. И я не советую тебе отказываться. Я люблю тебя по-прежнему, ведь говорят же, что любовь сильнее смерти. Но так могут думать только живые. На самом деле сильнее смерти жизнь. И я не хочу оставаться мертвой.

— Ты же не всегда мертвая. Бывают минуты, когда ты живая.

— А я вообще не хочу, чтобы были такие минуты, когда я мертвая. Смерть оставляет свой отпечаток. Та, что сейчас с тобой говорит, совсем мертвая.

— Ты говорила, что не веришь в призраков.

— Не помню, чтобы я такое говорила. Но в одном случае они существуют. Я знаю это с тех пор, как сама стала призраком.

— Что это за случай?

— Еще узнаешь. По крайней мере если не захочешь быть со мной заодно. Тогда я тебя прикончу, как однажды уже пыталась сделать и как убила Мариетту.

— Но Мариетта тоже не всегда мертвая.

— Знаю. Но когда ей ожить, зависит от меня.

— Почему ты ее убила?

— Под руку попалась.

Полю пришлось выплюнуть чай, который он чуть не проглотил: в чашке была кровь.

— А Венсан, он есть или его нет?

— Выбрось из головы Венсана.

— Как это выбрось, я его отец!

— Это мы еще увидим.

— А зачем было стрелять в меня и в себя?

— Затем.

— Если ты меня по-прежнему любишь, то почему каждый раз, появляясь, ты делаешь такие страшные вещи?

— Мертвые всегда неуклюжи, когда знают, что они мертвы. Еще больше, чем живые, которые, когда тонут, тянут под воду и своего спасителя. Я не хочу оставаться там, куда попала. Это значит быть нигде. В полном одиночестве.

— Да вас там должно быть тьма-тьмущая.

— Я одна. Одна. Только у меня такое положение. Все остальные совсем исчезли. От них ничего не осталось. Я же сознаю, что не существую. Это страшно. Помогите мне, Поль, помогите!

Голос ее звучал все громче, переходя почти в вой:

— Поль! Поль! Помогите!

Он проснулся холодный как мертвец, с пересохшим горлом.

В лаборатории Поль работал как одержимый. Именно как одержимый, делая вещи непонятные и на первый взгляд непоследовательные. Дармон и Жинесте порой встревоженно переглядывались. Но вопросы задавать не решались.

Время от времени Поль прекращал работать и, как казалось со стороны, надолго задумывался. На самом деле он ждал знака, который подскажет ему, что следует предпринять. Каждый раз он получал этот знак и с прежним усердием принимался за работу.

На следующий день его коллеги стали высказывать беспокойство.

— Ну как, дела идут? — осторожно поинтересовался Жинесте.

Поль странно улыбнулся.

— Идут, — только и ответил он.

— Ты не сочтешь бестактным, если я спрошу, что это ты сейчас отмеряешь?

— Да нет, я ничего не отмеряю. Просто хочу обнаружить продукты метаболизма в мозгу Миноса.

Жинесте бросил взгляд на крысу, в одиночестве живущую в клетке после смерти Тесея.

— А... — протянул он озадаченно.

Поль не стал объяснять, что эти самые продукты образовались в результате распада вещества, которое он введет Миносу через час, так как разрабатываемое им соединение походило на недавно открытые частицы, способные двигаться против временного потока. Если бы коллеги только узнали, какое вещество он взялся синтезировать, этого уже было бы достаточно, чтобы его скрутили и отправили в лечебницу Карлена. А если бы он еще признался, что столь нелепым делом занимается под руководством призрака, голос которого слышит у себя в голове, это бы их окончательно удручило и они для его же блага вообще не дали бы ему ничего делать.

И однако он совершенно явно обнаружил эти самые следы распада, хотя крысе с утра ничего не давали, кроме воды.

Улучив минуту, когда Дармон и Жинесте занялись своими

делами, Поль ввел Миносу полученное им вещество. После этого каждый час брал пробы мочи у животного, но ничего в них не нашел.

Тогда он снова взялся за изучение молекулярной структуры, выделение самого соединения и очистку побочных продуктов. Предстояло еще найти производное, продукты разложения которого появляются с большим опозданием, через недели, месяцы... до его введения, разумеется.

Рядом с ним возник Дармон.

— Сюрприз нам готовишь? — спросил он, предупредительно улыбаясь.

— Надеюсь, — ответил Поль, не поднимая головы.

Дармон и Жинесте отошли пошептать. Но Поль заметил это. Направился прямо к ним и без обиняков заявил:

— Я еще в своем уме и не делаю втихую взрывчатку, чтобы снести с лица земли больницу. И не такой я больной, как вы думаете. Потерпите немного, и я сам вам скажу, получилось у меня или нет. Но умоляю, дайте мне спокойно работать.

Стоило ему повернуться к ним спиной, как Дармон с Жинесте обменялись взглядами, в которых сквозило сочувствие, смешанное с беспокойством.

На третий день Поль после сушки получил кристаллы, очень красиво отливавшие зеленым. Его коллеги пришли полюбоваться, и вид у них был преувеличенно заинтересованный, как если бы они смотрели на бумажный кораблик, который смастерил ребенок. Деланно улыбаясь, они кивали головой в знак одобрения.

— Я говорил с Карленом, — тихо сказал Жинесте.

Поль холодно взглянул на него.

— Ну что, он тебя успокоил?

Жинесте смутился.

— И да и нет. Он думает, что, когда человека постигло горе, ему полезно уйти в работу. Но все-таки хорошо бы нам знать, что ты там такое пытаешься получить.

Поль показал на кристаллы.

— Вы хотите знать, что это такое?

— Мариетте было бы интересно, — промолвил Дармон.

После долгого молчания Поль наконец сказал:

— Я назову это «мемо-3».

Дармон с Жинесте переглянулись, ограничившись лишь весьма пресными изъяснениями радости. Дармон без особого энтузиазма произнес:

— Браво.

— Долгая лета «мемо-3», — сказал Жинесте с плохо скрываемым состраданием в голосе.

Когда они оставили его в покое, Поль задумался над вопросом, касавшимся скорее философии, чем фармакологии, пытаясь облечь его в слова. Теперь уж он проучит эту самую причинность, которая сыграла с ним злую шутку.

Поль решил ввести «мемо-3» Миносу через два часа. Начав тут же брать пробы, он обнаружил в них продукты распада. После этого принял другое решение — ничего не вводить. Имеет человек право передумать?

Для пушей надежности Поль вышел из лаборатории, перешел

больничный двор, заглянул в небольшое кафе, сел за столик, заказал кофе и углубился в чтение журнала.

Оторвался он от журнала, только когда прошло тридцать минут после времени, намеченного им для ввода «мемо-3».

— Где это ты пропадал? — спросил Дармон.

— Да ходил кофе пить.

— Ты оставил шприц и лист, на котором написано: шестнадцать тридцать. Думаю, я правильно сделал, что ввел Миносу то, что было в шприце.

Поль открыл рот, потом снова закрыл.

— Да, хорошо, — только и сказал он.

Ему теперь казалось, что причинность стоит и ухмыляется за его спиной. Он почти не сомневался, что любой опыт подобного рода привел бы к такому же результату.

Поль остался в лаборатории после ухода коллег, отговорившись тем, что ему еще надо кое-что доделать. Потом взял несколько зеленых кристаллов и положил под язык. И стал ждать, без конца повторяя: свитер, а не куртка, свитер, не куртка... И тут наступил глубокий провал.

Куртка присоединилась к другой одежде Изабеллы, которая висела в платяном шкафу. Поль хотел было пришить брошку к клетчатой куртке. Но передумал, сам не зная почему. Брошка должна остаться там, где была — на свитере. К куртке она, конечно же, не идет. Вкус у Изабеллы был. Он прикалывает булавку к свитеру и с удовлетворением смотрит на то, что сделал. Потом готовит себе кофе, ставит на проигрыватель Квартет ре минор Шуберта. Но это такая мрачная музыка, что он выключает проигрыватель.

Поль влетел к себе со всех ног. Тут же бросился к гардеробу, рванул дверь. И остановился в замешательстве. Брошка блестя на свитере. Прихрамывая, он дошел до стенного шкафа. Вынул белую скатерть и постелил на стол. Вытащил из кармана пакетик с кристаллическим порошком и положил на скатерть. Потом налил воды в тщательно вымытый стакан и поставил его рядом с пакетиком. Сам сел за стол, словно готовясь к ритуалу. Наконец, собравшись с мыслями, взял щепотку порошка, проглотил и запил водой.

Поль входит в магазин.

— Мне нужны холостые патроны.

— Какого калибра?

— Двадцать второго. Для «лонг райфл».

Продавец дает Полю патроны. Поль выходит из магазина и возвращается к себе. Войдя в комнату, он останавливается в нерешительности, потом идет к комоду, открывает нижний ящик, вынимает лежащую там женскую одежду, находит револьвер, высыпает патроны из барабана и заряжает холостыми. Затем осторожно кладет оружие на место, сверху забрасывает одеждой, закрывает шкаф и идет в гостиную.

В этот самый момент туда входит Изабелла. Они обнимаются. Поль не замечает слез, выступивших на глазах у Изабеллы.

Из сумеречного состояния Поль вынырнул с ощущением полного счастья и безопасности. Он знал, что Изабелла спасена. Поль поднялся с кресла: хромота прошла. Холостые пули не ранят... издаലെка по крайней мере. Вдруг им овладело некоторое беспокойство, и он позвал:

— Изабелла!

— Да! — ответил голос Изабеллы.

Его жена появилась в проеме двери, ведущей в комнату. В руках она держала журнал. Поль подошел к ней и провел рукой по виску, где был шрам от ожога.

— Я никогда не сумею понять... — сказал он.

— Я тоже, — призналась Изабелла. — Нашло вдруг. Мы оба много работаем.

Но Поль немного слукавил. Он все-таки надеялся когда-нибудь понять, что двигало Изабеллой. В отместку Поль постарался скрыть от нее, как получилось, что она снова жива... при том, что от той действительности, когда она была в могиле, не осталось ровным счетом ничего. Он пока не знал, почему это кажется ему таким важным, но чувствовал, что вот-вот догадается.

Про себя он подозревал, что так или иначе здесь виновато соединение, которое он синтезировал. В не меньшей степени, чем тот способ, которым он предотвратил трагедию. Но как призрак Изабеллы мог знать это вещество и метод его получения — это осталось для него тайной за семью печатями, как и то, почему Изабелла хотела убить себя и его.

— Да, — сказал он. — Я думаю, работа нас доконает.

— Если мы сами друг друга не доконаем, — прижавшись к нему, добавила Изабелла.

Тем временем Мариетта, казалось, совсем и не подозревала, что побывала на том свете. Никто в лаборатории не удивлялся тому, что она жива, как, впрочем, и тому, что жива Изабелла. Поль, радуясь, что все так получилось, снова ушел с головой в работу, намереваясь отыскать пути, которые привели бы его к «мемо-3». Но он помнил лишь, как с невероятной скоростью продельвал опыты, повинувшись чужим указаниям, смысл которых до него не доходил, и в три дня сумел сотворить то, для чего понадобились бы годы целой группе высококвалифицированных специалистов.

Тогда он решил ограничиться более скромной целью: возобновить с Изабеллой тщательную отработку «мемо-2». Но ему не давало покоя странное вещество, всю мощь которого он испытывал на себе. «Мемо-1» обострял память. «Мемо-2» давал удивительную иллюзию переживания прошлого. Но «мемо-3» — это нечто иное. Это походило на внутренний поток, не только способный, подобно «мемо-2», уносить в прошлое, но и дающий проташить туда решения, принятые в настоящем, которые таким

образом начинают влиять на ваши действия в прошлом. Как это можно объяснить с физиологической точки зрения?

Налицо отрицательный во времени метаболизм, немыслимый, противоречащий всем законам физики и физиологии, в котором, однако, эти самые законы не дают усомниться. Достаточно ли влияющего в обратном направлении переноса информации, воздействующей на нейтроны, чтобы склонить волю к изменению постуков? Похоже, что это как раз и имеет место, и в мембранах и передатчиках нервного импульса при получении неосознанно поступившей информации возникает определенный электрический заряд.

Как бы там ни было, Поль не желал мириться с тем, что это соединение уплыло из его рук. Он не мог заниматься одним только улучшением «мемо-2». Он ухитрился выцарапать из памяти некоторые из стадий, которые проделывал по чужому наущению. Может, это что-нибудь и даст? У него было так мало шансов восстановить формулу «мемо-3», что он приобшил к своей работе Изабеллу, не упоминая при этом, что «мемо-3» уже существовал. Было очевидно, что представление о «мемо-3» имел только призрак, с исчезновением призрака исчезло и представление, а Изабелла была не в состоянии хранить в памяти прошлое, которое стало теперь другим.

Но почему сам Поль не забывал ни одно из этих противоречащих друг другу прошлых событий, в то время как все, с кем он имел дело, — собственно говоря, все люди вообще — оставались пленниками одного мира, считая его единственным?

То ли благодаря обрывкам воспоминаний, оставшихся у Поля о стадиях получения «мемо-3», то ли просто ему повезло... но они за неделю смогли синтезировать новое вещество, которое первым довелось испробовать Миносу.

И снова никаких видимых изменений с крысой не произошло, и из ее поведения трудно было вывести какие-либо заключения. Каждый раз, когда Поль пытался взять у нее пробу мочи, крыса забивалась в угол клетки.

При третьем взятии пробы он обратил на это внимание Изабеллы.

— Душно, — предположила Изабелла.

Поль состроил гримасу. У него создалось впечатление, что дело не в этом. Через час он вернулся, держа что-то за спиной. Минос уже стоял на задних лапах, взявшись передними за решетку.

Изабелле Поль показал, что принес. Это была вовсе не игла для взятия пробы, а кусок сыра.

— Ну как? — спросил он.

— Почуял, — ничуть не усомнившись, подтвердила Изабелла.

— Прекрасно.

Он взял несколько проб — не столько для анализа, сколько для того, чтобы возбудить рефлекс. И каждый раз Минос забивался в угол. Потом без предупреждения Поль явился, держа сыр в пластмассовой упаковке.

Минос, поводя носом, уже стоял на задних лапах.

— Он чувствует запах! — заметил Поль.

Изабелла с любопытством поглядела на Поля, но ничего не ответила.

— Поняла? — спросил Поль.

— Объяснишь, пойму.

— Так вот, Минос угадывает, что я собираюсь делать.

— Поль, ты думаешь, среди крыс есть ясновидцы?

— Я ничего не думаю. Я констатирую. Хочешь, мы повторим опыт после того, как все вещество будет удалено из организма?

Изабелла ответила, что так обычно и поступают. Когда же они это проделали, ей пришлось признать, что в этом случае Минос полностью терял способность угадывать.

Пока Изабелла не знала, что сказать, Поль предпринял новую серию опытов. Никакого сомнения не оставалось: он синтезировал вещество, еще более необычное, чем все другие. Поль места себе не находил от возбуждения. Новое вещество он предложил окрестить «мемо-4».

— Почему не «мемо-3»? — спросила ничего не подозревающая Изабелла.

Поль прикусил язык.

— Да, то есть... Но, по сути, он так не похож на «мемо-2», что я думаю: пусть будет «мемо-4». Оставим немного места для «мемо-3», который мы еще получим.

Изабелла пожала плечами.

— Как хочешь, — безразличным тоном произнесла она.

Поль поглядел на колбу с «мемо-4».

— Теперь только нужно эти синие кристаллики попробовать.

— Фу! Вылитый сульфат меди.

— Ну и что, я все равно попробую, — и он поднял палец, призывая к вниманию, после чего изрек: — Еда, не причинивши вреда Миносу, да не лишит жизни и Поля... Глава четвертая, стих двенадцатый.

Поль начал оформлять заявку на «мемо-2». Он предпринял все необходимые шаги, собрал требуемые сведения, но все никак не мог принять окончательное решение. Ему казалось, что тем самым он положит начало разглашению своего изобретения. А такая опасность появилась, особенно когда за дело взялся Жинесте, представлявший Национальный центр научных исследований. Поэкспериментировав с веществом, он пришел в восторг от своего путешествия в прошлое. «Совсем не то, что С-24», — говорил он.

Поль вплотную занялся «мемо-4». Почему бы не принять небольшую дозу и не посмотреть, что получится. Может, перед ним раскинется широкая панорама предстоящих двадцати лет, а может, он всего лишь удостоверится, будет ли завтра дождь.

Был и другой способ, тот, что Поль использовал во время первого своего опыта с «мемо-3», когда сосредоточил мысли на брошке Изабеллы. И на том, что он обязательно должен перезарядить револьвер. Способ этот заключался в том, чтобы изо всех сил думать о каком-нибудь определенном дне. С «мемо-3» вышло здорово. Почему этот способ должен не сработать с «ме-

мо-4»? Но сохранится ли при этом память о совершенном путешествии?

Оставшись в лаборатории вдвоем с Изабеллой, Поль поставил себе целью перенестись в будущее на пятнадцать лет вперед. Приняв одну сотую грамма «мемо-4», он все время повторял про себя это число, пока сознание не покинуло его.

Поль идет по бульвару. Ночь. Половина фонарей не горит. Вдоль тротуара стоят обычные машины, но вид у многих из них плачевный: краска содрана, буфера залатаны на скорую руку, на радиаторе вмятина.

Он узнает перекресток Вавена.

Кафе закрыты, и на бульваре никого нет. А между тем часы показывают десять тридцать.

Поль ступает на мостовую, чтобы перейти на ту сторону, но тут подъезжает машина и останавливается рядом с ним. Из нее выходят двое полицейских. Один из них достает что-то из кармана и вкладывает Полю в руку. Это белая таблетка. Поль смотрит на таблетку, на полицейского. Тот берет его за руку и ведет к ближайшему зданию.

Полицейский открывает дверь и подталкивает Поля. Потом запирает за ним. Поль оглядывается. Он в холле большой гостиницы, где царит беспорядок. Разбитые бра распространяют тусклый свет. Медленным шагом Поль пересекает холл. Подходит к стойке, за которой никого нет, разглядывает шкафчик для почты. Все покрыто пылью. Он поворачивается, возвращается к двери, пытается открыть, но безуспешно. Опускается на пол рядом с ней, прислоняется к стене и так и сидит, неподвижно, скорчившись. Потом разжимает кулак. На ладони у него блестящим пятнышком лежит таблетка. Он бросает ее через холл, она катится по плиточному полу. Поль слышит, как она катится.

— Похоже на сон, — сказал он Изабелле, — я спал?

— С открытыми глазами, — ответила Изабелла. — Это выглядело странно.

Она положила на тюфяк шприц с ларгактилом, который вводят при опасных судорогах.

Поль задумался.

— Я нырнул в будущее, — сказал он. — Хорошего мало. Не знаю, что уж там происходит, но видела б ты это.

— А где доказательства, что это было будущее?

Поль покачал головой.

— Все-таки боюсь, что я прав. Я сужу по Миносу.

Теперь уже задумалась Изабелла.

— Мне бы тоже хотелось там побывать.

Поль взял ее за руку.

— Не сейчас. Прошу тебя.

— Почему? Разве там опасно?

— Не знаю.

— Вижу, что не знаешь. Еще нарвешься там на свою же

смерть и не вернешься назад. Не хочу, чтобы ты принимал этот порошок.

Поль в сомнении пожал плечами.

— Нет... подожди, пока я тебя там не встречу.

Она улыбнулась:

— А если мы к тому времени уже расстались?

Он привлек ее к себе:

— Мы не расстанемся никогда.

Поль поднимается. Подбирает таблетку и кладет в карман. Он поддался минутному порыву и знает, что сделал это зря. Действовать нужно не так.

Он входит в лифт, нажимает на кнопку третьего этажа, рядом с которой висит дощечка с надписью «Мемодром».

Коридор третьего этажа ведет к комнатам без двери. Половина комнат занята людьми, валяющимися на койках в самых разных, порой неудобных позах.

Поль входит в одну из комнат и растягивается на койке, проверив предварительно, по-прежнему ли таблетка у него в кармане. Может прийти надзиратель и увидеть, что он в сознании. Надо все время иметь при себе таблетку, ведь надзиратель может заставить ее принять.

Но никто не приходит. Поль знает, люди редко проявляют неповиновение, когда их заставляют делать что-нибудь приятное.

Слышно, как в соседней комнате дышит женщина. Ее дыхание учащается, учащается и переходит в характерный крик удовольствия. Потом снова воцаряется тишина.

Любознательство заставляет Поля подняться с койки поглядеть на свою соседку. Он входит к ней в комнату. Женщина по-прежнему спит. Дыхание у нее теперь мерное. Ей лет семьдесят пять.

Поль возвращается к себе. Вытаскивает из кармана таблетку, перекатывает ее на ладони, освещаемой скудным светом покрытой пылью люстры. Потом идет к грязному, выщербленному умывальнику, берет чудом уцелевший стакан, наполовину наполняет водой и хочет уже проглотить таблетку.

Но тут же резко перевортывает стакан, выливая воду в раковину, снова кладет таблетку в карман и залезает на койку.

Поль был так подавлен увиденным, что почти ничего не стал рассказывать Изабелле. Сразу пошел к Жинесте.

— Надо прекратить это немедленно.

Жинесте удивленно вскинул брови.

— Что прекратить?

— Работу с «мемо-2».

— Но ты сам согласился его запатентовать.

— Запатентовать и начать продажу — это не одно и то же. Жинесте расплылся в улыбке.

— Конечно. Но не забывай, что решающее слово за Национальным центром научных исследований.

— Национальный центр — это ты, — холодно возразил Поль. Жинесте покачал головой.

— Не совсем так. Мое личное мнение ничего не решает. Я обязан согласовывать свои действия с требованиями министерства.

— Почему не с армией?

Его собеседник изобразил на лице удивление.

— Кто тебе сказал...

— Никто. Что произошло?

Жинесте почесал затылок.

— Приходил государственный секретарь с одним генералом.

— Ну вот, — проговорил сквозь зубы Поль.

Жинесте развел руками.

— Армию это вроде не заинтересовало. А вот правительству препарат пришелся по душе.

— Думаю, оно должно запретить его продажу.

— Посмотрим, — с сомнением произнес Жинесте. И тут же нахмурил брови: — А что это ты вдруг взбеленился?

Поль сдержался. Не станет же он рассказывать о существовании «мемо-4». Жинесте разболтает всему городу. Тут уж армия зевать не будет.

Он не мог объяснить Жинесте, какие у него основания опасаться того, для каких целей станут в будущем использовать «мемо-2».

— Осторожность не помешает, — ответил Поль. — И мне не нравится, когда изобретение выскальзывает из рук изобретателя.

— Но так зачастую и случается.

— Потому что власти считают себя владельцами любого изобретения и единственными, кто правомочен им пользоваться. Но и то и другое неверно. Однако все получается по их желанию, потому что слова всегда обладают большей силой, чем идеи.

Жинесте молчал. Широкая складка пересекала его лоб. Трудно было догадаться, заботило ли его будущее или он был недоволен позицией, которую занял Поль. Однако по общей его реакции Поль склонен был заключить, что верно второе.

— Ты меня поддержишь? — спросил он, чтобы удостовериться в том, что не ошибся.

— Не стану тебе ничего обещать, — ответил Жинесте, отводя глаза в сторону.

Итак, рассчитывать на Жинесте Полю не приходилось. Зря он отправил заявку на патент на «мемо-2» до того, как испытал «мемо-4». Но чтобы избежать этой ошибки, ему нужно было принять «мемо-4» раньше, чем он его открыл.

— Ладно, — заключил Поль. — Придется мне самому расхлебывать.

Он думал, что, хотя «мемо-3», а значит, и прошлое, вне его досягаемости, у него есть «мемо-4» и он сможет узнать о будущем все, что нужно. Но будет ли от этого польза?

Прежде чем отправиться в мысленное путешествие, Поль должен был уяснить кое-что относительно «мемо-4», необходимого для такого путешествия.

Они только отобедали вдвоем в своей квартире. Поль зажег спичку для Изабеллы, потом прикурил сам.

— Получается, что «мемо-4» где-то накапливается, бог знает где, может быть, в нейроглии... и ждет, когда пройдет нужный срок.

— Срок, который ты сам наметил, когда принимал вещество.

— Вот именно. Это предполагает связь между задерживающим эффектом продукта и осознанием протекшего времени.

— Это хоть и выглядит необычно, — сказала Изабелла, — но все же не так, как память о будущем.

— И я так думаю. На самом деле я получаю меморные сигналы, допустим, из тысячи девятисот семьдесят седьмого года, а у меня создается впечатление, что я сам нахожусь в том времени. Значит, при метаболизме «мемо-4» во времени должен наблюдаться не только контролируемый задерживающий эффект, но и возвращающий.

— Но продукты разложения обнаруживаются сразу после ввода вещества в организм. Это не подтверждает наличия задерживающего эффекта. Иначе их находили бы через определенное время — у Миноса через час, у тебя через пятнадцать лет...

— Мы с тобой сделали ошибку, и вот какую: то, что мы находили, — это не продукты разложения «мемо-4» в организме, а продукты распада соединения, метаболизм которого протекает ретроактивно, само же это соединение «мемо-4» индуцирует — будет индуцировать — в центральной нервной системе при своем выделении через определенное время. Это соединение, если я сумею его выделить, как раз и займет место между «мемо-2» и «мемо-4», может, вместе с другим...

— Ретроактивный метаболизм? — переспросила Изабелла.

— Точнее сказать, отрицательный во времени, — пояснил Поль, продолжая думать о веществе, которое он синтезировал по указке призрака.

— То есть вещество, которое разлагается еще до образования? Слушай, а ты уверен, что поправился?

— А каким образом ты тогда объяснишь воспоминания, приходящие из будущего? Каждый процесс в сознании строится на физиохимической основе. Если сам процесс противоречит всему наблюдаемому, значит, его основа не подпадает под известные категории. Или тогда приходится признать сверхъестественное.

Произнося эти слова, он думал о том, как общался с призраком. Но что-то подсказывало ему — впрочем, и сам призрак первым это подтвердил, — что подобное явление не объясняется обычными для мистицизма схемами и вовсе не служит доказательством существования потустороннего. Кроме того, особенно если учесть, к чему привели его поступки, Поль больше не мог верить в свое сумасшествие. Призрак, стало быть, действительно существует и своими действиями влияет на настоящее.

Поль смутно чувствовал, что, если он только не прожил по-

следние несколько лет во сне со своей, присущей сну, логикой, с ним приключились события, ему не подвластные.

— Сверхъестественное... — повторила Изабелла. — По мне, так если вещества распадаются в организме до того, как их ввели, это как раз и пахнет сверхъестественным.

— Тут большая разница, — возразил Поль. — Как между настоящим волшебником и ненастоящим.

— И какой же из них имеет дело со сверхъестественным?

— Конечно, настоящий.

— Но волшебников не бывает.

— Вот именно.

— А что же тогда ненастоящий?

— Он создает иллюзию сверхъестественного.

— Как твой ненормальный метаболизм?

— Вроде того. Я смотрю, тебе не по душе ненормальное?

Изабелла улыбнулась. Они обнялись.

Поль лежит, вытянувшись, на койке. Из коридора доносится шум. Какие-то люди, переговариваясь шепотом, переходят из комнаты в комнату. Поль усаживается на своем ложе.

Появляется человек со шприцем в руке.

— Не стоит беспокоиться, — говорит Поль и показывает таблетку.

Человек с удивлением глядит на Поля. И тут на его лице проступает презрение, смешанное с ненавистью. Он оборачивается и говорит приглушенно:

— Надо же! Эрмелен собственной персоной.

Входят двое других.

— А, решил побывать в шкуре своих рабов? — спрашивает один из них.

— Полицейские запихали меня сюда насильно.

Те трое так и прыскают со смеху.

— Вернулось бумерангом, — произносит третий. — Словом, пошли с нами.

Поль послушно встает и следует за ними. Они проходят мимо комнаты, откуда слышится шум борьбы. Поль останавливается. Он видит человека, который стоит пошатываясь, поддерживаемый двумя другими, и пытается как-то изловчиться, чтобы их ударить. Этот человек хочет закричать, но слабый голос не слышится.

— Сволочи! Я как раз ложился с ней в постель.

— Ляжешь теперь с другой, — говорит один из тех, кто его держит.

— Плевать мне на других!

— Иди-ка лучше поработай, если хочешь жить, дерьмо, — и те двое поволокли его в коридор.

Поль не слышит больше их голосов. Его самого подталкивают к лифту. Те же тем временем сбегают по лестнице. В проемах без дверей маячат люди, выкрикивающие ругательства. Лифт опускается.

Поль в сопровождении своих похитителей пересекает холл. Один из них открывает дверь гостиницы. Около тротуара урчат

три грузовика. Все в них залезают. Только тот, что упирался в комнате наверху, опустившись у обочины, продолжает канючить:

— Женеьева! Женеьева!

В эту минуту появляется другая машина. Раздаются выстрелы. Три грузовика тут же рассредоточиваются. Сидящие в них отстреливаются. Полицейскую машину заносит, она скользит по асфальту и валится на бок.

В заднее стекло Поль видит, как из покореженной машины выскакивают полицейские. Слышатся еще выстрелы. Пуля, пробив стекло сзади, свистит у самого уха Поля и делает дыру в смотровом стекле.

— Так, значит, вы и есть та самая служба пробуждения? — спрашивает Поль.

Поль знал, что Изабелла раньше чем через полчаса не вернется. Это было кстати, и он решил воспользоваться ее уходом, чтобы сделать новый скачок во времени. Но что можно будет рассказать ей о происшедшем?

Любознательство толкало его продолжить эксперимент. Бросив взгляд на часы, Поль вновь принял немного порошка. Теперь он знал, как влияет дозировка: отрезок времени, в который он попадал, зависел только от его воли, а длительность путешествия — от того, сколько он примет вещества.

Сама же эта продолжительность никак не была связана с продолжительностью бессознательного состояния, в котором он находился в настоящем. Поль мог часами, а то и днями копаться в будущем. Без сознания он оставался не более получаса. Но вот мысли его спутались. Комната поползла в тумане. Другой мир вставал перед ним.

Вопрос остается без ответа. Машины вырываются из Парижа, поворачивают в грязный пригород и останавливаются наконец у какого-то старого гаража. Поля подталкивают к выходу и ведут в гараж. Освещение тут такое же скудное, как и в гостинице Мемодрома, но уже по другим причинам.

В гараже люди, вооруженные автоматами. Все поворачивается к Полю. Один юноша подходит и плюет ему под ноги.

— Я не хотел разглашать формулу, — говорит Поль.

Кто-то вбегает в гараж с криком:

— Полиция!

Все разбегаются. Юноша смотрит Полю в лицо:

— Надеюсь, в этой заварухе тебя прикончат.

Раздаются выстрелы. Стекла в гараже разлетаются вдребезги. Полю хорошо видна дыра, пробитая пулей в голове террориста. Тот валится на землю.

Стрельба вокруг Поля вдруг прекратилась. Убито больше половины террористов. Остальных в наручниках выводят во двор, где их поджидают полицейские машины.

Полицейский в штатском подходит к Полю:

— Вы, профессор?

И, обернувшись к своим коллегам, произносит:

— Отпустите его, это Эрмелен.

Те почтительно расступаются.

Изабелла нашла его в подавленном состоянии.

— Не лучше ли прекратить, а то это превращается в токсикоманию.

— Ты, конечно, права. Но загнивающее общество, полицейский режим, заставляющий людей укрываться в своих воспоминаниях, — это ведь из-за продажи «мемо-2». Прекрасное средство сделать людей послушными — заставить их уйти в воспоминания о лучших минутах жизни, заставить переживать эти минуты снова и снова... и так до бесконечности — они будут уклоняться, без конца уклоняться от борьбы, ведь, что ни говори, уходить в прошлое проще, чем бороться за новое счастье.

Изабелла молчала, пораженная. Потом вдруг выпалила:

— Но я так же виновата, как и ты.

— Нет, — резко возразил Поль. — Мы оба в ответе за содзание «мемо-2», но я один — за его продажу. Мне ни в коем случае не надо было брать патент. Я должен был сохранить формулу в тайне.

И он стукнул кулаком по подлокотнику кресла.

— А ведь у меня возникала такая мысль. Мне было не по себе, и одно время я не хотел даже заговаривать о патенте. Но вся эта сумасшедшая гонка после...

Поль замолк.

— После С-24? — закончила за него Изабелла.

Он скользнул по ней отсутствующим взглядом.

— Да. После С-24.

Изабелла на секунду задумалась, потом предложила:

— Схожу-ка я к Жинесте.

Поль поднял голову.

— Зачем это? — кисло промолвил он. — Переспать с ним, чтобы спасти человечество?

Изабелла ответила не сразу. Сначала погладила юбку и только потом снова подошла к Полю.

— Он женат. Живет со своей женой. Ему пятьдесят девять.

Поль расхохотался.

— Вот-вот. Седина в бороду — бес в ребро.

Изабелла сердито взглянула на него.

— Бывают минуты, когда ты мне отвратителен.

И ушла, хлопнув дверью.

Поль так и остался сидеть в кресле, скрюченный, как старик, уставившись отсутствующим взглядом через оконное стекло на здание в другом конце двора.

Наконец он поднялся, открыл ящик шкафа и вынул колбу. Высыпал на ладонь немного белого порошка. Пошел в кухню, налил в стакан воду и проглотил порошок.

Потом вернулся и сел в кресло. Подумать только, прилагать такие усилия, чтобы сохранить отношения с Изабеллой, а эти

усилия как раз и приводят к разрыву, его же тяга к знаниям оказывается причиной людских несчастий, да и самим собой он мог оставаться, лишь будучи приспешником политических террористов. Что же тогда получается?

Поль готов был погрузиться в любые воспоминания. Хоть этим он не принесет никому вреда.

Поль сидит у себя в комнате, на втором этаже. Дом находится на самом краю городка Ньёр-ля-Фонтен. Дальше железная дорога идет уже по полю. Он сидит тихо. Вот уже почти час не смолкает страшный шум. Немецкие солдаты ведут себя как муравьи в потревоженном муравейнике.

Тяжелые шаги сотрясают узкую лестницу. Раздается стук в дверь, она распахивается. Солдат в каске, подняв автомат с примкнутым штыком, жестом, не терпящим возражений, велит Полю идти за ним. Поль встает. Пропустив его вперед, солдат идет следом.

Поль оказывается в шеренге людей, выстроенных вдоль церковной стены. Он на самом краю — там, где стена кончается. Перед каждым из них солдат с ручным пулеметом. По краям шеренги тоже вооруженные солдаты.

Мысли Поля все время возвращаются к одному и тому же. У него в кармане фальшивое удостоверение, которое ему раздобыл брат благодаря своим связям с организацией Сопротивления. По этому документу он зовется Леклерком, место рождения — БенODE, возраст — на два года то ли меньше, то ли больше, чем на самом деле. Он уже забыл. Во всяком случае, удостоверение узаконивает его присутствие здесь, иначе он должен был бы находиться на принудительных работах. Неподчинение властям — это не то же самое, что активное сопротивление, это сопротивление пассивное, но наказание может последовать ничуть не меньшее. Только спасет ли его удостоверение?

Поль глядит на семьи людей, выстроенных в шеренгу. Его родные тоже здесь. Кто плачет, кто крепится. Поль же улыбается. Но вовсе не потому, что он такой смелый. Улыбка у него произвольная, да и все равно делать нечего. Без улыбки ему не обойтись. Все-таки как-никак он отличается от других. Да и несподручно убивать того, кто улыбается. Так по крайней мере думает сам Поль.

Тяжелее всего то, что ровным счетом ничего не происходит. Солдаты стоят молча, даже не шевельнутся. Один только офицер прохаживается за рядом солдат с ручными пулеметами. Он высокий, худой, остролицый. Поль бросает взгляд направо. Прямо от края церковной стены тропинка ведет в поле. Вдоль нее кусты. Рванувшись, он бы за несколько секунд добрался до них. А там поле идет под уклон, растут яблони, какие-то деревца.

Но Поль отказывается от этой мысли. Его пристрелят как зайца. Он и десяти шагов не сделает.

Но и оставаться здесь, в этой грозящей тишине, означало кончить тем же.

Тишина — это, пожалуй, не то слово. Слышно, как вдали, у Домфрона, палят пушки. Сейчас июль сорок четвертого. На-

капуне Поль слушал передачу Лондонского радио. Немецкие войска отступают, но на беспорядочное бегство это непохоже.

Часов у Поля нет, но он хорошо ориентируется во времени, как другие — на местности. Поль знает, что стоит здесь, спиной к стене, уже добрых четверть часа. Погода прекрасная. Лучшего времени, чтобы умереть в двадцать два года, не придумаешь.

Появляется сфрейтор, отдаст честь офицеру и говорит что-то по-немецки, после чего уходит. Офицер обращается к присутствующим на ломаном французском языке: он ждет распоряжений из Майсены. Потом замолкает и снова принимается ходить взад-вперед за спинами солдат.

Поль вспоминает об объявлениях на стенах парижских домов, объявлениях на двух языках, которые он читал, когда еще мог свободно ходить по улицам: «Bekanntmachung!» Какие распоряжения могут дать местные немецкие органы власти, которые эвакуируются при отходе войск? Поль знает, какие решения принимаются в таких случаях.

Следующие четверть часа проходят вдвое медленнее, чем предыдущие. Некоторые из членов семей выходят из толпы, чтобы попытаться переговорить с офицером. Он приказывает им отойти еще на десять шагов. Люди, стоящие у стены, переглядываются. Раздается шепот, прерываемый криком «молчать!».

Вот и все события, которые занимают людей, томящихся в ожидании. За день солнце успело здорово нагреть стену. Поль прислоняется к ней спиной. Через рубашку и тонкую куртку он чувствует тепло от шероховатой стены. Поль словно сживаетесь с каменной кладкой. Сам становится стеной.

Прошло еще четверть часа, и на дороге появляется грузовик. Остановив его, водитель выходит и что-то говорит офицеру. Следуют краткие распоряжения, солдаты ведут задержанных к грузовику, и те садятся в кузов. Лишь одному из них досталось прикладом. Почему — Поль не знает. Это молодой учитель, у которого каникулы. Поговаривают, что его арестовали раньше других и уже успели допросить.

Членам семей разрешено передать еду тем, кого увозят. Мелькают буханки хлеба, сыр, пироги. Многие не могут сдержаться слез.

Солдаты тоже залезают в кузов, и машина трогается с места. Поль смотрит, как уплывает назад и уменьшается в размерах толпа рыдающих родных.

Их всех загнали в маленькую залу городской управы, откуда предварительно вытащили кое-какую мебель. Оставили им два ведра, и дверь закрыли на ключ.

Всегда находятся люди, знающие больше других. Говорят, что рано утром убили немецкого солдата. Тот, кто это сделал, пытался убежать, но его прикончили. Однако немцы думают, что он был не один. Они считают, что это террористическая акция. Замешано Соппротивление. Одного подозрительного задержали, допрашивали и пытали. Это как раз и был молодой учитель по имени Клод. Здесь, в наспех оборудованной камере, его нет. Учителя заперли отдельно.

Оптимисты думают, что их угонят в Германию. Другие на-

строены более мрачно, говорят о расстреле, о побеге. «Какой там побег?» — думает Польш. Эта затея кажется ему бессмысленной и совершенно невыполнимой.

Настает ночь. Не хватает места. Некоторые, и Польш в том числе, дремлют сидя, прислонившись спиной к стене.

Утренний свет затопляет залу. Польш допрашивает настоящий пруссак, каких редко встретишь на самом деле. Бритая голова, толстый затылок, круглые очки с железной оправой, голубые, словно стеклянные глаза. Эта ходячая карикатура держит в руках удостоверение, подделанное в подпольной типографии партизан-коммунистов. Отличное, кстати сказать, удостоверение, со штампом городской управы, вместе со всеми архивами сметенной с лица земли во время бомбардировки.

Но Польш так и не удается вспомнить год рождения, который стоит в документе. То ли 1920, то ли 1924. Он говорит неправильно. Офицер впивается в него своим блеклым взглядом и слушает, не подавая вида. Разволнованный студент или юнец, уклоняющийся от отправки в Германию? Кажется, что этот допрос — сущая формальность, и немцам без того забот хватает: городская управа гудит как улей, звонят телефоны, то и дело кого-то вызывают, отдают приказы.

Польш отпускают вместе с другими. Домой они отправляются пешком. Им приходится идти двадцать километров. Они охотно прошли бы и вдвое больше.

В Ньёр-ля-Фонтен их уже ждут. Встречают так, словно они вернулись с того света. Если верить тем, кто был с ним, все это время с губ Польш не сходила принужденная улыбка. «Это получалось само собой», — отвечает им Польш.

Снова опускается ночь. Приходит и последний из их группы. Его тоже отпустили, хотя, конечно, и не подумали извиниться за то, что избили прикладом.

Польш напряженно думает; им чертовски повезло, что ими занималась армейская служба безопасности. Если бы они наравлись на гестапо или СС...

Дрожь пробрала Польш, когда он пришел в себя. Вот что случается, когда дают волю подсознательному. Вовсе не любви он предавался в эти минуты, как, должно быть, предположил бы Фрейд. Ничего похожего. Скорее наоборот. Так что Фрейд вряд ли перевернется в гробу. Польш всегда недоуменно пожимал плечами, когда слышал про Эрос или Танатос.

К несчастью, «мемо-2» одинаково эффективен, идет ли речь о плохих или приятных воспоминаниях. Благодаря ему самый последний из кварков памяти постоянно находился в возбужденном состоянии, вызывая в мозгу целую цепь реакций с использованием всей информации, которая была ранее в него заложена. Время переставало быть помехой, и искажений, вызванных частичным провалом памяти или притуплением чувств, не происходило. Не было и наложения новых воспоминаний, нарушающих чистоту первого впечатления. Не было жестокого вмешательства холодного разума, скептицизм которого, впрочем, целительный, лишь затушевывает очарование прожитых лет и вовсе не освещает того, что скрыто во тьме прошедшего.

В остальном, независимо от того, было ли то или иное событие, восстанавливаемое памятью, таким на самом деле, или память оживляла лишь наиболее яркие моменты прошлого, Поль вновь возвращался в то же положение, в каком оказывался в последний раз: вновь выплывали разногласия с Изабеллой относительно катастрофы, которая ожидает их в будущем.

Парадоксальным было поведение Поля: чтобы не корить себя за то, что он способствовал распространению столь ужасного препарата, Поль не нашел ничего другого, чем самому принимать его. Это был совершенно детский поступок, которому словно оправданием служили возникающие воспоминания. В глубине души он, вероятно, сам того не ведая, хотел себя наказать, и этим объяснялись его мазохистские поступки.

Поль встал и зашагал взад-вперед по комнате. Ему в голову пришла безумная мысль. Нельзя ли, смешав «мемо-2» и «мемо-4», воздействовать на будущее, подобно тому, как он это проделывал с прошлым?

Видно, однажды приняв подобное снадобье, человек теряет способность рассуждать здраво...

Оставалось, правда, соблюсти некоторые меры предосторожности, и Поль решил не откладывать это на завтра, несмотря на поздний час.

Минос получил дозу с равным содержанием двух веществ. Поль внимательно наблюдал за ним, время от времени поглядывая на часы.

Через шесть минут крыса рухнула на пол клетки. И тут же Полю пришлось зажать нос — таким невыносимым был запах ее разлагающегося трупa.

Позвонил телефон. Поль снял трубку.

— Это ты? — послышался голос Изабеллы. — Что это ты делаешь в лаборатории в такое время?

— Я только что убил Миноса, — сказал Поль, все еще зажимая себе ноздри.

— Как это тебе удалось?

— Дело в том, что я его убил как бы задним числом. На прошлой неделе он явно был мертвым, а то, что я предполагал принять сам, я скормил ему только что.

— Поль!

— Я сейчас выброшу труп, открою окна и потом иду домой. Не сердись, если я что не так сказал.

— Ну и балбес! Сейчас же возвращайся домой. Ты мне нужен.

Поль оглянулся на крысу. Труп стоял на четырех лапах и не спускал с него своих маленьких глаз.

— Я чуть было не проглотил эту чертову отраву, — сказал Поль. Он еще дрожал. Изабелла прижалась к нему.

— Бывают минуты, — начала она, — когда...

— ...ты мне противен, — закончил за нее Поль.

Изабелла засмеялась.

— Нет... когда мне приходит на ум, не свихнулся ли ты сам

после того, как первый раз принял С-24. Через день-другой ты захочешь проглотить смесь стрихнина с мышьяком — поглядеть, что будет.

— Вот уж не знаю, что хуже, — сказал Поль. — Так или иначе, вопрос не в том, чтобы что-то изменить. Я просто хочу побыть в своей будущей шкуре, только и всего. И кроме того, хотелось бы увидеть, что станет с нашим обществом. Насколько я могу судить, все пойдет вкривь и вкось.

На какое-то время он замолк, потом неожиданно заявил:

— Я, пожалуй, снова туда отправлюсь.

Изабелла отступила на шаг.

— И я с тобой.

— Нет, нет! Я уже сказал тебе.

— Что ты завел одно и то же! Я отправлюсь с тобой, и все тут.

— Изабелла, ты должна остаться рядом со мной и, если что стрясется, дать мне лекарство.

— А раньше ты заботился о том, чтобы я была рядом? Тоже мне, предлог придумал.

— Изабелла!

— Я так решила.

— Я просто тебе не дам.

— А у меня есть.

Он удрученно покачал головой.

Поль и Изабелла поднимаются по неухоженной лестнице. Подходят к двери. Изабелла звонит. Дверь тут же отворяется. Человеку, который стоит, уставившись на них с хмурым видом, они показывают, что в руках у них ничего нет.

— Мы одни и без оружия. И никому ничего не сказали, — заявляет Поль.

— Вы ошиблись этажом, — говорит мужчина.

— Нет, не ошиблись. Вы что, меня не помните?

— Как же, вы личность известная, — отвечает тот, напуская на себя равнодушный вид.

— Вы были одним из моих похитителей. Я вас узнал по телевизору. Добыл ваш адрес. Дайте нам войти. Мы хотим быть с вами.

— Скажите, пожалуйста, — ухмыляется мужчина.

— Пусть я буду у вас заложницей, — предлагает Изабелла, — понятно, что вы нам не доверяете.

Мужчина внимательно их разглядывает, потом отодвигается в сторону.

Поль с Изабеллой входят в квартиру, тщательно прибранную в отличие от лестницы. В дверном проеме стоит женщина и презрительно смотрит на них.

— Хотите откупиться? — говорит мужчина. — Это может обойтись вам недешево.

— Знаю, — кивает Поль. — Но у меня нет другого выхода. Не забудьте, я боролся за то, чтобы «мемо» не появился в свободной продаже.

Мужчина горько улыбается.

— Вы и правда полагали, что вам по силам их одолеть? Надо быть очень наивным.

— Мы надеялись, — вступает Изабелла, — что власти побоятся развалить экономику.

Пожав плечами, женщина спрашивает:

— А вы не подумали, что государство завладеет монополией на производство и продажу «мемо»?

— Они еще разглагольствуют о благе общества. Ничего себе, — говорит мужчина. — И это при том, что более вредного вещества до сих пор не было. Самый настоящий наркотик. Им лишь бы работать как можно меньше. Ровно столько, чтобы страна не докатилась до полной разлухи.

Он не спускает глаз с Поля и Изабеллы, неподвижно стоящих в передней.

— Входите уж! — вдруг бросает мужчина. — И усаживайтесь. Будем надеяться, за вами нет хвоста.

— Нет, пусть уж лучше следят, — возражает Поль. — Кто нас может заподозрить? И то, что мы тут, снимет подозрение и с вас.

Мужчина и женщина молча обмениваются взглядами. Поль и Изабелла входят в комнату. Садятся на диван у низкого столика. Мужчина выходит и возвращается с бутылкой и стаканами.

— Значит, вы и есть Жером Барде? — спрашивает Поль.

Жером разливает по стаканам вино.

— По сравнению с «мемо» алкоголь — лекарство, — говорит он. — Как ты думаешь, Анник?

Его жена согласно кивает.

— Нет, — позволяет себе возразить Изабелла. — Алкоголь как был ядом, так и остался. А что до «мемо», было бы чудом, если бы его смогли применить с пользой.

Она пьет. Сдерживая улыбку, Жером и Анник переглядываются.

— Ну как тебе мой яд? — любопытствует Анник.

В ответ Изабелла улыбается.

— Восхитительно.

— Значит, ты — профессор филологии в университете? — спрашивает Поль.

— У филологии нет будущего. Теперь лучше вообще поменьше доверять словам.

— А ты? — обращается к Анник Изабелла.

— Я занимаюсь вопросами ухода за младенцами. Удивляюсь, как это люди еще заводят детей.

Полю эти слова напоминают о давно исчезнувшем Венсане.

— Что в наших силах предпринять? — спрашивает Поль.

Комнатная обстановка расплывается, потом вновь обретает очертания. Но это уже другая обстановка. Поль узнает свою квартиру. Вторую. Изабелла смотрится в большое зеркало.

— Надену-ка вот это, — говорит она, встряхивая копной волос, в которых кое-где уже проглядывают седые пряди.

Поль вздрогнул от неожиданности, но ему удалось скрыть свое волнение.

— Она лучше, чем красная, — согласился он.

Рукой Поль дотронулся до Альбера, устроившегося на ковре рядом с его креслом. Годы пощадили его куда меньше, чем Изабеллу.

— Что еще за шум? Что там такое?

Изабелла нервно пожала плечами.

— Не можешь привыкнуть? Я тоже.

На улице выли полицейские сирены. Издалека доносились звуки выстрелов.

— Какой у нас сегодня день?

— Вторник.

— Я хотел сказать, какое число.

Изабелла с беспокойством взглянула на него.

— Ты уверен, что тебе не было плохо?

— Плохо?

— Шесть лет все обходилось, — смущенно проговорила она, — а теперь...

— Значит, сейчас тысяча девятьсот шестьдесят восьмой год?

— Пятнадцатое мая.

— Тогда понимаю.

Поль ничего не понимал, но ему не хотелось тревожить Изабеллу. Подчеркнуто небрежно взял он лежавшую на столике газету.

Новости были неслыханные. Над Сорбонной взвивался красный флаг. Черные флаги виднелись на улицах. Некий Кон-Бендит с группой студентов надругался над могилой Неизвестного солдата. По этому поводу депутат-голлист выступил в палате с провокационным заявлением. Еще немного, и он бы сцепился с лидером социалистов, благо, их разняли.

Поль хотел уж было открыть рот, но тут в комнату с тетрадкой в руках вбежал Венсан.

— Проверь задачу.

Поль на мгновение опешил, увидев двенадцатилетнего сына. Машинально взяв у сына тетрадь, он взглянул на задачу.

— Вроде правильно.

— Спасибо, пап!

И Венсан понесся в свою комнату.

— В конце концов все уладится, — сказала Изабелла.

— Ты про что?

— Про бунт.

Он осторожно взглянул на нее.

— Но не приведет ли это к фашистскому путчу?

Изабелла сердито расчесывала волосы.

— Не знаю, может, так будет лучше, — резко произнесла она.

Поль встал.

— Ты воображаешь, что говоришь? Левые наконец приступили к действиям, а ты хочешь, чтобы крайне правые совершили государственный переворот.

Но она заспорила:

— А если придут к власти коммунисты, кто тебе станет пла-

тить деньги за пользование патентом? Прощай тогда миллионы за «меморил»!

Поль так и застыл в ужасе:

— Жуть какая! Кем ты стала! Обывательницей, алчной эгоисткой!

— Ах, — вскричала Изабелла, — оставь эти высокие материи. Вчера ты рассуждал по-другому, говорил, надо послать танки.

— Я? Танки?

— Забыл уже?

Он еле сдержался, чтобы не закатить ей пощечину. Опустился в кресло. И тут зарычал Альбер.

— Собака и та стала фашистской, — сказал Поль.

В лаборатории Полю сразу бросилось в глаза, что Дармон отращил себе живот, а Жинесте, казалось, постарел лет на двадцать. Мариетты не было. Поль осторожно бросил пробный камень.

— Вот если бы нам сейчас помогала Мариетта, — сказал он ни с того ни с сего.

— Не думаю, что от нес был бы толк, — возразил Дармон. — Она потеряла сноровку... да и голову тоже.

— Серьезно? — с невинным видом спросил Поль.

— Подумать только, вышла замуж за венесуэльского дипломата, у которого уйма нефтяных скважин.

— Кто? Мариетта?

Дармон с удивлением на него воззрился.

— Но ты же был у них на свадьбе.

Поль издал сдавленный смешок, похожий на куриное квохтанье.

— Это было так давно, — сказал он как можно естественнее.

— Ничего себе давно! Три недели назад.

«Лучше мне было помолчать», — подумал Поль.

Вслух же сказал:

— Ладно. За работу.

Прислушивавшийся к их разговору Жинесте подал голос.

— Давно пора, — бросил он высокомерно.

Поль перевел взгляд с одного на другого. Атмосфера в лаборатории явно накалялась. В окно он видел самодельные лотки, за которыми студенты продавали политические брошюры. Поль молча пересек лабораторию, пройдя мимо клетки, где Тесей с Минюсом, казалось, были заняты мирной беседой. Тесей? Что же удивительного в том, что он жив, если и Венсан вернулся из небытия.

Поль вошел к себе в кабинет. Ему было любопытно узнать, над чем он сейчас работает. С недоверием он прочел: «Протоколы изучения влияния скополамина при искусственно вызванной амнезии».

Начав с попыток восстановить память тем, кто ее потерял, он теперь старается стереть ее у людей здоровых. Можно было и не спрашивать, какова цель подобного исследования. Министерство обороны, конечно же, не преминет заинтересоваться

его работой. Это принесет семейству Эрмеленов еще больше денег.

Вернувшись в лабораторию, Поль вдруг выпалил:

— Я пошел продавать брошюры вместе со студентами.

И Дармон с Жинесте с изумлением увидели, как он решительным шагом направился к двери.

Но Поль так и не добирается до больничного двора. Лестница вдруг обретает вид той, что была в доме, где жил Жером. Поль с Изабеллой спускаются вниз.

— Странное поручение, — говорит Изабелла.

— Нам не пристало спорить, — возражает ей Поль. — Или мы с ними, а значит, одобряем их действия, или мы уклоняемся от борьбы.

— Мы могли действовать и по-другому, — не соглашается Изабелла.

— Как по-другому?

— Я пока не думала об этом.

— Ну вот. Я тоже не думал.

Они выбирают на улицу и усаживаются в автомобиль. «Пежо», и можно сказать, в приличном состоянии.

— Ты уже сжился со всем этим? — спрашивает Изабелла.

— А тебе кажется, я играю?

— Я хочу сказать, не раздваиваешься ли ты на себя теперешнего и на того, что явился сюда из шестьдесят второго года?

— Ни капельки. Просто у меня такое впечатление, что я это уже однажды пережил.

— Так и должно быть, — заключила Изабелла, — у нас ведь сейчас сохранились воспоминания о том, что в шестьдесят втором осталось в нашей памяти от сегодняшних дней.

— Конечно. Я теперь знаю, что за надобность мне была смешивать «мемо-2» и «мемо-1». Воспоминания о решении, принятом в шестьдесят втором году, вполне достаточно, чтобы осуществить его в семьдесят седьмом.

— Мне кажется, без этого путешествия во времени нам было бы труднее. Оно открыло нам глаза. Легче отдаешь себе отчет в создавшемся положении, когда видишь все как бы со стороны.

Поль останавливает машину у тротуара. Сам берет топор, который ему дал Жером; в руках у Изабеллы нож с острым, как бритва, большим лезвием.

Они напяливают на себя шапки-ушанки. Входят в здание, едут в подрагивающем лифте и звонят в первую попавшуюся дверь. Дверь им открывает женщина в халате, глядящая на них мутным взором. Поль здоровается.

— Служба пробуждения, — весело представляется он.

Женщина издает истошный вопль и пытается захлопнуть дверь. Но Поль успевает просунуть ногу. Вместе с Изабеллой они наваливаются на дверь. Не выдержав натиска, женщина устремляется в комнаты с криком:

— Гастон! Гастон!

Вскоре в проеме двери появляется и Гастон. Взгляд у него явно затуманен. Жена принимается его трясти. Он валится на паркет.

Изабелла захлопывает за собой входную дверь.

— Успокойтесь, мадам, — говорит Поль. — Ничего страшного тут нет. Мы пришли вам помочь.

Он видит, как глаза женщины расширяются от ужаса. Поль оглядывается. Изабелла как раз набрасывается на обои в цветочек, которыми оклესн вестибюль. Нож у нее что надо, по всему видно. С одного раза отхватывает добрый квадратный метр обоев.

Женщина снова вопит что есть мочи. Поль поднимает топор. — Не надо кричать, мадам, — говорит он спокойно, словно пытаясь образумить ребенка. — А то я разможжу вам голову вот этой штукой.

Откуда женщине знать, что на такое Поль не способен. Поэтому она сразу умолкает.

— Вот и хорошо. Идите за нами, — говорит он.

Войдя в кухню, Поль обрушивает топор на фаянсовую раковину. Та раскалывается на три части. С уст стоящей за его спиной женщины срывается крик: словно сама раковина кричит ее голосом.

— Осторожно! — предупреждает Изабелла.

Он оборачивается и видит, что Гастон с трудом, но поднимается. Поль подскакивает к нему и толкает. Гастон снова растягивается на полу. Поль переключается на кастрюли, по которым методично лупит своим топором.

Женщина между тем исчезла. Поль прекращает громить мебель, чтобы посмотреть, куда она делась, и тут слышит из гостиной квартиры крик Изабеллы.

Он спешит на помощь. Хозяйка стоит на коленях на полу, держа вцепившуюся в кровать Изабеллу за ноги.

— Послушайте, мадам, — обращается к хозяйке дома Поль. — Не следует препятствовать работе нашей службы.

И он уводит женщину с собой. Изабелла тут же набрасывается на одеяла, матрасы, подушки. Через миг все это уже искромсано вконец.

— Вот это работа! — одобрительно замечает Поль. — Можно подумать, ты всю жизнь только этим и занималась.

Теперь настает очередь шкафа с зеркалом, который он разламывает ударом топора. Пошатываясь, входит Гастон. Изабелла отпихивает его к покоренной кровати, куда он и валится, поднимая в воздух пух, который тут же опускается на него слоем снега.

— Пошли, — говорит Поль, — а то уж больно беспокойные тут люди живут.

И под причитания женщины и мычание ее супруга они покидают квартиру, имеющую такой вид, словно здесь хозяйничала целая орда.

На площадке они сталкиваются со спешащими домой жильцами соседней квартиры. Полиция пока не подошла. «Пежо» срывается с места и вскоре исчезает в потоке автомобилей.

В машине Изабелла прыскает со смеха.

— Никогда не думала, что так приятно крушить все, что падает под руку.

— Я тоже, — сознается Поль. — Получаешь какое-то удовлетворение.

— Бедные, — заступается вдруг за хозяев Изабелла. — Они ведь не сделали ничего плохого. Не знаю, выйдет ли из этого что-нибудь путное.

— Ты же слышала, что сказал Жером: то, что делает наша служба, — своеобразный электрошок. Нельзя бороться с наркотиками, пытаюсь разумными доводами убедить тех, кто их принял. Логика, необходимость выжить, процветание страны — все это для них пустой звук. Нужно их хорошенько встряхнуть, сделать невыносимым все их существование, начиная с мелочей повседневной жизни. Надо, чтобы они столкнулись с трудностями, пусть самыми простыми, которые им преодолеть будет привычнее, чем решать какие-нибудь глобальные проблемы. И как только они начнут их преодолевать — считайте, полдела сделано. И пусть это выйдет нам боком. Возьмите полицию, армию... всех этих функционеров: ведь им под страхом тюрьмы запрещено принимать «мемо».

— Но некоторые из них все равно принимают...

— Таких мало. К тому же их сразу видно...

Изабелла задумалась.

— Вроде бы эта зараза добралась и до восточных стран.

— Да, но там все по-другому. Там это привело лишь к тому, что людям стало на все наплевать. А в Штатах — там как у нас. Газеты забили было тревогу, но это вылилось лишь в установление такого же режима, как во Франции.

В машине повисает молчание. Вскоре Поль подгоняет автомобиль к своему дому. Прежде чем войти в роскошный особняк, они прячут орудия налетчиков в сумку.

Сосед уважительно здоровается с ними.

Когда Поль пришел в себя, Изабелла уже суежилась около столика. Она поставила чашку с кофе, над которой поднималась струйка пара.

— Хорошего мало, — сказала она.

— Да, но думаю, нам ничего больше не оставалось делать.

— Но можно заглянуть во времена более отдаленные.

— Нездоровое любопытство.

Поль на мгновение задумался.

— Лучше, пожалуй, попробовать очутиться в более близком к нам времени, может, заметим что-нибудь интересное.

— Что заметим?

— Так, мелькнула одна мысль. Позволишь мне покинуть тебя на четверть часика?

— Смотри, выпью твой кофе, — пригрозила Изабелла.

Поль входит в приемную редакции «Франс суар» и обращается к дежурной:

— Я хотел бы ознакомиться с подшивкой вашей газеты.

— Выйдите на улицу и направо, в глубине двора.

Поль выходит во двор. Идет в контору. Последний номер за 1 мая. Поль спрашивает подшивку за апрель.

Он останавливается на номере от 7 апреля, читает статью

на первой странице, перелистывает газеты за другие числа. Его внимание привлекают также номера от 21, 24 и 27 числа.

Поблагодарив, Поль выходит из редакции. Сейчас он пойдет в бистро и закажет кофе.

— Твой кофе остыл, — сказала Изабелла.

— Я думал, ты его выпьешь... выпила. — Времена еще немного путаются в голове. — Потому выпил кофе там.

Он задумчиво глянул на нее.

— Через восемь дней произойдет катастрофа. Обвал разрушит туннель, который итальянцы роют под Монбланом. Это случится в Антреве в ночь с 6 на 7 апреля. Три человека погибнут, двадцать один будет ранен.

Изабелла в волнении ждала, что он скажет дальше.

— Сделать ничего нельзя. Нельзя разорвать цепь причин и следствий.

Изабелла взорвалась.

— Что же, ты так и будешь спокойненько себе жить, ничего не пытаясь предпринять?

— Но я не могу ничего сделать. Какой инженер поверит словам человека, выдающего себя за провидца, и эвакуирует рабочих со стройки? А откуда я возьму список самих рабочих, чтобы поговорить с каждым из них и предупредить? И какой рабочий станет слушать по телефону неизвестно кого, объявляющего ему на ломаном итальянском языке, что он умрет, если останется на стройке, ведь сбеги рабочий оттуда, ему грозит увольнение?

Изабелла ничего не ответила.

— Но нет худа без добра, — сказал Поль.

— Что ты такое говоришь! — возмущенно вскрикнула Изабелла.

— Я воспользуюсь этим случаем, чтобы обеспечить себе карьеру гуру, — как ни в чем не бывало заявил Поль.

Изабелла посмотрела на него так, как если бы перед ней появился вдруг огромный паук.

— Наживаться на чужой беде я не стану, — сказал Поль. — Но пусть хотя бы смерть этих людей не будет столь нелепой.

Изабелла скривила губы:

— Хочешь, чтобы она послужила тебе на пользу?

— Нет, если я правильно рассчитал, она предотвратит гибель других.

— А я, — отрезала Изабелла, — предотвращу их гибель.

— Подумай, — предупредил Поль. — За эти восемь дней ты все перевернешь вверх дном, а толку никакого не будет. Хочешь, скажу, к чему все это приведет? Ты окажешься в полиции, потому что тебя доведут до скандала. Ведь ты не удержишься, когда увидишь жалостливые улыбки тех, к кому ты будешь обращаться. Но это еще ерунда. Вызовут в полицию меня, я скажу, что ты часто бываешь не в себе, и тебя отпустят. Но после катастрофы тебя спросят, откуда это ты все узнала заранее. И ты расскажешь, что твой муж взял и махнул в будущее. Вот тогда-то мы действительно вляпаемся!

Изабелла молчала.

— Так что предоставь все мне, — заключил Поль.

Он был вовсе не так уверен в себе, как пытался показать. Конечно, у него появилась кое-какая задумка, но чем она обернется? Было во всем этом нечто двусмысленное. Угрызения совести оттого, что Поль запатентовал «мемо-2», оказались не единственной причиной его желания оправдать себя с помощью «мемо-4». Свою лепту внесло и его путешествие в тот мир, где он, Эрмелен, разглагольствовал о необходимости послать войска, примснить ядовитые газы и где у его жены на уме одни деньги.

Поля беспокоило не то, что станет с ним самим, а то, в кого он способен превратиться при иных обстоятельствах, или, еще точнее, что может случиться с миром из-за его легкомыслия.

Поль знал, что само по себе развитие науки опасности не представляет. Более того, он не мог не признать, что за какие-то два века продолжительность человеческой жизни увеличилась с тридцати лет до семидесяти. Но не нужно было забывать, что техническим прогрессом могут воспользоваться безответственные люди, у которых есть все возможности причинить миру вред.

«Ведь я же знал все это, знал, черт побери», — думал Поль в отчаянии. А поступил так, как если бы не знал. И тут ему пришла в голову мысль самому использовать «мемо-4», обойдя тем самым власти. И использовать так же лицемерно, как они, не посвящая никого в свои цели. Но цели у него были благородные, ведь это не принесет ему никакой денежной выгоды. Власть? Да, в какой-то степени он приобретет власть. Но для него власть — лишь помеха.

Поль позвонил в редакцию журнала «Известия о сверхъестественном», рассказал о катастрофе и попросил поместить сообщение о ней в номер.

Но ему ответили:

— Видите ли, мсье, мы публикуем лишь достоверную информацию: случаи левитации, Бермудский треугольник, передача мыслей на расстоянии, летающие тарелки, морской змей, страшный снежный человек, но никак не такую, которую могут опровергнуть факты. Сверхъестественное нельзя доказать. В него верят или не верят. Любая проверка, произведенная скептически настроенным умом, лишь вредит проявлению магических свойств. Не следует сталкивать сознание и материю. Это может кончиться плохо для сознания.

— Ладно, — сказал Поль. — Я вам напомню о нашем разговоре после катастрофы.

Он повесил трубку и повернулся к Изабелле, слушавшей их беседу по второму аппарату.

— Ну! И это реакция того, кто зарабатывает на суевериях. Можешь себе представить, что скажет обычный здравомыслящий человек.

— У него чисто коммерческие причины тебе отказать, — без особого убеждения возразила Изабелла.

— Не в этом суть. Люди берутся за продажу лишь такого товара, в качестве которого они хоть немного, но уверены. Вряд ли кто-нибудь мог бы отнестись к нашему сообщению благосклоннее, чем этот сотрудник редакции.

Изабелла в отчаянии покачала головой.

— Я звонила в газету, — призналась она. И тут же добавила: — Себя я не называла.

— Ну и что?

— Меня спросили: знаю ли я, кто выиграет в воскресенье — Франция или Югославия? Я бросила трубку.

Поль порадовался своей правоте, но вида не подал.

Всю следующую неделю Изабелла была не в духе. Ей трудно было свыкнуться с мыслью, что она знает о предстоящей гибели трех человек и ничего не делает, чтобы ее предотвратить. Но до нее уже дошло, что это не в ее силах.

Катастрофа произошла точно в предсказанное время. Изабелла рыдала после этого целый час. Поль напомнил о себе в «Известиях о сверхъестественном». На этот раз его сразу соединили с главным редактором Робером де Сен-Жерменом, потомком бессмертного графа, скончавшегося в 1770 году.

— Я был бы рад встретиться с вами, — сказал он. — Прошу вас извинить моего сотрудника. Откуда ему было знать, что вы говорите правду. Какие только сообщения к нам не поступают, сами понимаете.

— Да, конечно, — ответил Поль. — Но теперь вы мне доверяете?

— Всецело, мсье, всецело!

— И мои предсказания выдерживают проверку фактами без ущерба для сверхъестественного?

— Конечно, мсье, вы предсказатель высокого класса.

Почтенный потомок графа явно был несказанно рад тому, что катастрофа действительно произошла. Ценою трех человеческих жизней он получил надежду на будущие барыши. И немалые.

Они договорились встретиться днем. Если бы Поль не вырабатал строгий план действий, оправдывавший мерзостное положение, в которое попал, он постарался бы выбить редактору зубы, чтобы тот поменьше их скалил. А пока Поль навел справки о событии, которое сам в свое время проигнорировал и на которое невольно обратила его внимание Изабелла. Он занялся предстоящим матчем боксеров.

«Известия о сверхъестественном» не представили предсказанный исход матча как абсолютно точный или продиктованный свыше, а только как очень вероятный, поскольку он исходит от духа Марселя Сердана¹. Многие читатели под впечатлением высокопрофессионального прогноза поставили на боксера, объявленного газетой фаворитом. По мнению спортивных обозревателей, выиграть он имел лишь один шанс из десяти, что сильно подняло ставки.

Вполне естественно, он выиграл по очкам, и многие читатели на этом подзаработали. Тираж газеты резко подскочил.

Весь тот сброд, что поставил на другого боксера, исходил слюной от злости. Робер де Сен-Жермен не стал жертвой покушения лишь благодаря просочившимся слухам о нем, что можно было счесть простой случайностью. Редактор получил массу ано-

---

¹ Марсель Сердан (1916—1946) — популярный французский боксер, погибший в авиационной катастрофе.

нимных писем, оканчивающихся словами: «Враг, желающий вам зла».

Их авторы единодушно полагали, что того слабака, который проиграл, раздавила тень великого Сердана, а значит, «ваш вонючий листок» — таким ругательным словом большинство этих грубиянов, не имевших ни капли воображения, называли газету — повлиял на результат матча.

Сидя в кабинете редактора, Поль терпеливо выслушивал жалобы Робера, которые тот заключил словами:

— От бокса придется отказаться. Он слишком связан с преступным миром.

— Мы будем наносить более продуманные удары, — уверил Поль. — Во всяком случае, я возьму на себя всю ответственность за предсказания. Впрочем, я вполне допускаю, что эти бездельники в чем-то правы. По правде говоря, для осуществления своих планов мне в какой-то степени приходится рассчитывать и на обратную связь. Только как бы вывернутую наизнанку.

— Я не совсем уловил вашу мысль, — с некоторым сомнением в голосе признался Робер.

— Это несважно. Просто я думаю вслух. Теперь я хотел бы заполучить в редакции должность «духовного советника» и вести рубрику под названием «Дельфийская колонка». Подписываться буду Хабакук.

— Вы не думаете, что это будет выглядеть легковесно? — простодушно спросил Робер.

— Друг мой, — ответил Поль. — Я вовсе не считаю вашу газету «вонючим листком», но, согласитесь, мои предсказания — не самое легковесное из того, что в ней напечатано.

Главного редактора пришлось некоторое время уламывать, прежде чем он признал правоту Поля. Но этот его новый сотрудник обладал такими способностями воспринимать сверхъестественное, что Робер готов был уступить и больше, лишь бы его сохранить.

— И еще, — продолжил Поль. — Я вам до сих пор не назвал своего настоящего имени и не назову. Представьте себе, что вас начнут пытаться.

— С вашего позволения, я не стану представлять себе ничего такого.

— Это как вам угодно. Я же не буду больше появляться в редакции, за мной могут следить. Мы будем обмениваться письмами до востребования.

— К чему все эти предосторожности?

— Я намерен побеспокоить людей очень могущественных, и меня могут попытаться убрать.

— А меня? — спросил Робер. — Меня укокошат заодно.

— О, мсье граф! Где это вы подцепили подобные выражения?

— Мне вовсе не до шуток. Вы сами заговорили про пытки. Что же тут удивительного, если я забеспокоился.

— Я и не удивляюсь. Но подумайте, тираж вашей газеты достигнет головокружительных высот. Могу вас заверить: все, что вам придется вытерпеть, окупится с лихвой, вы заработаете приличное состояние, сами станете могущественным человеком.

— Вас послушать, звучит заманчиво, — с удовлетворением отметил Робер.

— Итак, пока отдыхайте, — сказал Поль, — и готовьтесь к важному сообщению.

С этими словами Поль откланялся.

Имя Хабакука было у всех на устах: он предсказал арест генерала Салана в пятницу 20 апреля в 10.30 утра.

Робера сначала с пристрастием допросила полиция, потом контрразведка, а в довершение всего он вынужден был полдня беседовать с членами правительства. Так как никакого толка от него эти уважаемые службы не добились, его отпустили в редакцию, вокруг которой теперь кишмя кишели секретные агенты. Решено было, что это надежнее, чем запрещать газету.

Робер написал Полю письмо, но тот поостерегся заявляться на почту. Слежка ни к чему не привела: письмо так и осталось неостребованным.

«Известия о сверхъестественном», которые Поль снабжал умопомрачительными предсказаниями, стали выходить с ежедневной периодичностью. Двадцать четвертого произошло событие, которое, несмотря на предсказание Поля, никто не попытался предотвратить: после несчастного случая с крайне тяжелыми последствиями Стерлинга Мосса пришлось отправить в больницу. Двадцать седьмого снова произошло то, о чем Поль объявил заранее: в 5.45 утра землетрясение силой в 7 баллов имело место в Корансон-ан-Изере.

Вместе с тиражом газеты увеличивалось и доверие к прогнозам Хабакука в обществе и даже в высших сферах. Образовались секты, по улицам расхаживали люди, облаченные в разноцветные лохмотья и распевавшие благодарственные гимны или читающие хором молитвы.

Для славы Хабакука стали узки границы одной страны. Объемистая почта, приходившая со всех концов света, заваливала редакцию, но никто ее не забирал. Так что приходилось отсылать письма обратно отправителям.

Естественно, Поль и Изабелла ничего не стали менять в своей привычной жизни: еда, работа в лаборатории, прогулки по Парижу. Дармон, Мариетта и Жинесте были заинтригованы не меньше других. В лаборатории то и дело возникали разговоры по этому поводу.

— Должен признаться, ума не приложу, — начал Дармон. — Нострадамус, тот часто заговаривался, но этот...

— И еще в такой газетенке, — поддержал Жинесте. — Пока неизвестно, кто это?

— Нет, — не моргнув глазом ответила Изабелла.

— Необъяснимо, — с невинным видом сказал Поль. — Не может быть столько подтасовок. Строго говоря, в случае Салана, возможно, была утечка информации, а со Стерлингом Моссом могли и нарочно расправиться. Но обвал нельзя устроить, топая ногами по снегу, а уж тем более нельзя устроить землетрясение без подземного ядерного взрыва.

В эту минуту в лабораторию вошел Карлен.

— Если хотите знать мое мнение, — сказал он, — вся эта

история заставляет пересмотреть наши представления о времени. Оно вовсе не линейно и не направлено в одну сторону, скорее это что-то вроде плоскости, по которой можно перемещаться куда угодно. И тогда человек с обостренной чувствительностью к времени благодаря особому психическому состоянию сможет предсказывать будущие события.

— Это, наверно, под силу лишь сумасшедшему, — вставил Поль.

— Вероятнее всего.

Поль напустил на себя равнодушный вид.

— Хорошо было бы вытащить его из норы. Его тогда можно использовать как зонд.

— Ни в коем случае! — воскликнул Карлен. — Его следовало бы вылечить.

— То есть лишить его дара предвидения? — спросил Дармон.

Карлен обвел взглядом присутствующих.

— Это самая опасная вещь из всего, что только может быть. Скоро все порочные люди объединятся и начнут совершать грабежи, а затем все сваливать на судьбу, раз уж Хабакук предсказал. А вы видите, какая волна религиозного безумия поднялась вокруг его пророчеств. Представьте себе, что Хабакук вдруг раскроет инкогнито, предварительно, конечно, обеспечив свою безопасность. Он окажется в положении зрячего в толпе слепых. И тут же этим воспользуется.

— А если у него другие планы? — спросил Поль.

— Это еще хуже, — пробормотал Карлен.

За обедом Поль сказал Изабелле:

— Я думаю, общественное мнение уже сложилось. Газеты всего мира пестрят комментариями по этому поводу. После ликера приглашаю тебя попутешествовать.

19 июля 1980 года газеты вышли с огромными заголовками:

«Прорыв германской линии обороны русскими бронетранспортерами. НАТО угрожает запуском межконтинентальных ракет».

Поль и Изабелла в машине покидают Париж. Слепящий белый свет озаряет небо за их спиной. словно новый исход — кругом плотная масса машин, через которую Поль пытается пробиться на своем автомобиле. Катастрофа придает всему какой-то неестественный оттенок. Все словно вышло из берегов...

Переводы «Дельфийской колонки» циркулировали в государственных канцеляриях. Там, под заголовком «Мир по Хабакуку», была помещена обнадеживающая заметка. Речь шла о всеобщем мире в течение последующих пятидесяти лет.

— Как ты можешь так бессовестно врать? — спросила у Поля Изабелла. — У этих несчастных выработается ложное чувство безопасности, а через какие-нибудь двадцать лет они очнутся, но будет поздно.

— Ничего подобного, — убежденно проговорил Поль. — Каждый раз мои предсказания сбывались, и они привыкли верить

мне на слово. Если бы я и теперь сказал им правду, борьба военных блоков неминуемо бы продолжалась. А это действительно привело бы к ядерной войне.

— Но ядерная война все равно будет! — воскликнула Изабелла. — Мы же оба это знаем.

— Нет, — не согласился Поль, — То, что мы знаем — это общие контуры будущего, которые прорисовываются на фоне все возрастающей напряженности между державами. Будущее вовсе не предопределено раз и навсегда. Оно строится каждый день, каждый час... Достаточно изменить настоящее, чтобы изменилось и будущее. А чтобы изменить настоящее, надо всего лишь изменить прошлое. Что я и сделал...

Он подумал о «мемо-3», и на память ему пришло то, о чем Изабелла знать не могла. Но она уже готова была затеять спор.

— Как это ты сумел?

— Ну это так просто говорится... Образно. Я хочу сказать, что, если бы я по-другому поступал в прошлом, мое настоящее было бы иным... и, может, не только мое, но и еще многих людей.

— Да... — Изабелла с сомнением покачала головой.

— Впрочем... — Поль вынул из кармана газету и протянул Изабелле.

Ей в глаза сразу бросились крупные заголовки «Разрядка между Востоком и Западом», «Конференция на высшем уровне состоится в середине июня».

— Ну? — спросил Поль.

— Если бы это только была правда.

— Это нетрудно проверить. Надо просто отправиться туда и посмотреть.

Газеты 19 июля 1980 года не упоминали ни о каком военном конфликте. Они лишь восхваляли государственный строй и разражались угрозами в адрес последних членов левацких организаций, находящихся на грани исчезновения.

Поль с Изабеллой возвратились успокоенные, хотя их и не оставляла горечь. Чтобы гвоздь засел поглубже, Поль продолжал посылать статьи, каждый раз все более укрепляя веру читателей в свои предсказания и способствуя разрядке.

Но вот уже несколько дней, как у Поля сложилось такое впечатление, что за ним следят. Какой-то человек ходил за ним по пятам и тут же исчезал, стоило ему оглянуться... или вдруг прохожий замедлял шаг перед его домом и смотрел кругом... Изабелле Поль об этом ничего не сказал, но сам из осторожности решил заглянуть на несколько недель в будущее. Но не смог. Получалось, что ему никак не удавалось выйти из настоящего. Он сократил длительность мысленного прыжка до трех дней.

Поль выходит из дома. Направляется к машине, но тут из подъезда появляется человек. Эта ситуация знакома Полю по предыдущему выходу, поэтому он быстро ныряет за машину.

Но уже другой стоит наготове на противоположной стороне улицы и стреляет в Поля. Однако Польш, предвидя и это, откатывается туда, где пуля не может его достать. И тут прямо на него вдруг наезжает машина, и Польш приходится вернуться на прежнее место, иначе она бы его раздавила.

Польш попадает в поле зрения первого убийцы, который тут же в него стреляет. Но Польш знает, что так случится. И одним махом влетает в парадное своего дома. Но там тоже стоит человек с наведенным на него револьвером. Польш, стремясь спастись, вбегает в кабину лифта. Незнакомец всаживает в него одну за другой три пули.

Когда Польш пришел в себя, боль во всем теле напоминала ему о пулях. Приятного было мало.

Войдя к нему, Изабелла увидела, что он лежит, согнувшись и прижимая к груди руки.

— Ты что, заболел? — встревожилась Изабелла.

— Хуже, — ответил Польш. — Я умер.

Изабелла молчала. Ждала разъяснений.

— Так вот, — сказал Польш. — Через три дня меня отправят на тот свет. Я знаю, как это произойдет, и даже смогу обвести вокруг пальца двоих убийц. Но после этого я прямехонько уложу в ловушку, так что третьего мне не миновать.

Изабелла вся сжалась.

— Ты не должен попадать в такое положение. У тебя перед ними огромное преимущество: ты знаешь будущее.

— Если я не могу ничего поделать, какое же это преимущество?

— Попытайся еще раз. И перед тем самым моментом, о котором ты говоришь, поступи по-другому.

— Постараюсь, — сказал Польш.

Польш бросает взгляд в окно. Он не выйдет из дома, и все. Он запирает дверь и ждет. Дверь разлетается на куски. Входит человек и стреляет. Польш падает.

Польш покупает револьвер, а все остальное делает, как в прошлый раз. Как только убийца начинает ломать дверь, Польш стреляет первым. Тот падает. Но тут же появляется другой и убивает Поля.

— Мне уже надоело, что меня без конца убивают, — сказал Польш. — Совершенно очевидно, что тут действует целый отряд, нанятый теми, кого мир может разорить. Что бы я ни делал, мне крышка. Я и до того подозревал, что «мемо-4» может оказаться ужасным оружием, но никак не думал, что час расплаты настанет и для меня.

— Подожди-ка, — остановила его Изабелла. — Сделай еще один прыжок, небольшой, дней на восемь.

— Не могу. Передо мной словно стена. Стена смерти.

— Попытайся.

Поль спокойно себе идет в сопровождении пяти вооруженных горилл. Одна черная машина медленно едет впереди вдоль тротуара, другая — сзади.

— Ни черта не понимаю, — сказал Поль. — Я перескочил через день своей смерти. И совершенно безнаказанно.

— Так и должно было быть, — заявила Изабелла.

— Почему?

— Не скажу. Секрет.

Все три дня Поль провел в возбуждении и тревоге. Он купил револьвер, хотя и считал это бессмысленным, но ведь нужно же как-то способствовать изменению будущего. Как показало последнее его путешествие во времени, возможны были варианты.

На третий день Поль вышел из дома. Направился к машине, но тут из подъезда появился человек. Поль нырнул за машину. Но другой уже стоял наготове на противоположной стороне улицы и выстрелил в него. Поль, предвидя это, откатился туда, где пуля не могла его достать. И тут прямо на него вдруг поехала машина, и ему пришлось вернуться на прежнее место, иначе бы она его раздавила. Поль при этом попал в поле зрения первого убийцы, который и выстрелил в него. Поль, однако, знал это наперед. И он одним махом влетел в парадное своего дома. Но там уже третий с наведенным на него револьвером. Поль, готовый и к этому, успел всадить в него три пули.

Но двое других уже неслись по лестнице. Поль убил одного, но патроны у него кончились. Но... второй тоже рухнул на землю. За ним стояла Изабелла с еще дымящимся револьвером в руке.

Тут и первые из нападавших вбежали в подъезд, но каждый получил от Изабеллы по пуле.

Выстрелы сменились тишиной. Поль с Изабеллой обнялись прямо над трупами.

— Вот почему мне удалось избежать ловушки, — сказал Поль. — Надо было, чтобы кто-то мне помог, но чтобы я не знал об этом заранее.

— Надеюсь, ты не в обиде на меня за мою скрытность? — поинтересовалась Изабелла.

Поль вел «дофин». Изабелла сидела рядом.

— Мы отдалили войну, — произнес Поль. — Это уже не так плохо. Но рабство по-прежнему маячит у горизонта. Машина сдвинулась с места. И ее теперь уже не остановить.

— Мы в состоянии воздействовать на будущее, но не на прошлое.

Поль промолчал. Он спрашивал себя, с чего ему следовало начать работу над «мемо-3»... и как призрак Изабеллы дознался до формулы.

— Впрочем, понятно, — с горечью прошептал он.

Войдя в лабораторию, они тут же наткнулись на Жинесте.

— Новость слышали? — спросил он.

Поль с Изабеллой молча ждали, что он скажет.

— Дюселье покупает у нас «мемо-2».

Поль только безнадежно махнул рукой.

— К нему уже поступили заказы из-за границы.

— Очень сожалею!

Жинесте недовольно пожал плечами.

— Ты по-прежнему на все смотришь мрачно.

— У меня все больше причин для этого.

— Каких причин?

— Сам пораскинь мозгами, — только и сказал Поль.

— Сейчас больше говорят не о стимулировании памяти и не о приступах тревоги, а о поражающей многих беспричинной тоске. Именно она вызывает беспокойство медицинских служб. В этом случае «мемо-2» способен оказывать такое же действие, как болеутоляющее средство при физической боли.

— Пожалуй, — без особого восторга согласился Поль.

Жинесте устался на него с осуждением.

— Ты и сам знаешь, к каким трагическим последствиям может привести тоска.

— Не только тоска приводит к трагическим последствиям, — возразил Поль. — Извини. У меня много работы.

И, оставив раздосадованного Жинесте, он вместе с Изабеллой направился к лабораторным столам.

Они оба лежали в кровати. Лампа освещала склянку с порошком и стакан воды на столике у изголовья.

— Во всяком случае, — сказал Поль, — мы ничем не рискуем, если немного дальше продвинемся в наших исследованиях. Я убедился, что наша будущая смерть не затрагивает нас в настоящем, но терпеливо ждет там, где ей положено. Когда ты хочешь отправиться на разведку?

— Семьдесят седьмой год превзошел то, что предсказывал Оруэлл для восьмидесят четвертого, — отозвалась Изабелла. — Посмотрим теперь, что представляет собой восемьдесят четвертый, если взглянуть на него из семьдесят седьмого.

Они приняли нужную дозу, и сознание померкло.

Теперь-то и наступило для Поля время действовать. После своего путешествия из шестьдесят второго года в восемьдесят четвертый он знал, что не пропустит дня, в котором уже побывал. Память о будущем Поль сохранял, кроме временного интервала, начинавшегося с шестьдесят второго года, в котором его сознание не побывало и где невидимая сеть парализовала любое решение, принятое в прошлом. Теперь все изменилось. Он ждал эту минуту с тревогой, потому что зависимость от «мемо-2» представлялась сущим пустяком по сравнению с тем, к чему приводило принятие «мемо-3».

В данный момент он следит за тем, как в слабо освещенном гараже механик копается в его «ситроене».

— Вы поменяли провод у спидометра? — спрашивает Поль.

Механик, седой старик в синей рабочей блузе, отвечает:

— Он был просто отсоединен.

И тут механик превращается в молодого парня в спецовке,

а гараж становится вдруг намного вместительней, и через широкие окна начинает литься свет. Перед Полем уже не «ситроен», а «фиат». Да и вместо твидового костюма на нем непромокаемый плащ.

— ...и воду я залил, — заканчивает новоявленный механик.

Поль прекрасно знает, что случилось. Он единственный, кто не только понимает, что и почему происходит, но и отдает себе в этом отчет и в состоянии уклониться от нежелательных последствий. Потому что сам вызвал эти события и сам же со всею ясностью ума за ними наблюдал.

Год назад Поль получил «мемо-3». История повторилась снова. Жинесте был одним из тех, кто синтезировал это соединение. И, значит, был одним из его владельцев. Он воспользовался своим правом. Открыл второй ящик Пандоры.

Теперь миллионы людей переиначивают свое прошлое.

Конечно, на основные события они повлиять не в силах. Лишь кое-что перетасовывают в свою пользу, рассуждая по принципу «вот хорошо бы это сделать заново»... подобно тому как Поль использовал однажды такую возможность, чтобы воскресить Изабеллу.

Вся трагедия заключается в том, что совокупность всех этих желаний вызывает кумулятивный эффект, и те изменения, которые вносит каждый отдельный человек, отзываются на других непредсказуемым, необычным и зачастую опасным образом.

Еще большая трагедия в том, что никто, совершенно никто не замечает неустойчивости, неопределенности, изменчивости, искаженности, ненадежности каждого мгновения и тех положений, в которых он оказывается. Человек движется по жизни, подобно бильярдному шару, постоянно меняющему свое направление — то летящему по прямой, то отклоняющемуся в сторону. Так как каждому удару, производимому волной из нового прошлого, соответствует своя особая память, целая жизнь, порожденная воспоминанием, которая узаконивает новое направление и стирает следы предыдущего.

Один только Поль видит происходящее в истинном свете, потому что сохраняет в памяти различные варианты своей собственной жизни.

Он садится за руль «фиата». На бульваре резко тормозит, потому что помнит, как в это самое мгновение в прошлый раз наткнулся на препятствие. Но бульвар теперь под прямым углом выходит на обстроенный зданиями проспект, которого тогда не было. Полю приходится поворачивать.

Но он не в состоянии отвлечься от мысли о тайне, которая окутывает его теперешнее положение: 1 июля 1984 года Поль должен разбиться о стену, неожиданно оказавшуюся на его пути. Он знает об этом, потому что уже раз переносился из шестидесяти второго года в восемьдесят четвертый; Поль помнит: сегодня 1 июля. И он только что проехал по этой дороге. И значит, по логике вещей должен был разбиться. В какой момент Поль смог осознать угрожавшую ему опасность? В тот, когда налетел на стену? Но стены-то как раз и не было по причинам, которые он для себя прояснил. У Поля такое впечатление, что он разрезал лист Мёбиуса и вызвал дьявольскую путаницу, которая обычно возникает после столь безрассудной выходки. Или

он видит себя за рулем автомобиля, спускающегося по асимптите, чтобы добраться до истока линии абсцисс.

Поль действительно за рулем. Он спешит заставить Изабеллу в лаборатории. Поль знает, что подобная необходимость ставит его в положение человека, который стремится вычерпать ложкой озеро Леман. Но он знает и то, что вычерпает.

Однако, удивительное дело, беспокойства от этого ничуть не меньше.

На улице Ледрю-Роллена его останавливают четверо полицейских в фиолетовой форме, и трехствольные пистолеты веером рассыпаются перед ним. Один из полицейских наклоняется к двери и отдает честь, поднимая руку ко лбу.

— Сэр, координаты моста Аустерлиц неопределенные.

— Простите? — переспрашивает Поль, несмотря на то, что заранее знает ответ полицейского.

— Перед тем как проехать по мосту, вы должны подождать, пока ваша машина тоже не окажется в области неопределенных координат...

— Но...

Полицейский и его коллеги вдруг превращаются в полураздетых танцовщиц. Поль осторожно нажимает на газ.

«О господи, — проносится в мозгу Поля, — я знаю, что доеду, но не верю».

Мост стоит себе на нужном месте, но, как только Поль доезжает до его середины, мост исчезает. Машина падает в Сену.

Поль выбирается через окно, стекло в котором он предварительно опустил, выныривает на поверхность, вылезает на бетонную плиту и тут же принимается бежать.

Госпитальный бульвар назван теперь улицей Адольфа Гитлера. Поль замедляет шаг, чтобы прохожие — здесь одни женщины в фуражках — ничего не заподозрили. Но он зря старается. Его уже засекли. Все набрасываются на него.

Опрокинутый наземь, он оказывается под грудой тел. Но в следующее мгновение все исчезает. Он на пустынной улице, окаймленной красными особняками, на водосточных трубах которых покачиваются на ветру колокольчики. Под их хрустальный звон он продолжает свой путь примерно в том же направлении.

Поль и не представляет себе, как при подобных обстоятельствах Изабелла может еще ждать его в лаборатории, как вообще лаборатория может существовать и как он может до нее добраться.

В конце концов Поль склоняется к мысли, что его уверенность в том, что он доедет, — не более чем самообман, что она неразсторжимо связана с этим иллюзорным миром и что доверять ей — безумие.

И тем не менее Поль продолжает свой путь.

Изабелла ждет его на углу бульвара, усеянного огромными зонтами из зеленой пластмассы.

— Я сидела в лаборатории, никуда не уходила, — говорит она. — Ты запаздывал, и я чуть было не приняла «мемо», не дождавшись тебя.

— Но ты ведь знала, что не сделаешь этого.

— Знала.

Начинается кислотный дождь, разъедающий шоссе. Земля трескается и дымит. Но зонты выдерживают.

— Поехали, — говорит Поль.

И они принимают нужную дозу «мемо-3». Изабелла исчезает.

Поль остается один. Он слушает шум дождя над головой, пытаясь понять, что произошло. И вдруг все проясняется.

Изабелла прибегла к крайним мерам, приняв радикальное решение вернуться в шестьдесят второй год, убить Поля, а затем себя. Тогда эффективное лекарство «меморил» осталось бы, а страшное снадобье «мемо-2» никогда бы не появилось на свет. И «мемо-3» не появилось бы, и «мемо-4».

Но если бы «мемо-3» и «мемо-4» не появились на свет, у Изабеллы не осталось бы ни средства, ни причины для путешествия в прошлое, и тем не менее она там побывала. Оставалось думать, что после нарушения порядка чередования в причинно-следственном ряду устанавливалась хронологическая система высшего порядка, в которой следствия естественным образом возвращались на свои места.

Так случилось и с Изабеллой, и Поль внезапно это осознал. Минуту назад она приняла решение покончить с собой двадцать лет назад. Как только Изабелла это решение выполнила, спустя двадцать лет она не могла уже более существовать, а значит, и принять его, и потому она тут же исчезла. Но так как для того, чтобы выполнить свое решение в шестьдесят втором году, она все же должна была существовать и в восемьдесят четвертом, Изабелле приходилось быть одновременно и живой и мертвой, чтобы выйти из того парадоксального положения, в котором очутилась. Об этом она не подумала и такой оборот дел не предвидела. Ведь Изабелла не могла помнить об этом отрезке своей жизни между бытием и небытием после того, как он был переиначен.

Начав блуждать в отрицательных пространствах, где она оказалась в таком положении одна-одинешенька, не живая, но сознающая свою ужасную участь, Изабелла делала все, чтобы осуществить свое намерение.

Но эта неживая сохраняла из будущего воспоминание о средстве, способном ее освободить: она знала формулу «мемо-3», который заставила Поля синтезировать, чтобы получить возможность изменить прошлое.

Поль понимает, что она больше не появится в этом неустойчивом мире. Он сосредоточивает мысли на шестьдесят втором году, чтобы в своих исследованиях свернуть с дороги до того, как будет разработан «мемо-2». Сознание покидает его.

Поль не удивляется, когда видит, что сидит и крутит ручки большого восьмилампового приемника. Он натывается на программу из Люксембурга, которую ведет Заппи Макс. Потом переводит на парижский канал, по которому, как и всегда в 20 часов, передают новости.

Диктор рассуждает о популярности телевизионной передачи Жана Нозна «36 свечей». Затем кратко перечисляет поступившие к этому часу сообщения. Жак Сустель, полномочный правитель Алжира, предложил проект присоединения своей страны к мет-

рополии. Проект не приняли, и он подал в отставку. Но потом передумал.

В Марокко перед приходом к власти Мухаммада бен-Юсуфа подал в отставку Глауи¹.

В парке выставок при въезде в Версаль за закрытыми дверями состоялся пужадистский² конгресс. Пока еще 15 января. Пока еще всем невдомек, к чему приведет это движение к концу пятьдесят шестого года.

Следующим было сообщение о смерти Скарлет. Хорошенькой манекенщицы, так часто глядевшей с обложек журналов. Скарлет выбросилась из окна и разбилась о тротуар на улице Сен-Бенуа.

Далее диктор упомянул о матче Франция—Шотландия, который французы проиграли 0 : 12, и закончил обнадеживающей новостью: Фаусто Коппи приступил к тренировкам.

— С каких это пор ты пристрастился к спорту? — обращает к Поль вошедшая в комнату Изабелла.

Поль выключает приемник и оборачивается.

— Просто это был конец новостей.

Он с улыбкой смотрит на нее.

— Тебе и вправду больше нравятся джинсы?

— Кому они не по душе, тот может... — начинает Изабелла.

— Нет, мне тоже нравится, — уверяет Поль.

И сжимает ее в объятиях.

Поль с Изабеллой только что кончили заниматься любовью.

— Сегодня было опасно, — говорит Изабелла.

Поль отвечает не сразу.

— Не знаю, как это получилось. Я всегда так осторожен.

— Я уверена, что забеременею.

Поль молчит. Потом обнимает ее:

— Пойдешь к Дозену сделаешь аборт. Каролине Жинесте он уже помог с этим.

— Нет. Если забеременею, ребенка оставлю.

И снова тишина обволакивает их.

Без какого-либо перехода Поль очнулся в кровати в новой своей квартире. И здесь Изабелла была рядом с ним. Она щеголяла в каком-то новомодном шуршащем халате. Лицо у нее было веселое.

— Тебе что-то снилось? — спросила она. — Ты разговаривал во сне.

Поль уставился на нес:

— А что я говорил?

Она прижалась к нему и тихо произнесла:

— Ты говорил: «Изабелла, я тебя люблю».

И тут же отстранилась.

— Надеюсь, ты не притворялся спящим, чтобы меня одурачить?

---

¹ Глауи — паша Марракеша, противник султана Мухаммада бен-Юсуфа.

² Пужадисты — участники мелкобуржуазного движения профашистского характера во второй половине 50-х годов во Франции.

— Нет, я правда спал. А куда девался Венсан?

Изабелла с сожалением покачала головой.

— Ты прекрасно знаешь, его Жинесте увезли с собой на воскресенье.

Поль сделал вид, что вспомнил.

— Ах да! Память совсем дырявая!

— Прими «меморил», — засмеялась Изабелла.

— И то правда. А то даже забыл, какое сегодня число.

— Число... Восемнадцатое декабря.

— Шестьдесят первый год?

— Ну хоть год помнишь.

— Провалы памяти, — озабоченно проговорил Поль.

— Какие провалы? — вскинула брови Изабелла.

— Я пошутил.

— Шутник! Всем бы такую память, как у тебя.

Конечно же, это было 18 декабря 1961 года. Поль вернулся назад, в ту же клетку, или, вернее, в предыдущую. Но, сам того не желая, сначала сделал крюк в пятьдесят шестой. Это значит, что теперь у него только один вариант жизни, тот, в котором есть Венсан и Альбер.

— Альбер! — закричал он.

Из передней выскочила огромная черная собака и прыгнула на кровать. Лизнула Поля в щеку.

— Мне хочется поскорее увидеть Венсана, — сказал Поль.

Счастливая улыбка озарила ее лицо. Поль поднялся.

— Приму-ка я душ. А потом приду и сделаю тебе одну гадость.

— Радость, ты хотел сказать, — крикнула Изабелла вдогонку мужу, уже закрывавшему дверь ванной.

В ванной радостное возбуждение Поля спало. Из этой жизни, в которую он вернулся, Поль знал лишь один эпизод, который произойдет через два дня, еще один — через год, а третий — через семь лет. Причем последним особенно гордиться не приходилось.

Но была еще одна закавыка. Во всех этих эпизодах речь шла лишь о «мемориле». Хотя во время своего самого дальнего путешествия, в шестьдесят восьмой год, он и попал — правда, против воли — во вторую свою жизнь после того, как напряжением мысли покинул первую, Полю никак не удавалось выбраться из этой самой второй жизни, потому что он не успевал воспользоваться своими новыми знаниями и неминуемо оказывался в 1977 году.

Теперь все изменилось. У него осталась только одна жизнь. А ведь теперь он знал формулы и мог синтезировать и «мемо-3», и «мемо-4». Он сгорал от желания дознаться, могут ли эти соединения появиться в мире, где Венсан имеет право на жизнь. Само собой разумеется, он поступит так, чтобы из-за них не лишиться сына.

Усилия Поля быстро увенчались успехом: как и в то время, когда его действиями руководил призрак Изабеллы, надобности

долго размышлять не было. Но в отличие от того, что было тогда, Поль и сам знал, что делать.

В эти дни, занятый утомительной работой, он осознал, что в повседневной своей жизни обыкновенный человек купается в счастье, даже если его одолевает масса проблем. По крайней мере, он может твердо стоять на ногах.

Поль должен был также признать, что отныне постоянное присутствие сына было для него как бальзам на душу. Венсан уже не представлялся ему ужасным созданием, на которое он взирал с отвращением. Это был ребенок, его ребенок, и Поль уже привязался к нему. Период «отцовства вприглядку» кончился. Это стало для него необходимым, так как, выпав из податливого мира 1984 года, он собирался подтвердить сам факт появления на свет своего сына, не меняя направления работ. Но вмешалось бессознательное, насмеявшись над его решением, помутив разум и заставив предпочесть жизнь более сложную.

Впервые Поль оказался в состоянии по своей воле совершить путешествие во времени по той жизни — а с некоторых пор она стала для него единственно возможной, — в которой принялся в расчет и Венсан.

Эту жизнь он в конце концов создал сам путем последовательных приближений, преодолевая слабое сопротивление судьбы. Или это «мемо» ослабил волю провидения, и потому Поль смог сшить воедино отдельные лоскуты своей жизни?

И породить этот мир...

В то самое мгновение, когда Поль принимал «мемо-4», он со всей ясностью вдруг осознал, что влекла его не любовь к науке, не стремление к знанию. Его толкало любопытство, тревога.

Ему пришла в голову мысль, что республика ученых в конечном итоге стала бы управляться людьми, кое-кто из которых по прошествии столетий-то лет дал бы волю своему властолюбию; и по продажности они ничем бы не отличались от развращенных политиканов, выискивающих любую возможность заполучить грозное оружие.

Можно ли предотвратить подобное положение иначе, чем создав железные перила? Предохранительные перила. Делают же парапеты на мостах и поручни на сходнях. И никто не протестует против парапетов и перил, не жалуется, что они стесняют нашу свободу и не дают свалиться с десятиметровой высоты.

Не таят ли в себе сложные роботы еще большую потенциальную угрозу, чем эти самые перила? Может, и таят. Но человек человеку угрожает еще больше.

Тут Полю подумалось, что кто-то уже этот вопрос задавал и предлагал решение. Кто же им был? Сознание покинуло его раньше, чем он смог вспомнить имя этого человека.

Поль приходит в себя в своей старой квартире, квартире пятидесяти шестого года. Он знает, однако, что какой-то своей частью он в семьдесят втором. И тут глубокая подавленность овладевает им. Потому что Поль чувствует в себе признаки разрушения, одиночества и гибели.

Тот Поль из 1968 года, которому на мгновение нанес визит

его бездетный двойник, ни капельки не изменился. Он расценил вторжение как временное раздвоение личности, выныривание на поверхность сознания его недавнего «я». Смутное чувство, что он выдал самого себя, принудило его загнать вглубь воспоминание об этом тревожащем душу случае. И во всеуслышание отстаивать только те убеждения, которые согласовывались с его положением в обществе.

Венсан избрал путь прямо противоположный; почувствовав в себе революционную жилку уже в двенадцать лет, будучи рано приобщен к политике старшими товарищами, он с каждым годом все более ожесточался против отца, да и к матери при этом не испытывал ничего, кроме презрения.

Менее года назад он сбежал из дома. Отправился на юг и погиб в дорожной аварии вместе с водителем, взявшим его под бросить. Поль и Изабелла были просто убиты горем. Но несчастье, вместо того чтобы сблизить, внезапно резко отдалило их друг от друга.

Поль отрекся от самого себя и теперь вдруг осознал свое отречение, пагубные последствия, которые оно оказывало на его отношения с сыном, осознал свою вину в смерти Венсана.

Он прямо так и сказал, вернее, прокричал Изабелле. Обвинил ее в том, что и она последовала за ним по гибельному пути или даже свернула на него первой, а затем повлекла и его. Она не вынесла его обвинений. И ушла от Поля. Теперь она живет с Дармоном. Они присвоили себе весь доход от «мемориала».

У Поля не осталось ничего: ни состояния, ни жены, ни ребенка. Ребенка, которого он, по существу, и не знал, которого зачал лишь затем, чтобы убить. Жены, которой он больше не увидит, которую любил, любит по-прежнему и без которой не может обойтись.

Он подумывает о самоубийстве.

Полю очень хотелось пообедать и провести ночь в деревенской гостинице. Поэтому Изабелла доверила Венсана своей матери, и они уселись в «студебеккер».

Проехали на запад двадцать километров по автостраде, потом свернули на извилистое, запруженное машинами шоссе. Поль вел автомобиль молча, не обращая внимания на радио, из которого доносились звуки твиста двух- или трехлетней давности. Изабелла, сама того не замечая, постукивала себя по колену в такт музыке.

У Поля появилось искушение разбить машину о грузовик: будущее представлялось таким мрачным, что он не прочь был бы разом с ним покончить. Но он не признавал за собой права распоряжаться жизнью Изабеллы, даже если судьба предназначала ей через некоторое время уйти от Поля.

Судьба? С чего это ему вдруг превращаться в фаталиста, если он сам воочию убедился в необязательности причинно-следственного ряда? Нет, ничего судьба не предназначала. Просто человеческого противодействия нельзя избежать. Конечно, Поль способен предугадывать, а вдобавок еще и изменять будущее, но он не может воздействовать сразу на взаимоисключающие

факторы. Так, делая все возможное, чтобы Венсан остался с ним, Поль приближал разлуку с Изабеллой. Единственное, что было в его силах — это предотвратить смерть Венсана. Цель, затмевающая все остальное, но достичь ее значило потерять Изабеллу. Хотел он того или нет, но знание будущего делало из него другого человека, а от самого будущего не приходилось ждать ничего хорошего. Разве что теперь Поль был в состоянии обзавестись такими политическими взглядами, при которых он мог бы уберечь Венсана от гибели, и решительно этим взглядам следовать.

Но он знал также, что ничего у него не выйдет. Изабелла все равно уйдет от него, но теперь уже не потому, что сочтет его виновным в смерти Венсана, а просто не сможет с ним дальше ладить. Вряд ли для того, чтобы Изабелла сохранила свои прежние убеждения, Полю достаточно было подать ей в этом пример. Зло уже поразило ее. Теперь и новое вмешательство в прошлое не уберет ее от заразы. Есть такие слабые люди, которые, даже если их увести с привычной колеи, все равно возвращаются к ней, причем самым непредсказуемым образом.

Поль не мог до бесконечности переиначивать сопротивляющееся прошлое. Нет, есть другой способ, и с завтрашнего дня он к нему прибегнет. Это решение требует мужества. Как ни странно, приняв его, Поль немного успокоился. Левой рукой по-прежнему сжимая руль, правой он привлек к себе Изабеллу.

О том, что это их последняя близость, знал только Поль. Он обнимал Изабеллу, словно пытался удержать воду, текущую между пальцами, или ветер, веющий в листве деревьев. Ему, умеющему перемещаться во времени, изменять то, что было, переделывать то, что будет, стало вдруг тошно тратить свою жизнь на беспрестанные мотания туда-сюда. Смутно Поль догадывался, что каждая решенная проблема освобождала место для новой, каждая переписанная страница его прошлого вынуждала переделывать потом целые главы. Он должен был признаться себе, что уподобляется Сизифу. Настала пора примириться с тем, что камень останется внизу, даже если для этого придется распротиститься с мечтой забраться на вершину.

Изабелла не разглядела причины столь неистовой страсти. Не поняла, что им владеет безнадежность.

Утром Поль осторожно, стараясь не разбудить Изабеллу, вылез из кровати. На мгновение он замер. В саду за гостиницей начали подавать голос птицы.

Поль добрался до ванной и там принял дозу «мемо-3». Потом снова лег рядом с Изабеллой. Она зашевелилась. Поль нежно обнял ее. К его горлу подступил комок. У него было такое чувство, словно он принял яд и теперь ждал, когда тот подействует.

1954 год, 18 мая, 2 часа дня. Поль Эрмелен спорит о чем-то с Жаком Дармоном в переполненном людьми зале. Кто пьет, кто смеется, кто танцует. В нескольких шагах от них опрятно одетый юноша обращается к черноволосой девнице:

— Шопенгауэр говорил, что женщина — это животное с длинными волосами и коротким умом. А как вы полагаете?

— Не знаю, какая прическа у Симоны де Бовуар, а что до ума, то сколько бы вы ни пыжились, с ней вам не сравняться. Опрятно одетый юноша прикусил язык. Дармон повернулся к Полю.

— Ее зовут Изабелла, — тихо произнес он, — она на пятом курсе.

Поль направился было к ней, но что-то удержало его. Что именно, он не знал.

— Я, пожалуй, пойду приударю за ней, — сказал Жак.

Какая-то сила толкала Поля опередить Жака. Но другая сила притормаживала его к полу.

— Давай! — сказал он тоном дрессировщика.

Улыбнувшись, Жак двинулся к Изабелле.

Поль повертел в руках формуляры. Шел 1984 год, и он уже два года как имел право выйти на пенсию. И вот Поль наконец решился заклеить этот большой коричневый конверт. Потом он задумался: завершалась его профессиональная деятельность. Личная жизнь завершилась еще раньше. Длилась она совсем недолго, и за ней последовало холостяцкое существование, изредка расцвечиваемое вялыми похождениями. По правде сказать, он всегда был равнодушен к Изабелле Дармон. Их любовь, рядившаяся в одежду дружбы, не шла дальше улыбок да поцелуев, чуть более пылких, чем следовало.

Ей теперь больше пятидесяти. Ее сыну Венсану скоро стукнет тридцать. Хорошая смена родителям выросла. Правда, специализировался он не на противострессовых препаратах, его больше привлекают проблемы, связанные с памятью.

Проблемы памяти? Поль пожал плечами. Почему бы и нет?

Он встал, взял конверт и вышел на улицу. В киоске купил газету: все то же... События в Афганистане, ирано-иракская война, восстание в Центральной Америке.

Поль отправился на почту. Но по пути заглянул к себе захватить плащ, который он оставил дома: в эту пору дожди не редкость.

**Перевод с французского Валерия ОРЛОВА (стр. 27—76) и
Владилена КАСПАРОВА (стр. 77—127)**

ОБ АВТОРАХ

ЛЕОНИД ПАНАСЕНКО родился в 1949 году в с. Перковичи Волынской области. Окончил факультет журналистики Киевского государственного университета. Член Союза писателей СССР, автор книги «Садовники Солнца», «Сентябрь — это навсегда» и других. В нынешнем году в Болгарии вышла книга Л. Панасенко «Гнев Ненаглядной». Одноименная повесть была впервые опубликована в «Искателе» в 1982 году.

АНДРЕ РЮЭЛЛАН родился в 1922 году. Врач по образованию. Автор многих повестей и романов, опубликованных большей частью под псевдонимом Курт Стейнер. В 1985 году роману «Мемо» был присужден «Гран-При французской научной фантастики». Предлагаемый советскому читателю роман — первое произведение писателя, публикуемое на русском языке.

На I, III, IV страницах обложки рисунки **Сергея РАДИМОВА**
к фантастическому роману «МЕМО».

На II странице обложки рисунок **Анатолия ГУСЕВА**
к повести «СТАТИСТЫ».

Под редакцией **А. ПОЛЕЩУКА** и **Е. КУЗЬМИНА**

Редактор выпуска **С. БЕЛОЗЕРОВ**

Художественный редактор **В. КУХАРУК**

Технический редактор **О. БОЙКО**

Адрес редакции: 125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а
Тел. 285-80-10, 285-88-84

Сдано в набор 11.05.88. Подписано в печать 13.06.88. А01060.

Формат 84×108^{1/32}. Бумага газетная. Печать высокая.

Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,56. Уч.-изд. л. 10,0.

Тираж 300 000 экз. Цена 60 коп. Заказ 117

© «Искатель», 1988 г.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»,
103030, Москва, К-30, Сущевская, 21

ИСКАТЕЛЬ

Леонид ПАНАСЕНКО

Андре РЮЭЛЛАН

Цена 60 коп.

